

Глава IV

МЕРОПРИЯТИЯ ГПУ ПО ОХРАНЕ, АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ ПРОЦЕССА И ПО «ДОБИВАНИЮ» ПСР

§ 1. «ОТ НАШЕГО РЕЗИДЕНТА В БЕРЛИНЕ»: ОСВЕЩЕНИЕ ИНО ГПУ ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ, ПРОЦЕССА С.-Р. И РЕАКЦИИ НА НЕГО В ЕВРОПЕ И В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Материал об эсеровской эмиграции и вся информация, относящаяся к процессу с.-р., поступавшая от заграничных резидентур в ИНО ГПУ, пересылались последним в СО ГПУ и аккумулировались в отдельном томе под заголовком «Агентурный материал о заграничных с.-р. и иностранных защитниках»¹. Впрочем, самые первые материалы, отложившиеся в томе, поступили не от ИНО ГПУ (да и вообще не относились к теме, вынесенной на обложку тома, а характеризовали состояние дел в российской эсеровской среде к 1921 г.²). И хотя материалы ИНО ГПУ составили большую часть объема этого тома, но, похоже, Т. П. Самсонов и Я. А. Агранов рассматривали его содержание шире, о чем можно судить по резолюциям Самсонова на ряде документов — «в Секретную папку»³.

Таким образом, данная «Секретная папка» содержала, вопреки названию, не только заграничный агентурный материал. Сюда попал, скажем, подлинник письма видного сибирского чекиста И. П. Павлуновского от 14 марта о препровождении И. С. Юдина и В. И. Игнатъева для использования в процессе⁴. Здесь же осела расписка Игнатъева от 24 марта: «При освобождении для приобретения необходимых вещей домашнего обихода получил через Я. С. Агранова 15 (пятнадцать) миллионов рублей»⁵; письма Л. В. Коноплевой в ЦК РКП и И. С. Уншлихту с требованием вызвать ее на суд; а кроме того, ряд служебных записок, агентурных записок, выписки из постановлений Политбюро на имя Уншлихта⁶. На всех них стояла адресация Агранову. Таким образом, представляется, что эта папка была самой секретной из всех в данном фонде и замыкалась на Агранове.

Первый документ из ИНО ВЧК был направлен на имя нач. СО ВЧК Самсонова 4 июня 1921 г. и последним был переадресован уполномоченному СО ВЧК Кожевникову⁷. На угловом штампе ИНО ГПУ значилось, что информация получена «от н/резидента в Берлине», а в самом тексте отмечалось, что тот получил сведения «от одного из своих сотрудников, оценки не может дать» (оценить степень достоверности сообщения сотрудника требовал один из пунктов уголовного штампа ИНО ВЧК-ГПУ)⁸. В донесении сообщалось, что «главным организационным центром ПСР за границей является Прага, а политическим — Париж» и описывалась расстановка сил в Пражской группе, а также сообщалось о налаженных ею транзитных «пунктах через Берлин, Ревель, Ригу, Гельсингфорс и Ковно»⁹. Самсонов подчеркнул ряд фраз в донесении, после фразы — «Работа по организации и руководству подпольем ПСР в Советской России находится всецело в руках пражской группы» — Самсонов поставил

большой знак вопроса и поставил резолюцию «С. Секретно. Т. Кожевникову. Некоторые данные говорят за то, что этот документ не совсем достоверен и, по-видимому, построен на слухах (3 слова не разобрано. — К. М.) срочно дать директивы агентам. 6/6 Самсонов»¹⁰.

История повторялась — то, что было бичом старой заграничной охраны — опасение агента выдать себя расспросами и сообщением достоверной и ценной информации, источник утечки которой революционерам порой удавалось вычислить, вело к собиранию агентом недостоверных эмигрантских слухов и сплетен. Надо отметить, что чекистское руководство гораздо лучше знало реалии революционного подполья и эмиграции, и к тому же лучше было осведомлено о состоянии дел в них с помощью сексотов, чем дореволюционные начальники из ДП и ГЖУ, а посему вовсе не случайно Самсонов (сам бывший анархист) не купился на эту «развесистую клюкву» (но «клюква» в донесениях время от времени все же встречалась, несмотря на соответствующие директивы агентам).

Конечно, главным объектом освещения агентуры ИНО ГПУ была эсеровская эмиграция и действия, предпринимаемые ею в связи с процессом с.-р. В числе первых в середине марта из ИНО ГПУ в СО ГПУ был передан доклад «Отношение с.-р. к брошюре Семенова-Васильева», подготовленный, по всей видимости, секретным сотрудником, освещавшим берлинскую эсеровскую колонию. Доклад гласил: «И. С. Постников. — Мы предпринимаем целый ряд мер против этой клеветы. Мы сейчас разрабатываем заявление в Амстердам и Венский Интернационал, в котором все это фактически отвергается. Мы знаем, что Семенов-Васильев подкуплен. Он (Семенов-Васильев) старый член партии, но его в партии никогда не любили, ибо он бесчестен был. Мы сейчас пишем также коллективную брошюру — опровержение всего того, о чем Васильев писал.

II. В настоящий момент с.-р. Делегация имеет частые беседы с представителями с.-д. и ус.-п. По словам Постникова и Чернова, германские социалистические партии очень доброжелательно относятся к приезду с.-р. сходки. <...> Делегация сейчас готовит: 1) заявление о Семенове на многих языках, 2) материалы о большевистских тюрьмах, 3) обзор деятельности партии в России.

VI. В последние два дня Русанов виделся с немецкими с.д. большинства и информировал их о политическом состоянии в России.

IX. Имеются у с.-р. сведения, что **большевики направили из России в Прагу — Париж — Берлин около 40 человек для шпионажа среди с.-р.** (выделено нами. — К. М.) (последние из уст Постникова и Тер-Погосьяна при разговоре во время обеда)¹¹. 20 марта 1922 г. Самсонов приказал Кожевникову ознакомить с этими сведениями Агранова, которого ознакомили также и с другим документом, поступившим по линии ИНО ГПУ — «Выпиской из письма Чернова Лебедеву из Ревеля»: «Перед отъездом в Москву я вызван Минором в Париж с важным совещанием. Будет решаться вопрос о совместной работе всех социалистических групп и о устройстве более продуктивной агитации среди европейских общественных кругов, главным образом итальянских и английских с целью дискредитирования торгового договора Англии, а в Италии сорвать торговый договор. Временные инструкции: Отправь в Рим Маркова, пусть он войдет в сношения с фашистами, а именно: с вождем Каптиво, чтобы движение имело национальный фундамент и под этим флагом устраивать демонстрации против членов Сов.

миссии. <...> Из Парижа поеду через Прагу, так как мне необходимо видеться с тобой и др. перед моим отъездом в Москву. Приготовь для меня паспорт»¹².

Насколько достоверна эта выписка и не является ли она результатом фальсификации сексота, стремящегося набить себе цену? Сама возможность связи эсеров с фашистами в Италии по большому сомнению, они скорее предпочли бы действовать через итальянских социалистов, с которыми у них были давние, еще дореволюционные связи. Из письма видно, что речь идет о нелегальной поездке Чернова по чужому или нелегальному паспорту¹³. Насколько известно, ни о какой поездке Чернова легально в Москву в качестве защитника речи не велось — это значило бы дразнить гусей и искушать чекистов и большевиков. Но в условиях тотальных арестов эсеров в России в это время и неплохого (судя по всему) агентурного освещения их подполья (благодаря предшествующей очень усиленной вербовке в их среде сексотов из неустойчивых элементов) подобная поездка Чернова была бы большим подарком для чекистов. Чернову удавалось прятаться от чекистов в Московском подполье в 1919—1920 гг., но к весне 1922 г. ситуация серьезно изменилась (в 1920—1921 гг. чекисты арестовали всех членов российского ЦК).

Насколько достоверны были сведения эсеров о присылке в три европейских центра эсеровской эмиграции 40 секретных сотрудников (а речь, судя по всему, шла именно о них, а не о филерах (агентах наружного наблюдения))? Данное мероприятие, по-видимому, имело место — свидетельством этого является сам факт высокого уровня «внутреннего освещения» эсеровской эмиграции в это время. Кроме того, в ситуации «добывания» эсеровской партии, частью которого был и сам процесс, когда от нее ждали всего что угодно, в том числе и обращения к старому оружию террора — подобное «шпигование» эсеровской эмиграции сексотами было более чем разумной и оправданной мерой, т. к. при ослаблении российского подполья именно эмиграция сосредотачивала функции партийного центра. Большевики, вероятно, знали, что когда в 1909—1911 гг. БО ПСР руководил Б. В. Савинков, вся подготовительная работа велась за границей и там же находились и ее кадры, приезжавшие в Россию лишь для необходимых действий. Более того, одно из последних эсеровских покушений было совершено в 1911 г. силами эмигрантов, приехавших в Сибирь для совершения террористического акта и вновь уехавших в Париж.

Вообще столь массовая засылка сексотов в революционную эмиграцию не была чем-то необычным. Подобное было и после разоблачения Азефа, когда ДП, ГЖУ и Охранные отделения, опасаясь новой волны террора, активно «шпиговали» эсеровскую эмиграцию агентурой. Делалось это достаточно просто — сексотам, работавшим в местных эсеровских организациях велели эмигрировать и предлагать свои услуги БО ПСР. Не исключено, что по подобной схеме все могло быть организовано и в 1920—1922 гг. Эмигрировать в это время было уже совсем непросто и опасно, хотя и не до такой степени, как, скажем, через несколько лет (хотя меньшевик Борис Сапир, бежав из ссылки, все же сумел нелегально перейти границу).

27 апреля 1922 г. Иностраннный отдел, ссылаясь на своего «резидента в Берлине», чьи «сведения заслуживают полного доверия», сообщил: «Работа Берлинской Делегации эсеров за последние дни очень оживилась. Между прочим, часто происходят ссоры между Зензиновым, Чер-

новым и Постниковым по поводу тех или иных принципиальных вопросов. Происходит ежедневная грызня, отравляющая атмосферу. Главным образом, споры касаются о тактике по отношению к Парижской группе, по вопросу о признании, по вопросу о вооруженных восстаниях и т. д. Чернов и Постников занимают более левую позицию, Зензинов — правую. Особенно в последние дни дискуссируется вопрос о вооруженном выступлении на Кавказе и в Саратовской области (по их мнению две наиболее сильные партийные области).

В субботу 15-го апреля состоялось экстренное заседание Делегации, посвященное вопросу о вооруженных отрядах. Из Москвы получились очень важные материалы: **ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО В МОСКВЕ НЕОЖИДАННО ПЕРЕМЕНИЛО СВОЮ ПОЗИЦИЮ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВООРУЖЕННЫМ ВОССТАНИЯМ, ПРИНЯВ ПРИНЦИПИАЛЬНО СОВЕРШЕННО ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ.** Чернов на этом заседании высказался против такой тактики, ибо считает, что теперь это может помешать успеху России в Генуе. Постников был с ним, Зензинов и Рубанович высказались против.

Из Праги в Россию отправляются два человека: один В. Гуревич, фамилия другого неизвестна.

В воскресенье 16-го апреля в Берлине было два человека: Абельский и Лаврецкий, едущие из Праги и направляющие[ся] в Ревель с целью проезда в Россию. Оба едут по поручению Делегации. <...> По словам Минора, в Питере, Москве и Харькове выходят нелегальные газеты партии эсеров. В Питере и Житомире есть нелегальные типографии. Центральное Бюро партии, заменяющее арестованный ЦК, находится сейчас в Житомире. **На смертные приговоры московских эсеров, т. е. Гоцу и кампании, эсеры, по мнению Минора, ответят террором** (выделено нами. — К. М.)»¹⁴.

Самсонов переправил этот документ Кузьмину, а тот, в свою очередь, зам. начальника 3-го отделения СО ГПУ Полякову, подчеркнув при этом приметы Абельского и Лаврецкого. Как мы видим, как и до революции, сообщения зарубежных сексов содержали не только информацию о состоянии дел и настроений в эмигрантских кругах, но имели и оперативную ценность для российского полицейского начальства.

4 мая 1922 г. ИНО ГПУ передало в СО ГПУ «сведения из Праги»: «Очередная „Чашка чая“ совершенно провалилась. Констатирована невозможность применить на чужой территории террор к большевикам, объединение пестрых политических течений признано невозможным»¹⁵.

8 мая 1922 г. берлинская резидентура сообщала («достоверно»): «Здесь находится В. Гуревич, который собирается поехать в Россию легально, если разрешат в качестве защитника, на процесс, и нелегально — в противном случае. Последние заседания Делегации посвящены вопросам об организации защиты, о посылке людей в Россию. Прибывает очень много писем из России. По словам Чернова, он едет в Париж и Брюссель для переговоров с разными лицами относительно организации защиты.

В разговоре с Черновым последний высказал мысль, что необходимо организовать армию хлеба, которая начала бы с какого-либо уголка России, куда привезен был бы хлеб. А оттуда двинется с запасами на Россию. Будто бы это поддерживается среди лиц заграничной Делегации. Из Праги проездом обратно в Париж находится Аргун[ов], который здесь с Делегацией имел беседы относительно финансирования политической работы из Парижа.

Последние известия из Константинополя говорят о том, что там снова налаживается аппарат зеленой армии. <...> **В Москве на 10 мая назначена конференция боевых организаций с.-р.** (выделено нами. — *К. М.*)¹⁶. Самсонов подчеркнул последнюю фразу и поставил напротив нее крестик, в скобках воспроизвел его и в резолюции: «т. Кузьмин. Выясните с Маркарьяном»¹⁷.

6 мая 1922 г. ИНО ГПУ, ссылаясь на заслуживающего доверия «резидента из Генуи», сообщало: «...обнаружено присутствие Сухомлина и сестры Гоца (источник итальянской полиции)»¹⁸. Крайне интересной была и информация, пришедшая по линии ИНО ГПУ, о том, почему все же не поехали вместе с иностранными защитниками и русские социалисты (эсеры или меньшевики). Оказывается, на совместной встрече в середине мая, на которой помимо эсеров, присутствовали Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, а также немецкие с.-д. Т. Либкнехт, К. Розенфельд, русскими социалистами была предложена в качестве защитника на процесс кандидатура Мартова. Задолго для этого планировали отправить эсеров В. В. Сухомлина, В. Я. Гуревича, С. А. Кобякова и В. М. Зензинова. И хотя советские власти (устаи полпреда РСФСР в Германии Н. Н. Крестинского) никаких официальных гарантий их безопасности так и не дали, несмотря на настойчивые обращения, причина отказа русских социалистов от поездки оказалась в нежелании иностранных защитников-социалистов провоцировать большевиков (см. параграф 2 гл. 1). Об этом мы узнаем из письма уехавшему в командировку Зензинову от одного из его товарищей, которое 8 июня 1922 г. было переслано из берлинской резидентуры в ИНО ГПУ: «<...> Сегодня провожал немцев, едут с охотой, как в дикую страну. Л[ибкнехт] производит впечатление человека с идиотски сконструированной головой. <...> **Привет товарищам. Пусть учтут обстановку и не усложняют дела. Господи, как все это мелко, неужели партию можно распылить лишь из одного уязвленного самолюбия?** (выделено нами. — *К. М.*).

<...> Только что хотел подписать и отправить письмо, как пришли две телеграммы. От Махина: 16 эсеров объявили голодовку, требуют взаимного обещания предъявления обвинительного акта — следовательно-представитель Крыленки заявил — акт будет предъявлен за 48 часов до суда, пуская голодают до суда. В обещании отказано <...>»¹⁹.

29 мая 1922 г. пришла информация «от резидента из Ковно» («достоверно») о составе Заграничной делегации ПСР и «Берлинского комитета ПСР» (включая должности и домашние адреса), в которой также сообщалось следующее: «По словам редакционного коллектива (“Голоса России“). — *К. М.*), **за последнее время из России со всех мест стали поступать известия, что налаживается партийная работа и лица, давно ушедшие от работы, вновь с энергией принялись за организационную работу** (выделено нами. — *К. М.*)»²⁰. Весьма сенсационно звучала и информация об источниках финансирования Заграничной делегации: «**Удалось установить, что Заграничная Делегация черпает средства из следующих источников: Периодические поступления от товарища министра иностранных дел чехословацкого правительства Гирса, 2) от некоторых комиссариатов, где есть свои люди и 3) недавно получена крупная сумма от русских кооперативов при посредстве Бернгейма** (выделено нами. — *К. М.*)»²¹. И если ничего неожиданного в помощи эсерам со стороны чехословацких властей не было (это был секрет Полишинеля), то второй и третий пункты вызывают интерес. То, что кооперативные функционеры были тесно, чуть ли не генетически, связаны с эсеровскими кадрами, многие из которых

активно работали в кооперативных организациях и помогали им деньгами, нет ничего удивительного, но вот то, что им удалось переправить деньги за границу... Впрочем, сама возможность денежной помощи эсерам вполне возможна. В этом контексте важно отметить, что на процессе с.-р. выяснилось, что многие т. н. эсеровские экспроприации в конце 1917 — начале 1918 г., были ничем иным как добровольной передачей денег (закамуфлированной под экспроприации) от целого ряда организаций, в том числе и кооперативов, которые сами приходили к эсерам с подобными предложениями. Но самой удивительной представляется информация о поступлении денег из некоторых советских комиссариатов. Насколько она достоверна, судить трудно, но пищу для размышлений она дает.

В этом же донесении сообщалось о том, что «Берлинские эсеровские круги принимают все усилия, чтобы слушание дела по обвинению „Нового мира“ состоялось ранее Московского разбирательства. В благоприятном исходе берлинского процесса они вполне уверены, и постановление суда будет играть доминирующее и агитационное значение при разбирательстве дела в России. Насколько удалось установить, берлинские судебные круги придерживаются точки зрения одновременного слушания процесса. <...> В дискуссионном порядке за последние дни поставлен вопрос о планомерной организации вооруженного восстания в России. Берлинская группа, отрицая интервенции при помощи иностранного капитала, всецело стоит на внутренних организованных выступлениях. 10 мая по этому поводу в Москве состоится съезд всех боевых организаций России, и берлинская группа с нетерпением ждет вынесения постановлений. В случае же белогвардейских и бандитских вспышек стараться взять движение в свои руки и при неудаче сделать это стараться воспрепятствовать. Контакт по организации и подготовке вооруженных выступлений поддерживают только с социалистическими группировками, преимущественно с меньшевиками. На противоположной точке зрения стоит Парижская группа. Она признает и интервенцию, и блокировку с правыми элементами вплоть до правых кадетов. Со слов берлинской группы, Парижская группа поддерживает тесные контакты с Савинковым. На этом основном вопросе Берлинская группа вынесла ультимативное требование по отношению к Парижской группе отказаться от такой платформы, в противном случае угрожает полным разрывом.

...Для усиления работы внутри России предположено перебросить трех видных членов партии: Гуревича, Мартыанова и Лебедева. Первый хочет ехать легальным порядком и хлопочет о праве въезде. Остальные двое нелегальным порядком»²².

9 августа 1922 г. ИНО ГПУ, ссылаясь на своего резидента в Эстонии, сообщало: «Эсеры якобы надеются в случае вынесения смертных приговоров Московским трибуналом, поднять восстание в Кронштадте, где у них среди моряков количество сторонников будто бы увеличивается (подчеркнуто нач. ИНО ГПУ, адресовавшим донесение нач. СО ГПУ Самсонову. — К. М.). Работают по распространению литературы и думают оказать давление на Сов. власть запросом моряков о болезни Ленина. Петриченко <...> побуждает к восстанию ингерманландцев, обещая им от имени Чернова полную автономию (“культурную”). Соответствующую работу на пограничных обменных пунктах якобы ведут Махин, Постников, Васильковский (?), приехавший недавно из Праги под фамилией Георга Брандеса полк. Егоров, будто бы, появившийся в Эстонии Постников.

В якобы отправленной в Россию литературе говорится о расходах загранич[ных] Пр[едставительств] в России, „шикарно живущих за счет голодающего народа“. Надеются использовать движение против отобрания церковных ценностей (они уже ведь отобраны) и арест патриарха Тихона. Отчет о неудачах в Генуе и Гааге отпечатать в соответствующем освещении для „армии и флота“²³. Пом. начальника СО ГПУ Т. Д. Дерибас наложил на донесение следующую резолюцию: «т. Кузьмину. Нужно Питеру дать на этот счет указания»²⁴.

Выписка «Из сводки Иностранного Отдела за № 1962 от 31/8—22 года» гласила: «Деятельность по протесту продолжается. Настроение весьма бодрое. Процесс стараются использовать. Если 14 будут помилованы — лозунг будет брошен „боязнь террора и влияние протеста“»²⁵. Месяцем позже, в подобной же выписке СО ГПУ сообщалось: «В разговоре с Рубановичем мой друг спросил его, как он относится к митингам протестам в Германии, устраиваемых с.-д. Русанов сказал, что немецкие с.-д. гораздо холоднее к вопросу, чем Делегация надеялась. Постников сказал, что немецкие рабочие вообще не интересуются русскими вопросами. Настроение у всех скрыто-подавленное. Они не знают, что предпринять. Главную энергию они концентрировали в Чехии, Латвии и Эстонии»²⁶.

8 июля 1922 г. ИНО ГПУ от своего берлинского резидента получило донесение о том, что «в эсеровской среде существуют если не определенные планы, то во всяком случае настроения в пользу террора как ответа на процесс в Москве, если он окончится смертными приговорами. Кроме того с.-ры распускают слухи, что в убийстве Ратенау принимали участие и большевики, чтобы таким образом затушевать впечатление приговора над с.-ами»²⁷. Новость о крепнувших настроениях в пользу террора среди эсеров-эмигрантов взволновала нач. ИНО ГПУ, и он отправил копии этого донесения не только Самсонову и «к делу с.-р.», но и Г. Г. Ягоде. Кузьмин, получивший этот документ от Самсонова, переадресовал его без всяких комментариев Элькинду²⁸.

18 июля со слов агента берлинского резидента вновь сообщали СО ГПУ: «В разговоре с Постниковым о процессе — жена Постникова сказала, что если вынесут смертный приговор с.-р., тогда „мы начнем косить большевиков здесь“. Постаравшись выяснить отношение с.-р. к террору против коммунистов, я в беседах с Погосяном, Мартьяновым и Черновым, установил следующее: Настроение среди с.-р. за террор против коммунистических вождей. Конкретно они думают этот способ применить после вынесения приговора.

Мартьянов мне указал, что он solo будет участвовать в этих террористических актах, если бы таковые были решены. Главным образом террор намечен против членов Сов. миссии.

2) При разговоре с Постниковым и Черновым о средствах, которые они принимают против выноса приговора, Постников сказал следующее: если бы не убийство Ратенау, то мы бы имели чудное средство, можно было бы организовать демонстрацию из 2—3 тысяч рабочих немецких у задания советского посольства — это вызвало свое влияние — думает Постников. В этом же смысле высказался и Чернов.

О Московской конференции с.-р. не удалось ничего дальнейшего узнать.

5-го июля состоялось у М. совещание между Постниковым, Черновым и Васильевским, приехавшим из Сибири. Совещание было посвящено Сибирскому вопросу, о работе с.-р. там. Когда совещание было окончено, Постников сказал мне, что вот Сибирь, какое поле для рабо-

ты партийной. Ведь оттуда можно многое начать. Я не расспрашивал его подробно. Редакция „Голоса России“ надеется на субсидию со стороны „Форвертса“»²⁹. НачИНО адресовал это донесение «т. Самсонову (лично)» и «к делу с.-р». Самсонов оставил резолюцию: «Тов. Дерibasу (затем зачеркнул и написал — Кузьмину). По ознакомлении передать в 3-е Отделение. 27 /7 Самсонов».

Как известно, первоначально предполагалось, что вместе с иностранными защитниками поедет и несколько защитников из числа эсеров-эмигрантов. Это не могло не обеспокоить власти. По заданию из Москвы заграничная агентура сначала стала собирать на каждого из них компромат, а чуть позже составила на них развернутые справки-характеристики. Под общей шапкой «К сведению о защитниках» была прислана «Заметка „Получки г. Земсоциалистов“, помещенная в газете „Накануне“ от 29 апреля 1922 г. за № 28»³⁰ и «Сведения о защитниках»³¹. В последнем докладе сообщалось, что один из предполагаемых защитников-эсеров — В. Гуревич — «заведует в Праге Особым эсеровским отделом по борьбе со шпионажем». На Гуревича также была представлена 9 мая 1922 г. отдельная справка, составленная по материалам газет «Накануне» и «Руде право». Любопытно, что нескольким секретным сотрудникам поручили написать характеристики и на Сухомлина, Гуревича, Кобякова (Прага) и Зензинова (жившего в это время в Берлине).

Один из них Зензинова лично не знал и составил компиляцию его выступлений. В присланных ИНО ГПУ «Сведениях о члене ЦК ПСР тов. Зензинове» была подборка его публичных выступлений и выдержек из его статей, брошюр и воспоминаний по следующим рубрикам: «(красный) террор», «Участие ЦК ПСР в образовании областных антисоветских правительств в 1918 г.», «Чехословаки и социалисты-революционеры в Сибири», «Парижское Совещание Учредительного Собрания», «Прага и чешские деньги»³². Зато два других агента составили краткие характеристики на Кобякова, Сухомлина и Зензинова³³, а еще один — только на Зензинова³⁴. Собранные вместе, три документа дают представление не только о лицах, которым они посвящены, но и о том, как работал механизм освещения сексотами эмигрантов и какие разноречивые сведения передавали порой агенты об одном и том же человеке. В первой справке говорилось: «Кобяков, как обычный известный адвокат, не брезговал всякого рода скандальными процессами. Выдвинулся он в самое последнее время перед войной, как молодой талантливый адвокат. До 17 года никогда эсером не считался, да и теперь вряд ли им себя считает. Сухомлин в последнее время считается правой рукой Виктора Михайловича и его личным секретарем. Сопутствовал ему везде в поездках. Принимает ближайшее участие в газете. Член ЦК с конца 17 года, с 4 съезда. Вл. Зензинов, член ЦК с 3 съезда партии (17 года). За границей с 18 года. Стоял во главе германской группы и редактировал издававшуюся там газету, прикрытую партией за свое направление и связь с Антантой, отчасти с белогвардейскими организациями в начале 21 года. В 20 году стоял во главе группы, высказывающейся за интервенцию силами русских интернировавшихся за границу войск. Стоял во главе группы посылавших в Россию агентов для поддержки повстанческого движения и разрабатывающей план восстания против советской власти во всероссийском масштабе»³⁵.

Рукописный черновик другого сексота гласил: «Зензинов Влад. Михайлович. Во время войны занимал позицию определенно оборонческую,

уклонялся от партийной работы, саботировал работу молодых партийных организаций, стоявших на интернационалистской позиции; предпочитал кооперативную и культуртрегерскую работу. После Февраля взял на себя роль фактически личного секретаря Керенского, поддерживая его во всех его начинаниях. В ЦК занимал крайне правое место. После 8-го Совета ПСР одним из первых уехал на восток, где имел непосредственные сношения с чехословаками и французской миссией. Посылал через фронт в Москву заведомо ложную информацию о взаимоотношениях с правыми кругами и союзниками. Упорный сторонник „коалиции во что бы то ни стало“ во все периоды революции.

Член Уфимской Директории. После отъезда за границу, автор ряда исключительных по своей законченной ориентации на буржуазию статей.

Лично человек редкой чистоты, наивный, склонный к выискиванию повода для самопожертвования, абсолютно доверчивый.

Сухомлин Василий. Выбран кандидатом в ЦК на 4 съезде ПСР. Занимал правую позицию, оборонец.

Гуревич. Рядовой партийный работник, выдвинулся на востоке как активный сторонник Директории и коалиции. По позиции „Воленародовец“, т. е. ультраправый, сторонник Крестьянской партии»³⁶.

Нельзя не обратить внимания, что сексот очень плохо представлял себе политическую физиономию В. В. Сухомлина (очевидно перепутав его с его отцом Василием Ивановичем Сухомлиным, который за пять лет до этого, в 1917 г., будучи оборонцем, пошел добровольцем на фронт), тогда как сын был самым левонастроенным членом Заграничной делегации, вернувшимся в СССР после второй мировой войны.

Еще одну характеристику Зензинова, помимо этих двух черновых набросков, в которой агент называл его «типичным нерешительным русским интеллигентом», мы цитировали выше³⁷.

Отдельная неподписанная машинописная справка, составленная, судя по стилю и содержанию, еще одним сексотом, посвящена Кобякову и Сухомлину: «Оба эти лица ничем особо не выделались во время моего пребывания в Праге. Кобяков приехал из России в Чехию летом 1921 г. Человек физически очень слабый и болезненный <...> Лекцию о Советской юстиции, наполненную разоблачениями большевистских зверств, он читал не только в Праге, но и по нескольким городам Чехии. Сухомлин является наиболее левонастроенным эсером из числа эмиграции. Его статьи в «Воле России» всегда отличались строгой ортодоксальностью. Он выступал против интервенции, против соглашения с буржуазией и против Парижской уредилки. Среди Пражских эсеров чувствовал себя в одиночестве как сторонник левого течения. Являлся членом Заграничной Делегации ПСР»³⁸. Заканчивался доклад утверждением, что у агента «есть также характерные сведения, полезные для политических характеристик»³⁹.

Официальной (отправленной высокому начальству) стала другая справка, включавшая в себя развернутые справки и характеристики и описание внешности Гуревича, Кобякова, Сухомлина⁴⁰. Она поступила в ИНО ГПУ из-за границы 12 мая 1922 г. и 15 мая с пометкой «срочно» была отправлена М. А. Трилиссером Самсонову⁴¹, а затем и высшему партийному руководству⁴².

Далеко не вся информация, получаемая чекистами, работала на создававшийся ими образ эсеров — врагов, продавшихся мировой буржуазии и жирующих на ее деньги. Так, например, для того, чтобы покрыть

все необходимые траты на процесс, эсеры-эмигранты продали половину паев эсеровской газеты «Голос России», выходявшей в Берлине. Этот вопрос решался на заседании ЗД ПСР 19 апреля 1922 г.⁴³

Заграничной чекистской агентуре удалось сфотографировать целый ряд подлинных документов эсеровской эмиграции и писем от российских эсеров. Так, например, из протоколов ЦБ ПСР и особого мнения одного из его членов (Г. К. Покровского) видно, что усилия чекистов, старательно вбивавших клин между российскими и заграничными эсерами, между левоцентристами и правыми чуть было не увенчались успехом прямо перед самым началом процесса, когда российское ЦБ попыталось вновь вернуться к вопросу об исключении Н. Д. Авксентьева и И. И. Фондаминского из партии⁴⁴. Если бы это произошло, власти, несомненно, использовали это в своей пропаганде, но куда важнее, что в этом случае была бы сорвана совместная работа всех частей эмиграции по развертыванию контрпропагандистской кампании.

Конечно же, самый пристальный интерес у ИНО ГПУ и у СО ГПУ вызывали иностранные защитники-социалисты. Чекисты перехватывали всю корреспонденцию, адресованную им или исходящую от них из Москвы. Даже личные письма от одной из членов «Общества женщин-социалисток Брюссельского округа», адресованные из-за границы в Москву Э. Вандервельде (от 22 мая и 30 мая) были сфотографированы и вместе с переводом легли на стол Самсонова⁴⁵. Эти письма, по-видимому, заинтересовали чекистов тем, что могли при соответствующей трактовке скомпрометировать женатого Вандервельде. Также было сфотографировано и переведено письмо от жены Вандервельде от 30 мая и 4-го июня и его товарища по партии⁴⁶. Жена волновалась за него и выражала надежду, что он не подвергнется «нападению со стороны какого-либо фанатика»⁴⁷, интересовалась, не думает ли он о возвращении домой⁴⁸. Сфотографировали и письмо Вандервельде к родителям от 29 мая 1922 г., в котором он описывал свои первые впечатления от Москвы: «Мы только вчера прибыли в Москву и были встречены на вокзале представителями Правительства. Мы живем на даче в 6-ти верстах от Москвы; получаем молоко, масло, яйца и т. д., из фермы, принадлежащей поместью, где мы живем. Здесь после проделанной нами продолжительной поездки кажется нам очень приятным. В Москве мы еще не были, сегодня думаем туда поехать на автомобиле (находящемся здесь в нашем распоряжении) удастся посетить (кого неразборчиво. — прим. переводчика) неизвестно. Я однако полагаю, что это будет разрешено»⁴⁹. Любопытно, что о переводе этого письма Самсонов просил Трилиссера⁵⁰. Было сфотографировано и письмо К. Розенфельда, отправленное им из Москвы товарищу по партии, хотя оно касалось сугубо немецких дел — создания партийного Союза молодежи⁵¹.

В отдельных случаях письма иностранных защитников из Москвы не только фотографировали, но и перехватывали их, как это произошло с письмом А. Вотерса своим друзьям «господину и госпоже Кабен»: «<...>Я сделал все, что мог, постоянной заботой, чтобы не повредить обвиняемым и дать в журнал вещи более интересные, они были бы в большом количестве, если бы я был свободен духом... У меня нет новостей, ни писем, ни журналов, и не хватает друзей. В Брюсселе я был ими избалован, здесь же совсем другое, сейчас исторический момент.

Мы живем при Директории. Это похоже на процесс жирондистов.

Это хорошие типы. Прекрасные мозги и души. Мы живем среди леса с ландышами, которые и посылаю для дамы. Я их сорвал на четырехчасовой прогулке.

Процесс выдержал уже 3 заседания, мы сидим по 10 часов. Пусть. За инцидентами дело не встанет (подчеркнуто Самсоновым. — К. М.). Во всяком случае 1-го июля думаю быть на улице Стервен»⁵². В другом варианте перевода, который был почему-то весьма ощутимо короче, ряд фраз звучал чуть иначе. Так, например, о подсудимых эсерах: «Светлые личности. Прекрасные умы и души»⁵³. На переводе резолюция: «Тов. Михайлов. Не является ли автором этого письма гр. Вотерс — переводчик Вандервельде?»

VI отделение Спецотдела при ГПУ сфотографировало и перевело личное письмо Вотерсу из Берлина, которое было затем переправлено нач. ИНО ГПУ Трилиссеру⁵⁴, хотя первоначально Н. Сорокин, которому Трилиссер велел перевести и направить Самсонову два письма (второе было от Норвежского торгового агентства) вместо переводов послал Самсонову записку: «Тов. Самсонов, по-норвежски, к сожалению, не понимаю. Что же касается письма Вотерсу, то оно до такой степени незначительно и бессодержательно, что переводить его, по моему, нет смысла. Что нам до того, в самом деле, что квартира Вотерса в Брюсселе сдана и т. д. Н. Сорокин»⁵⁵. Но, очевидно, под давлением Самсонова, не вынесшего того, что кто-то, помимо него, будет определять ценность документа, письмо было все же переведено и оказалось, что в нем действительно в основном говорилось о том, что удалось отсрочить вопрос с арендой квартиры и по возвращении Вотерс не останется бездомным.

Свидетельством того, что чекисты для дискредитации иностранных защитников были готовы использовать все средства, служит комплект из 11 небольших фотографий (хранящихся в конверте вместе с письмами и фотокопиями с писем, адресованных Вандервельде), на которых изображена женщина в белом халате и косынке, зашнуровывающая ботинок сидящего мужчины, лица которого не видно⁵⁶. Странность и бессмыслица этих фотографий исчезает после знакомства с письмом начальника СО ГПУ Самсонова Ф. Э. Держинскому, написанного в начале июля, в котором тот предлагал начать кампанию против Вандервельде и К^о, «упомянув о их маникюрах, шнуровках ботинок и пр.»⁵⁷. Очевидно, что эти снимки незаметно были сделаны чекистами в том загородном санатории, где они разместили защитников.

Чекистов крайне интересовала позиция, занятая в связи с процессом европейскими социалистами, т. к. они были достаточно влиятельны, чтобы воздействовать на политику своих стран в отношении Советской России. 13 июня 1922 г. берлинская резидентура сообщала в Москву: «Ренодель заявил, что во Французском парламенте считают сближение с Сов. Россией невозможным. Другого мнения придерживаются только коммунисты, число которых очень незначительно. Нужно отметить, что сам Ренодель настроен враждебно к Сов. России, подтверждая, что его партия никогда бы не допустила никакого соглашения с Москвой ввиду ее отношения к социалистам-революционерам. Вот что он дословно сказал: „Результаты эсеровского процесса, в зависимости от того, к каким он приведет результатам, могут двояко повлиять на французскую социалистическую партию. Последняя во всяком случае считает, [что] соглашение с Сов. Россией возможно только при условии глубокого изменения ее законодательства и уравнивания в правах всех социалистических партий, т. е. при условии вхождения социалистов меньшинства в состав Сов. Правительства (выделено нами. — К. М.)“⁵⁸.

Необходимо отметить, что с донесениями резидентов ИНО ГПУ не знакомили высшее политическое руководство страны, а только началь-

ника СО ГПУ Самсонова (и иногда коллег-смежников — в данном случае второй экземпляр донесения, как видно из пометки на угловом штампе, был отправлен в «под к/д дивизии Франции»⁵⁹), который уже сам принимал решение, что делать с данным документом (исключение было только один раз, когда одно из первых сообщений о террористических настроениях эсеровской эмиграции адресовали еще и Уншлихту). Самсонов же или переадресовывал сообщения своим подчиненным для соответствующей оперативной работы, или направлял в архив, но никогда не адресовал выше по инстанции. Так случилось и с только что процитированным донесением, содержащим важнейшую информацию о перспективах внешнеполитических отношений с Францией, которое Самсонов, получивши его от ИНО ГПУ, ни до высшего партийного руководства, ни тем более до дипломатов не довел. Документ отправили в эсеровское 3 Отделение СО ГПУ Кузьмину, а тот передал его своему подчиненному Элькинду без каких-либо комментариев и указаний⁶⁰. Как мы видим, чекисты утаили от руководства страны серьезную стратегическую информацию, не желая не нужное для себя вмешательство в ход только что начавшегося процесса. Подобное авторитетное свидетельство существенно укрепило бы позиции «мягких» в высшем партийном руководстве, к слову сказать, хотевших только менее суровых приговоров и не рисковавших заходить так далеко, как того хотели французские социалисты.

16 июня берлинская резидентура вновь отправила донесение на эту же тему, но еще более пространное, в котором, в частности, говорилось: «Ренодель считает, что происходящий теперь эсеровский процесс явно докажет отношение Сов. правительства к социалистическим группам. Французская социалистическая партия не может допустить, чтоб одна социалистическая группа, какой бы она ни была крайней, судила другую, а формы, в которые выливаются дебаты на процессе доказывают, что Советский суд является пародией настоящего правосудия. Несмотря на то, что были допущены некоторые протесты со стороны защиты обвиняемых, эта защита писала из Москвы, что ей уже заранее известен результат суда, что все обвиняемые будут осуждены. Считая, что русские коммунисты этим самым процессом уничтожают всякую возможность соглашения между ними и социалистами, Ренодель не верит в единый фронт пролетариата и трех Интернационалов. <...> Что касается Франции, Ренодель убежден, что сейчас там невозможно никакое революционное движение. Пример революций других стран доказал французским социалистам все бедствия, к которым они приводят. Что касается французских коммунистов, то Ренодель заявляет, что, согласно главному секретарю этой партии, видно, что она, <...> теряет их (сторонников. — К. М.) в большом количестве, считая с апреля прошлого года. Ренодель горячо осуждает методы управления страной Сов. правительства и считает в данный момент нецелесообразным, чтобы Франция вступила с ним в торговое соглашение»⁶¹. Начальник ИНО ГПУ помимо Самсонова направил данное донесение Пиляру и Пятницкому.

Любопытно, что в сети резидентуры ИНО ГПУ попала даже аналитическая записка польского посольства в Москве, которая так оценивала процесс с.-р. и цели его организаторов: «С.-р. процесс констатировал перевес коммунистической партии над эсерами. Значение с.-р. в Сов. России в настоящее время минимально. Советский террор уничтожил все с.-р. организации, а Советская пропаганда притянула на сторону Сов. власти большинство крестьян.

Московское правительство, которое еще год тому назад считалось с с.-р. опасностью, сейчас ее игнорирует. Совнаркому удалось тоже освободиться из под влияния 3-го Интернационала; он достаточно силен, чтобы вести не партийную коммунистическую политику, которая принимает во внимание задачи коммунистических партий Европы, а — государственную — Советско-Российскую политику, которая и является руководящей линией Советского Правительства»⁶². У кого-то из сотрудников ИНО ГПУ, адресовавших этот документ Самсонову, были даже мысли о возможности использования его для печати, но затем он их отбросил и просто адресовал бумагу «Тов. Кузьмину. Для сведения»⁶³.

Интересовали чекистов и оценки эсеров и эсеровского процесса белым движением, которые можно было бы использовать для последующей дискредитации эсеров. Еще в октябре 1921 г. ИНО ГПУ отправил Самсонову «Краткую записку о деятельности эсеровской базы в Праге», «содержавшую анализ сил, возможностей пражской эсеровской колонии и отношение к ней других частей русской эмиграции»⁶⁴. В ее «Заключении» говорилось: «Из всего сказанного видно, что партия эсеров не имеет серьезной почвы для деятельности как в Совдепии, так и, тем более, за границей. Все их видимое значение основано лишь на расположении значительными денежными средствами, позволяющими им печатно кричать о себе и, переезжая с места на место, делать вид практической работы. Среди рабочих и крестьян эсеры сами не ждут ничего для себя хорошего. Вся их надежда на российскую, по преимуществу еврейскую интеллигенцию, которая еще раз в истории России может сыграть трагическую роль, если русские люди не излечатся радикально от своих мягкотелости, юдофильства и шкурничества»⁶⁵.

В высшей степени интересны оценки эсеров белой эмиграцией, содержащиеся в рапорте «генерал-лейтенанта Холмсена», адресованного начальнику Штаба Главнокомандующего Русской Армией. Отправляя 15 апреля 1922 г. его копию в Москву, берлинская резидентура ИНО ГПУ на делопроизводственном штампе отметила, что «первоисточник» — «из архива Холмсена», «степень достоверности» — «документально». Уже в Москве нач. ИНО ГПУ адресовал документ Артузову, Самсонову, «к делу с.-р.», «под к. Врангеля»⁶⁶. На документе стоят две резолюции какого-то работника ИНО (подпись неразборчива): «Лично т. Агранов К процессу эсеров 20/IV—22» и «Холмсен представитель Врангеля в Берлине». Рапорт гласил: «Партия социалистов-революционеров, имевшая до сих пор свой главный заграничный центр в Праге, по-видимому, перенесла его в Берлин. Выходящая здесь уже в течение более двух лет и бывшая долгое время единственной в Германии русской, газета „Голос России“ в настоящее время стала партийным органом с.-р., приобретенных ее от группы Милокова, в ведении коей она состояла в течение весьма короткого промежутка времени. Виднейшие члены партии с.-р. (Чернов, Зензинов и др.) выступают как на страницах упомянутой газеты, так и на столбцах германских социалистических органов прессы, охотно помещающих их протесты против большевизма вообще и, главным образом, против арестов находящихся в России членов партии. Германская социалистическая пресса вообще за последнее время резко выступает против Сов. власти, возможно, что под давлением и влиянием как перекочевавших в Берлин с.-р. главарей, так и меньшевистских лидеров (Абрамович, Мартов, Дан), также здесь обитающих.

Нельзя не признать, что таковая деятельность с.-р. приносит белому движению существенную пользу, давая германскому рабочему классу обильный материал, разъясняющий и иллюстрирующий истинную

сущность большевизма, под обаянием коего он так долго пребывал, не допуская каких либо против его выступлений со стороны не социалистически мыслящих партий. с.-р., таким образом, облегчают белое движение вообще, делая понятным выступления против большевиков и одновременно солидаризируясь с с.-д., входящими в состав, как имперского, так и других местных германских правительств, за исключением Баварии.

Однако на столбцах той же газеты „Голос России“ с.-р. ведут самую яростную кампанию против русской армии и ее вождя генерала Врангеля, действуя в этом направлении в полном единодушии с большевиками. Не проходит дня, чтобы на страницах с.-р. партийного органа, а также большевистского „Нового Мира“ не появилось какого либо сообщения, касающегося эвакуированных из Константинополя воинских частей русской армии, то ли в форме телеграфных сообщений, то ли в виде полемики с газетой „Руль“, обвиняемой „Голосом России“ в защите белогвардейцев и генерала Врангеля. В появившихся на днях (№ 915 от 11 марта) обращении „Заграничной делегации“ партии с.-р. (Зензинов, Русанов, Сухомлин, Чернов) „К социалистическим партиям всех стран“ наряду с самыми резкими нападка на большевиков, имеется откровенное признание в разложении ими тыла адмирала Колчака и его личном пленении. Эти действия партия с.-р. ставит себе в заслугу, заявляя, что „честь окончательной ликвидации Колчака“ была делом с.-р. Вслед за этим признанием имеется оговорка о том, что партия при этом не заключала соглашений с большевистской властью из-за „ее антинародного, захватнического, диктаторско-террористического характера“.

Деятельность с.-р., таким образом, наряду с борьбой против большевиков, ставит себе задачу воспрепятствования и помехе всякому другому антибольшевистскому движению иначе с ними мыслящих белых русских. Основной же целью их в этом направлении [является] дискредитирование и травля Русской армии»⁶⁷. Не меньший интерес представляет и скопированное берлинской резидентурой ИНО ГПУ «агентурное донесение Врангелевской разведки», отправленное в Москву 25 апреля 1922 г., гласившее: «Предание суду Верховного революционного трибунала Центрального Комитета партии с.-р. в Сов. России за организацию террористических актов на основании брошюры Семенова-Васильева — в большей степени обеспокоил берлинскую с.-р. организацию главным образом с точки зрения шкурного вопроса: „кто из родственников проживающих в Сов. России членов ЦК партии, находящихся за границей, будет взят заложником в случае неприбытия на суд всего состава ЦК партии“. Кроме того, предание суду совершенно разрушает и последнюю, хотя и очень слабую, связь заграничных членов от ЦК в России. Предание суду означает фактически полный разгром партии с.-р. в Сов. России и сведение ее небольшой деятельности на нет»⁶⁸.

Важнейшей задачей Иностранного отделения Информационного отдела ГПУ было снабжение СО ГПУ информационными сводками, составленными на основе иностранных и эмигрантских газет, касающихся процесса с.-р. Так, в обзоре эмигрантской периодики, подготовленном начальником Информационного отдела ГПУ в конце июня 1922 г., весь раздел которого — «IV. Эс-Эры» был адресован 3 Отделению СО ГПУ, цитировался по эсеровским газетам рассказ Вандервельде «тесному кругу товарищей» о впечатлениях от поездки в Россию и от

процесса: «Мы прибыли на русскую границу 23 мая. Начиная от границы, один из редакторов „Правды“, ехавший в том же поезде, взял на себя труд указывать публике на станциях на наше присутствие в поезде.

Бросалось в глаза, что это была манифестация искусственная и заранее подготовленная. Искусственность этой манифестации ясна хотя бы уже из того, что во все последующие дни при нашем появлении на улицах царило полное спокойствие. Мы не слышали никаких враждебных возгласов и не видели никаких проявлений народного негодования. Нужно сказать, что очень часто на улицах, слыша французскую речь, прохожие спрашивали прикомандированных к нам большевистских чиновников, не Вандервельде ли это. Каждый раз наши телохранители отвечали — «нет, это французы, приехавшие по другим делам». Но вот когда мы осматривали Храм Христа Спасителя, кто-то из публики узнал нас. Собралась толпа... Желая избежать скандала в церкви, вышли. Толпа высыпала за нами на улицу, послышались рукоплескания, возгласы „браво“ и другие выражения сочувствия. Враждебная манифестация была организована правительством в день нашего прибытия для того, чтобы оправдать затем меры, которые были приняты якобы для охранения нашей безопасности. Нам было заявлено, что строгая инструкция препятствует нашему [общению] с внешним миром. С русскими адвокатами мы не могли видаться у них на дому или принимать их у себя. Мне было запрещено видаться с коммерческим делегатом Англии. Наше присутствие в настоящий момент более полезно в Европе, где мы намерены развить агитацию против вынесения смертного приговора. Наше присутствие на процессе в данных условиях и после нарушения взятых на себя большевиками обязательств могло бы быть истолковано как признание нами закономерности большевистского судопроизводства и было бы использовано большевиками с целью реабилитации их „правосудия“.

<...> Перед нашим отъездом в Москве ходили слухи, что смертный приговор угрожает нескольким из подсудимых. Мы надеемся, однако, что наша кампания в Европе помешает большевикам привести их намерение в исполнение. Я убежден теперь уже окончательно, что никаких разговоров о едином фронте не может быть до тех пор, пока не прекратятся преследования социалистов в России и не будут там восстановлены элементарные политические свободы.

Я уверен, что политика блокады и проволочных заграждений принесла еще больше вреда, чем можно было предполагать. Она способствовала развитию ксенофобии в русском населении, она обострила тяжелое и без того экономическое положение, она дала большевикам видимость основания для их политики террора и диктатуры»⁶⁹.

Розенфельд говорил «Рижскому курьеру» 22 июня 1922 г.: «Во время наших совещаний с советскими защитниками всегда присутствовал агент че-ка. Состав суда „редкостный“. Постоянный председатель суда Крыленко — в этом процессе стал обвинителем; заместителем Крыленко Пятаков — его шурин. Подписавшая обвинительный акт г-жа Розмирович — жена Крыленко. Одним словом, весь состав суда — семья Крыленко.

Московский процесс — грубейший произвол и глумление над правосудием и правом, если вообще можно говорить о существовании такового в Сов. России»⁷⁰.

Информотдел ГПУ сообщал в СО ГПУ об интересной заметке в английской «Таймс»: «Берлин, 18 /VII (от соб. кор.) 15 /VII ГПУ возбудило ходатайство перед Нарквмвудел о разрешении перевезти осужденных

на смертную казнь с.-р. из Московской в Вятскую или Пермскую тюрьму. Мотивировкой было то, что режим в провинциальных тюрьмах менее суров, чем в столице. Однако, по-видимому, существуют другие мотивы, т. к. инициатива исходит от левого крыла ЦК РКП.

Известие о предполагаемом переводе распространилось в Москве 13/VIII и вызвало сильнейшее волнение среди сторонников и членов с.-р. партии, т. к. было ясно, что если экстремисты задумали убить заключенных, то это легче сделать подальше от Москвы, под видом попытки к бегству или самоубийства. Есть основания полагать, что Совнарком не согласится на перевод, однако трудно предсказать точно решение, принимая во внимание существующие в Совете разногласия. По сведениям из обычно достоверного источника, — как только Верхтриб произнес вердикт, ВЦИК приказал Советской печати воздержаться от его опубликования до окончания дебатов по поводу приговора ВЦИК. Во время прений Троцкий неоднократно настаивал на расстреле обвиняемых. Однако вопреки его настояниям большинство высказывалось против»⁷¹.

И тут же Информотдел ГПУ передавал еще одно газетное сообщение: «Эсеры расстреливают. По полученному в Лондоне сообщению, во время переезда большевиками расстреляны четверо эсеров, условно приговоренных к смертной казни. „П. И.“ (Рижский курьер. № 517. 23 сентября)»⁷².

Чекисты не выступали перед НКВД с инициативой о переводе 22-х эсеров из Москвы, а, напротив, были инициаторами содержания их во Внутренней тюрьме ГПУ и проталкивали через Президиум ВЦИК ими же придуманный сверхтяжелый режим «особой изоляции»; не было никакого переезда и никаких расстрелов, но тем не менее в этих двух сообщениях обращает на себя внимание, что утечки информации все же шли из партийно-чекистских кругов. Вятка и Пермь упоминались не случайно, а были взяты из июльского решения чекистов о подыскания подходящей тюрьмы для содержания подсудимых эсеров. О борьбе в ЦК ВКП(б) и о позиции Троцкого, настаивавшего на расстреле эсеров, информация также была абсолютно верной. Вряд ли случайным совпадением было и количество якобы расстрелянных эсеров — четверо. Ведь именно на расстреле четверых эсеров и настаивали Сталин, Троцкий и некоторые другие их коллеги.

Информотдел ГПУ цитировал кусок из статьи Н. Д. Авксентьева в «Днях» за 8 декабря 1922 г.: «В результате недавних судебных процессов, инсценированных в московском революционном трибунале над эсерами и др., моральный престиж советской власти не только ничего не выиграл, но жестоко пострадал. Свое поражение поняли и признали даже руководящие круги РКП. „Нет, говорят они, больше процессов им не надо“. <...> Августовский декрет о ссылке, сентябрьский декрет о каторжных работах для лиц, принадлежащих к антисоветским партиям, указание на то, что „социально-опасные связи“ являются достаточным основанием для преследований, открыли широкое поле деятельности коммунистической опричнине»⁷³.

Подводя итог и пытаясь оценить важность и ценность сообщений ИНО ГПУ в СО ГПУ, следует отметить следующее. Ценность информации сексов о фамилиях, приметах, и времени попыток пересечь границу Советской России едущими на нелегальную работу эсерами-эмигрантами очевидна для оперативной работы СО ГПУ. При таких «наводках» арестовать эсеров-нелегалов или посадить им «на хвост» наружное наблюдение для дальнейшего выслеживания явок и контактов было только делом техники.

Что касается другой информации, то наряду с «клюквой» (съезд в Москве боевых эсеровских дружин), встречалась и крайне важная информация, скажем, о крепнувших террористических настроениях в эсеровской эмиграции в связи с ожидаемыми смертными приговорами части подсудимых. Крайне интересно сообщение и о решении ЦБ ПСР о возврате к тактике поддержки вооруженных выступлений. Эта информация требует проверки по другим источникам, но подобный зигзаг ЦБ ПСР представляется вполне возможным. С одной стороны, его можно объяснить реакцией российских эсеров на то беспрецедентное давление, которое обрушилось на партию, а с другой, не исключено, что именно в эти дни эсеровского процесса российские эсеры скорее заграничных уловили, что ставка на накопление сил и работу в массах иллюзорна, не учитывает реалий. Возможно, что подобное решение (если оно действительно было) — это своего рода попытка вскочить в последний вагон уходящего поезда крестьянских восстаний (правильнее было бы сказать — уже ушедшего). Не исключено, что по интенсивности полицейских репрессий и пропагандистской клеветы, обрушивающихся на них, российские эсеры почувствовали неизбежную и скорую гибель организационных структур партии в России.

Вне всякого сомнения, сфотографированные или скопированные письма виднейших эсеров, заседаний эсеровской эмиграции, специально посвященных проблемам процесса, переписка между эсерами эмигрантами и российскими эсерами, документы о конфликте внутри российского ЦБ по вопросу об исключении из партии Авксентьева и Фондаминского, сведения о росте террористических настроений в эсеровской эмиграции и т. д. и т. п. — все это был ценнейший материал для чекистов и руководителей процесса для эффективного противостояния эсерам и нанесения контрударов.

Забегая вперед, отметим, что верхушка ГПУ хотела держать руку на пульсе всего того, что происходило вокруг процесса. Было организовано несколько типов наблюдений и прослушиваний, которые охватывали все и вся: наружное наблюдение в центре Москвы за зеваками и возможными сообщниками подсудимых, подслушивание подсудимых в зале суда и с помощью специальной аппаратуры в тюремных камерах, подслушивание «разведчиками» разговоров родственников подсудимых и зрителей в зале и в кулуарах, разговоров адвокатов с подзащитными и родственниками (в том числе, и телефонных разговоров адвокатов и родственников). Кроме того, фиксировалось все, что достигало ушей надзирателей, охраны и руководителей по перевозке подсудимых 1-й группы из тюрьмы в зал суда и обратно и т. п.

§ 2. «ЗА ПРАВИЛЬНЫЙ ПОДСЧЕТ ПОДСУДИМЫХ ПЕРВОЙ ГРУППЫ, ...НЕСЕМ КРУГОВУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ВПЛОТЬ ДО ВЫСШЕЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ»: МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОХРАНЕ ПОДСУДИМЫХ И «ОБОРОНЕ ТЮРЬМЫ»

Хотя власти весьма активно внедряли в массовое сознание стереотипы о неспособности эсеров на решительные действия, о том, что массы от них отвернулись и что за горсткой подсудимых, как сказал на процессе Н. И. Бухарин — никого, «кроме их жен и детей нет»,

предпринятые беспрецедентные меры охраны свидетельствовали о том, что сами власти готовились к самому неожиданному развитию событий.

Эта разница в заявлениях и реальных мероприятиях по охране процесса не укрылась от взгляда москвичей. Ехидством наполнены строки члена ЦБ ПСР Г. К. Покровского, писавшего 12 июня 1922 г. в Заграничную Делегацию ПСР: «На исчадие ада — эсеров, судя по газетам, обрушилась не только большевистская власть, но и вся страна в целом. Однако, приготовления к процессу шли с большими предосторожностями: накануне большевистские „комячейки“ Москвы получили приказ: „быть начеку“. Наиболее надежные пулеметные команды получили строжайший приказ — всему комсоставу „быть наготове“; на крышу московского совдепа, а может быть, другие крыши, водрузили пулеметы, словом, приняты самые предусмотрительные меры предосторожности от каких-либо неожиданных эксцессов со стороны кучки эсеров, посаженных на скамью подсудимых»⁷⁴.

Меры и в самом деле были предприняты «самые предусмотрительные». На «экстренном совещании» в составе чекистов Савватьева, Кузьмина, Бренера, состоявшемся 23 мая 1922 г. под председательством Самсонова, обсуждался один вопрос, «О принятии необходимых мер в связи с процессом правых эсеров», и было решено на следующем заседании, назначенном на 24 мая, «создать тройку из представителей СО ГПУ, МГО и МК РКП». Из мероприятий «охранного» характера было решено «с 26-го мая организовать ночные обходы гор. Москвы...». 24 мая 1922 г. на заседании только что конституировавшейся «особой тройки» ГПУ было принято следующее решение: «в отношении предприятий, имеющих важное государственное значение (телефонные станции, телеграф, электрические станции, водопровод и т. д.), на время процесса правых эсеров принять „особые предохранительные меры“»⁷⁵. Кроме этого было подтверждено выработанное накануне решение «с 26-го мая организовать ночные и утренние обходы гор. Москвы, а также посещение всех собраний и фабрично-заводских помещений во время работ»⁷⁶. Обращает на себя внимание, что чекисты собирались посещать не только собрания рабочих, где принимались инспирированные властями резолюции с осуждением эсеров, но и заводские цеха во время работы. Последнее, очевидно, было задумано как своеобразный мониторинг настроения рабочих, дабы в случае признаков волнения рабочих, призывов к стачке и к выходу на улицу немедленно реагировать и пресекать подобные попытки.

О том, как обеспечить охрану подсудимых в тюрьме, во время доставки их в зал суда и обратно, а также и в самом зале суда, чекисты задумались всерьез еще почти за три недели до начала процесса — после того как на четвертом заседании комиссии Политбюро ЦК РКП(б), состоявшемся 16 мая 1922 г. (на протоколе появился в дополнение к прежнему «Совершенно секретно» необычный гриф — «Хранить конспиративно»⁷⁷), на котором присутствовали: тт. Троцкий, Каменев, Бухарин, Дзержинский, Луначарский, Малкин, Крыленко», по вопросу «О помещении суда» было решено «Утвердить предложение ГПУ о Доме Союзов. Вопрос о помещении и снабжении подсудимых во время процесса передать на предварительное рассмотрение ГПУ и председателя трибунала»⁷⁸. 19 мая члены Технической тройки при «Особой Тройке Госполитуправления» (ОТГ) Шиманкевич, Савватьев и Лауцин отправили в ОТГ соответствующий проект. Данный опус, занявший три с половиной машинописных

страницы, назывался довольно длинно: «Проект содержания под стражей обвиняемых по процессу п.с.-р. во время хода процесса и после ежедневного окончания такового, об охране здания процесса, распределения билетов, продовольствования свидетелей, и др. мероприятиях, проведенных техтройкой к означенному процессу»⁷⁹. Ценность данного документа в том, что он помогает понять многое из того, о чем современники и исследователи только могли догадываться: логику и резоны устроителей процесса при выборе тюрьмы и места проведения суда, столь мощном конвоировании тюремного автомобиля и насыщении улиц филерами и т. п. и т. д.

Мотивировочная часть документа, объяснявшая, чего, собственно, чекисты опасаются, звучала так: «В целях предупреждения могущих иметь место устрояства, со стороны обвиняемых, антисоветских демонстраций по пути следования обвинения к зданию суда, попыток их единомышленников к насильственному освобождению арестованных из-под стражи, как из места заключения, так и во время перевозки, попыток самих заключенных к побегу, — предусматривая отсутствие технически приспособленного помещения для содержания арестованных в самом здании суда, хотя бы наиболее подходящем для проведения самого процесса и, таким образом, исходя из необходимости принятия максимума предохранительных мероприятий, в исполнение соответствующих постановлений и указаний ОТГ, технической ее тройкой в данном направлении был принят ряд мер...»⁸⁰.

Итак, что же это были за меры? Первый комплекс мер был связан с выбором самой надежной и удобной московской тюрьмы для содержания эсеров, которых нужно было почти ежедневно возить в Дом Союзов и обратно. Вот из чего исходили члены «техтройки» при выборе тюрьмы, остановив свой взор на тюрьме в Большом Кисельном переулке (в это время в Москве политзаключенные-социалисты, помимо этой тюрьмы, находились в Бутырской, Лефортовской, Таганской тюрьмах и во Внутренней тюрьме ГПУ): «Лучшим из мест для содержания обвиняемых под стражей, на время процесса, является один из оборудованных корпусов тюрьмы МГО ГПУ, расположенной по Б. Кисельному пер.

Положительные стороны:

1) расположение вблизи частей войск ГПУ, а также нарядов дежурных сотрудников по МГО и ГПУ и в самой тюрьме МГО.

2) удобное квартирное расположение комнат в предназначенном для этих заключенных корпусе, но в то же время хорошо оборудованное, исключающее возможность побега и не требующее для ремонта значительных материальных затрат, за исключением мелких починки и побелок комнат, содержащиеся в коих 54 заключенных могли быть переведены в др. тюрьмы, что и выполнено членами тройки и под их руководством к моменту составления этого проекта.

3) организационные суммы на расходы по оборудованию были членами техтройки добыты, и в данный момент мелкие починки и ремонт идет ускоренными темпами и будет закончен администрацией тюрьмы в срок от 2 до 3 суток, т. е. к 22 сего мая и, таким образом, помещение это к 23 сего мая будет приспособлено к фактическому приему всех привлеченных в качестве обвиняемых к процессу п. с.-р. и подлежащих содержанию под стражей.

4) В том же корпусе отведено помещение для свиданий обвиняемых с защитой, которое по техническому оборудованию удовлетворяет органы надзора и наблюдения и требования как защиты, так и самих обви-

няемых. Таким образом, необходимость ежедневной перевозки сокращается вместо требующихся на перевозку от Лефортовской тюрьмы — от 60 до 70-ти минут до 10 минут, в какой срок заключенные могут быть доставлены из Кисельного переуллка в здание суда, что же касается самой охраны по пути следования и в здании суда, каковая на основании постановления Особой Тройки ГПУ возложена на ГПУ и для которой могут быть использованы части ЧОН по указанию тов. Муралова (прот. № 6, параграф 4, п. 1 и 5)»⁸¹.

Порядок транспортировки и охраны подсудимых в дороге был наметен еще в проекте «техтройки при ОТГ» 19 мая 1922 г.: «Фактическую охрану обвиняемых в пути следования до здания суда и обратно, а также в самом здании, несет наряд караулов в составе, согласованном с командиром Штаба Отряда особого назначения при Президиуме ГПУ и выражающемся в следующих цифрах: пехотная часть не менее 180-ти человек и 30 чел. кавалеристов, т. е. до 210-ти человек ежедневного наряда, инструктированных за 3—4 дня до процесса, ознакомленных с важностью порученных им постов и их расположением и назначенных из наиболее испытанных товарищей под личным наблюдением командира отряда Осназа. К моменту составления настоящего проекта Командиром Отряда и его ближайшими помощниками по охране производится, по указаниям коменданта здания суда, детальная разработка установок постов, коих намечено: в пути следования 21 кавалерийских постов и 2 кавалерийские заставы и в здании суда как снаружи, так и внутри 31 пост, кроме того в здании суда приступлено к техническому оборудованию по связи наиболее живых пунктов: зал, входов, караульного помещения и комендатуре здания процесса телефонными полевыми аппаратами и сигнализационными звонками и т. д.»⁸².

Порядок перевозки заключенных изменялся и совершенствовался все время. Каким он был в первые дни процесса, видно из ряда пунктов справки Самсонова от 13 июня 1922 г., адресованной Дзержинскому:

«14) Меры наружной охраны.

14) а) за „Брюнеткой“ следуют три легковые машины с вооруженными людьми,

б) на „Брюнетке“ едут два вооруженных человека и один внутри с арестованными. Брюнетка во время перевозки закрыта на ключ. Ключ хранится у коменданта процесса (он следует в легковой машине при перевозке),

в) по улице на всех перекрестках имеются конные разьезды около 30-ти человек, теперь увеличена и кроме того цепь пехотных от Кисельного до Дома Союзов; кроме того по углам поставлены разведчики числом до 30—40 человек. Между всеми этими постами плохо налажена связь, для устранения чего выделяем специального наружного руководителя»⁸³.

Но на заседании 19 июля 1922 г. было решено машину с заключенными — «брюнетку» — сопровождать двумя машинами по бокам, одной спереди и двумя мотоциклетами (из-за плохих моторов от них позже отказались)⁸⁴. Стрелков в мотоциклетах планировалось вооружить револьверами или винтовками (Самсонов настаивал на том, чтобы добавить еще и бомбы)⁸⁵.

Учитывая авторитет Самсонова, с ним, конечно же, согласились, но возникла любопытная коллизия — ездить со снаряженными бомбами чекисты опасались, а с незаряженными — было достаточно бессмысленно.

Дабы выйти из ситуации, «комендант Верхтриба ВЦИК по процессу ПСР Шиманкевич» отправил бомбы в секретариат ГПУ для экспертизы: «При сем препровождаю 4 (четыре) штуки бомб для экспертизы их ОКАРТУ по вопросам, связанным с перевозкой этих бомб в мотоциклетах. Со своей стороны полагаю, что во время перевозок бомбы должны быть совершенно готовы к действию, т. е. с запалами, так как снаряжение их в мотоциклете во время хода невозможно, на остановку же мотоциклета потребуется известный промежуток времени, тогда как промедления в действии снаряда быть не может и не должно»⁸⁶.

Мы не знаем, чем закончилось дело, но нельзя не обратить внимание на то, что чекисты были готовы использовать бомбы на центральных улицах Москвы. Не совсем, правда, ясно, идет ли речь о штатных армейских гранатах или о более мощных бомбах. Но как бы то ни было, учитывая обстоятельства, использование даже штатных гранат привело бы к большим жертвам среди москвичей. Из описания провоза заключенных мы знаем, что для этого устраивался коридор — улицы освобождались от извозчиков и автомобилей, а по краю тротуара стояли конные и пешие красноармейцы из батальона ГПУ, сдерживавшие зевак, толпившихся за их спинами. Н. М. Донская четыре десятилетия спустя вспоминала: «Каждое утро из внутренней тюрьмы привозили обвиняемых. Это был целый кортеж: впереди машина с военными, за ней большой фургон „Черный ворон“ с конными милиционерами по бокам, а затем еще несколько открытых машин. Это явление привлекало на тротуар много любопытных. Уже много лет спустя, проходя по Театральному проезду, я всегда вспоминала „Черного ворона“»⁸⁷. Другой свидетель событий, меньшевик С. Двинов, в статье «Кровавая пошлость (Письмо из Москвы)», опубликованной в «Социалистическом вестнике» в августе 1922 г., подчеркивал, что власти ни одного момента этой исторической драмы не пропускают, чтобы не ополшить ее, не превратить во что-то отвратительное: «В определенные часы жизнь между Домом Союзов и Лубянской площадью замирает. Конные жандармы запирают вход и выход. Трамваи и извозчики не пропускаются, на всех углах конница, которая ежеминутно мчится к „старшому“ и, беря под козырек, рапортует. Но до Большого Театра еще можно пешком, а уж дальше — ни шагу. Красная (по цвету штанов) кавалерия замыкает каре со всех сторон, и нет проходу ни прохожему, ни проезжему. „Везут!..“ раздается в воздухе. Все приходит в страшное волнение. Ждут. Против Дома Союзов, откуда должны выйти эти безоружные 20 человек с конвоем, выстраивается батальон конницы и рота пехоты, подается совершенно глухой, даже без решеток — тюремный автомобиль, куда, закрытые „боевой единицей“ от взора публики, входят эсеры, а затем все это мчится на Лубянку, во внутреннюю тюрьму ГПУ: впереди автомобиль с начальством, затем арестованные. Затем опять автомобиль с начальством, затем конница со всех сторон и все это мчится, пугая прохожих „красной Москвы“, недоумевающих: что случилось? Где горит? „Везут!“ ...А вечером передается приказом „коммунистическое“ спасибо за „удачную операцию“ „сознательным красноармейцам“. Кровавая пошлость торжествует!..»⁸⁸.

В таких условиях использование охраной на мотоциклах бомб при попытке отбить нападение по дороге от Кисельного переулка до Дома Союзов неизбежно привело бы к большим жертвам среди зевак. Фактически мы видим, как чекисты, готовясь использовать бомбы на людных улицах, невзирая на возможность гибели прохожих, переняли методы ча-

сти дореволюционных террористов и экспроприаторов (другая часть террористов, как, скажем, руководители БО ПСР, старалась выбрать места, где количество жертв было бы минимальным).

О том насколько серьезно чекистское руководство подходило к организации перевозки подсудимых из тюрьмы в зал суда и обратно, свидетельствует тот факт, что в начале процесса она происходила под личным контролем коменданта процесса Шиманкевича, а затем и начальника СО ГПУ Самсонова и его помощника Дерибаса (они, как правило, сменяли друг друга, но иногда присутствовали и оба).

Постепенно увеличилось и количество агентов «наружки». Так, на протяжении всего маршрута (в том числе, «и по углам в сторону примерно на квартал расстояния»⁸⁹ было выставлено 22 поста «секретной наружной агентуры» общей численностью в 52 чел. (позже до 80 чел.), дежуривших с 10 час. утра до 12 час. ночи⁹⁰. Кроме того, на всех перекрестках были выставлены конные разъезды (около 30 чел.) и поставлена цепь красноармейцев от тюрьмы до Дома Союзов, где проходил суд⁹¹.

Опасаясь побега заключенных эсеров, чекисты не ограничились тем, что перевели их в корпус тюрьмы Московского губернского отдела ГПУ в Большом Кисельном переулке, так как рядом располагались части войск ГПУ, а также наряды «дежурных сотрудников по МГО и ГПУ и в самой тюрьме МГО»⁹². Из тюрьмы, где содержались эсеры, в Отдельный батальон войск ГПУ была проведена сигнализация, для чего в срочном порядке был разыскан специальный электрический колокол. Были написаны подробные инструкции, которые предусматривали окружение тюрьмы красноармейцами в случае тревоги, а также предписывали обязательную ежедневную проверку исправности «тревожного звонка»⁹³. Кроме того, проверка охраны была возложена «Комиссией по охране ЦК ПСР» на Ягоду и Самсонова, которых обязали раз в неделю лично проверять всю охрану. В начале июля, примерно через месяц после начала процесса, они для проверки охраны устроили тревогу, закончившуюся грандиознейшим конфузом, ибо «на тревожные звонки никто не явился»⁹⁴. Причины инцидента разбирались «Комиссией по охране ЦК ПСР», в результате чего были приняты дополнительные меры и написаны новые инструкции⁹⁵. 14 июля комиссия в составе Самсонова, Ягоды и Беленького по данному поводу констатировала следующее:

«а) произведенную тревогу Самсоновым и Ягодой в Кисельном признать совершенно неудовлетворительной в виду того, что на тревожные звонки никто не явился;

б) для тревоги признать достаточным только один звонок, без различия его протяжения во время звона;

в) тревога по звонку является обязательной к немедленному и неуклонному исполнению. Подробные указания сделать в специальной инструкции. Инструкцию написать т. Самсонову;

г) поручить т. Вейсу оборудовать в недельный срок полную механическую и электрическую сигнализацию в полном объеме как в ГПУ, так и во всех воинских частях, отрядах и тюрьмах. Чайванову отпустить соответствующую сумму денег, т. Беленькому поручается найти соответствующего инженера. Наблюдение за исполнением работ по установке сигнализации возложить на т. Самсонова и Беленького;

д) поручить т. Вейсу в 24 часа большой колокол 1-го батальона ГПУ перенести из старого здания в новое, колокол поставить по указанию Кобелева. Об исполнении т. Вейсу донести т. Беленькому;

е) Свидескому немедленно поставить телефон в кабинете т. Кобелева»⁹⁶.

Впрочем, принятие высоким начальством решения о каком-либо действии вовсе еще не означало его немедленной реализации подчиненными (вполне аксиоматичная вещь для российской реалий), в том числе, и в чекистской среде. Так, исполняющий дела командира 1-го Полка Войск ГПУ П. Кобелев и врид. полкового адъютанта Михайлов докладывали 17 июля 1922 г. «члену Президиума ГПУ тов. Беленькому»: «...сего числа, в моем кабинете при полку (Бол. Кисельный пер. дом № 11) поставлен телефон № 150 через коммутатор ГПУ, тревожный же колокол до настоящего времени не поставлен, о чем и доношу»⁹⁷.

Однако в сочетании с дисциплинарными взысканиями все эти меры все же стали приносить результаты, как это явствовало из Агентурной сводки № 27 от 31 июля 1922 г.: «Ложная тревога 29/VII собрала 306 человек, 2 пулемета и 5 пулеметчиков через 7 1/2 минут»⁹⁸.

Примечательно, что чекисты готовились даже к тому, что во время освобождения заключенных эсеров их товарищи могут отключить электроснабжение тюрьмы, погрузив ее во мрак (а может быть, и не только ее). (Кстати говоря, позиции эсеров в рабочей среде Москвы всегда были крепкими.) Так, 12 июля 1922 г. на заседании Комиссии по охране ЦК ПСР было решено: «Снабдить всех надзирателей и часовых запасным светом: свечами, фонарями и электрическими фонариками. Поручить тов. Чайванову в 48 час. пустить электр. станцию ГПУ и дать запасной ток по специально указанному Беленькому проводу»⁹⁹.

Для предотвращения возможностей сговора самих подсудимых (или эсеров на воле) с надзирателями и красноармейцами и использования последних как для передачи информации, так и для организации побега, чекисты не ограничились писанием всевозможных инструкций, а всерьез озоботились, с одной стороны, наведением дисциплины и взятием всякого рода расписок об осознании ответственности, а затем и проверкой личного состава, для чего была создана специальная комиссия во главе с самим Самсоновым (подробнее см. ниже).

«Профильствованным» тюремщикам работы хватало. Проверялось все: многократно обходились посты, осматривались камеры (проверялись не только потолки, стены, полы и решетки, но и время от времени столы и нары), обыскивались заключенные, проверялось поведение надзирателей и охраны. За ночь посты охраны проверяли 9—14 раз. За камерами на ночь закрепили специальных «дежурных наблюдателей», писавших каждое утро такие, например, рапорта дежурному комиссару (а тот, соответственно, — своему начальству): «Довожу до сведения, что с 12-го на 13-е /VII—22 г. не каких происшествий не произошло. Дежурный наблюдатель камеры № 18. 13/VII—22 г. М. Сазонов»¹⁰⁰.

Помимо многократных осмотров состояния полов, стен, потолков и решеток камер, в которых содержались подсудимые эсеры, чекисты в их отсутствие проводили обыски их личных вещей и переписки. Неоднократно подсудимые пытались жаловаться суду, что чекисты изымают все записи, относящиеся к процессу, что мешает им полноценно участвовать в судебных слушаниях. Естественно, и Пятаков, и Крыленко игнорировали эти жалобы. Но чекисты ставили перед собой цель не только помешать подготовке подсудимых к выступлениям, но и, с одной стороны, раздобыть интересную, с их точки зрения, информацию, относящуюся к процессу, а с другой — их затопило появление у заключенных предметов, с помощью которых они могли бы организовать побег.

Об этом свидетельствует, скажем, операция, проведенная совместными силами Московского губернского отдела и чекистами из центрального аппарата ГПУ, которые 16 июля 1922 г. подвергли тотальному обыску камеры заключенных эсеров в тюрьме в Кисельном переулке. Начальник секретной части МГПО доносил Самсонову: «Настоящим довожу до Вашего сведения, что приданными в мое распоряжение сотрудниками МГПО-ГПУ в числе 15-ти человек, в результате операции — обыска у политзаключенных правых эсеров в тюрьме по Кисельному пер. 16 VII с. г. — при тщательном просмотре личной и связанной с процессом с.-р. переписки ничего предосудительного не найдено (кроме небольшого пучка тонкой проволоки), дающего повод к заключению о попытках заключенных устройств из тюрьмы побег»¹⁰¹.

Убежденность властей в том, что заключенными будет предпринята попытка побега на протяжении процесса подкреплялась данными прослушки тюремных камер и подслушивания в зале суда (как чекистами, переодетыми в форму красноармейцев, карауливших их, так и секретными сотрудниками). Из разговоров подсудимых вытекало, что некоторые из них подумывали о побеге на свой страх и риск. Так, например 3 июля Шиманкевич подал рапорт начальнику СО ГПУ Самсонову следующего содержания: «<...> Подсудимый Львов в беседе с подс. Морозовым, сообщил последнему, что в среду он, Львов, попытается бежать<...>». 7 августа 1922 г. был зафиксирован «общий разговор о попытке к побегу, но более трезвые головы называли это безрассудством в тех условиях, какие создала для них ЧК»¹⁰².

28 июля Врид нач. общей агентуры МГПО Фокин в сводке № 1 о результатах наружного наблюдения «по процессу правых эсеров» сообщал: «Разведкой обнаружена деревянная лестница, пристроенная на крышу здания Дома Союзов со стороны Георгиевского переулка якобы для ремонта крыши. Сообщено Шиманкевичу»¹⁰³. Кроме того, охрана зафиксировала повреждения в полу автомобиля, сделанные подсудимыми во время одной из поездок между тюрьмой и судом. Вот что писал об этом Дерибас в агентурной сводке от 3 августа: «Карета была также осмотрена и обнаружено небольшое повреждение внутренней фанерки, снаружи бронетка обита плотным железом. Сделано распоряжение об исправлении»¹⁰⁴.

Готовился ли побег силами эсеров, оставшихся на воле? Точно неизвестно, но то, что подобный замысел мог существовать, сомнений не вызывает. Чтобы минимизировать возможность подготовки побега, с середины июля чекисты, до этого просто фиксировавшие все, что происходит вокруг тюрьмы (в том числе и «сигнализацию руками» из камер тюрьмы, и «типа с биноклем», смотревшего на тюрьму из окна одного из соседних домов, и т. п.), решили перейти к более решительным действиям. В частности, чекисты повнимательнее присмотрелись к жителям ближайших к тюрьме домов, откуда велось наблюдение и откуда можно было бы вести подкопы в тюрьму. 12 июля 1922 г. на заседании Комиссии по охране ЦК ПСР слушался вопрос «О проверке домов вокруг Кисельного» и было решено: «Поручить МГО произвести обследование в 2-х дневный срок и о результатах донести в тройку»¹⁰⁵. Тут же в двух домах рядом с тюрьмой были проведены обыски, и в них почти все жильцы оказались «элементом, чуждым Советской власти» (почти во всех квартирах «жила интеллигенция и торгаши, с хорошо обставленной личной жизнью»). В результате жильцов переселили (у некоторых конфисковали имущество)¹⁰⁶, а несколько подвалов (из которых, надо полагать, можно было рыть подкопы в тюрьму) было опечатано¹⁰⁷.

Насколько оправданы были опасения чекистов относительно подкопов из подвалов ближайших к тюрьме домов, сказать трудно, но в любом случае представляет интерес следующий рапорт агента наружного наблюдения № 112 от 26 июля 1922 г., который во дворе дома № 7 по Кисельному переулку, «проходя мимо подвальных окон, увидел, что в одном из окон запечатанного подвала, которое выходило в Кисельный пер., выставлена часть окна, которое утром было цело». Он «сейчас направился к окну, которое выходило в Кисельный тупик» и «заметил следующее, сухая земля, которая была внизу на подоконнике (стекла в нем нет) как будто кто-то тронул, т. е. в середине кучки свежая, а по краям сухая. При этом в подвале, в котором земля сырая, видны сухие места, будто бы кто-то ступал ногами»¹⁰⁸.

Неизвестно, были ли еще у властей свидетельства о попытках подготовки побега, но на собранном 11 июля заседании комиссии Политбюро по руководству подготовкой и ходом процесса («тройки Политбюро»), на котором присутствовали Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский, Н. В. Крыленко, И. С. Уншлихт, Б. Ф. Малкин, Г. Л. Пятаков, было принято следующее безапелляционное постановление: «Комиссия считает безусловно установленным, что обвиняемые вместе со своими единомышленниками на воле подготовляли побег, и предлагает председателю Трибунала и председателю ГПУ самыми твердыми и решительными тщательно продуманными мерами устранить возможность такого побега, твердо и категорически разъяснив подсудимым, что при всей мягкости и снисходительности к ним не может быть и речи о таких формах попустительства, которые позволили бы им продолжать фактически контрреволюционную деятельность»¹⁰⁹.

Получив подобное высочайшее благословение, чекисты инициировали решение о возобновлении обысков. 12 июля 1922 г. на заседании Комиссии по охране ЦК ПСР было решено: «Производить самый тщательный обыск как личный, так и помещений, а равно и у родственников таковых по домам, получив окончательную санкцию тов. Дзержинского»¹¹⁰. Личные обыски и обыски «по домам у родственников» стали систематическими, но в день вынесения приговора они достигли апогея. Н. М. Донская позже вспоминала: «В этот день при входе, еще до зачитывания приговора, у нас отобрали ручные сумочки. А при выходе нас всех задержали и отправили в ближайшее отделение милиции, где обыскали, но, разумеется, ничего не нашли. Была уже поздняя ночь, трамваи не ходили. Спать не хотелось. Мы все пошли к Саре Николаевне и просидели у нее до утра. Среди ночи обыск провели во всех наших квартирах»¹¹¹.

Знакомство с документами, характеризующими несение службы тюремным персоналом и охраной, подтверждает известное положение, что в России строгость законов компенсируется их несоблюдением, и в то время как одни проявляют служебное рвение и дисциплинированность, другие демонстрируют вопиющую халатность (несмотря на все инструкции и проработки). Приведем обширную цитату из сводки от 25 июля, подписанной Дерибасом, так как она содержит яркое описание «охранных будней» чекистов, обслуживавших процесс, и в то же время дает возможность составить представление о форме и стилистике агентурных сводок, ложившихся на стол чекистской верхушке и Пятакову с 1 июля по 7 августа 1922 г.: «Утренняя и вечерняя перевозка арестованных произведена в моем личном присутствии без всяких осложнений. Карета при обоих случаях осматривалась. Помещение суда было осмотрено и ничего подозри-

тельного не замечено. Наблюдение за арестованными во время перерывов и в свидание ничего существенного не дало. Передачи также ничего не содержали.

Поведение арестованных в тюрьме также не содержит ничего подозрительного. Ничего существенного в их разговорах не подслушано. Личные поверхностным обыском по возвращении в тюрьму у арестованных ничего не обнаружено. Посты проверялись и найдены все на своих местах и в должном порядке. Столы, полы, потолки, двери и окна осмотрены и никаких повреждений не обнаружено. Замечено лишь, что один из заключенных, проходя из одной камеры в другую (после ужина), завел разговор с дежурным надзирателем. Часовой надзиратель 3-го этажа также спустился и принял участие в беседе, прерванной приходом дежурного комиссара (выделено нами. — К. М.). Меры к недопущению этого приняты. Наблюдение (разведка) за тюрьмой и прилегающей местностью ничего подозрительного не дала, за исключением того, что постовые не точно исполняют стр[оевой] устав РККА, сходясь на непродолжительное время и разговаривая между собой, ослабляют тем самым внимание (выделено нами. — К. М.). Меры приняты»¹¹².

Хотя меры, как писал Дерibas, и были приняты, результативность их была невелика, о чем можно судить по двум следующим сводкам. Так, в сводке от 26 июля мы читаем: «По рапорту комиссара Бахлаева в 5-ть утра 26/VII при проверке постов были замечены спящими у камер политзаключенных постовые: надзиратель Марокуев и Комиссар МГО Дюрисбаум. Все остальные посты проверены за ночь 9 раз и оказались в исправности»¹¹³.

Из этих процитированных документов видно многое, но самое главное — несмотря на все экстраординарные меры, на взятие подписок, на инструкции и проверки, чекистам-начальникам не удалось даже к концу процесса преодолеть расхлябанность и недисциплинированность красноармейцев, надзирателей, привратника у ворот (его застали спящим, и проверяющий «проделал опыт» пролезания под воротами тюрьмы). Все описанные случаи, безусловно, были вопиющими. Но самое сильное впечатление производит, конечно, спящий комиссар МГО. Впрочем, нарушения дисциплины среди красноармейцев из Отдельного батальона войск ГПУ также носили массовый характер. Так, например, из письма коменданта процесса Шиманкевича командиру Отдельного батальона войск ГПУ Кобелеву от 30 июня видно, что взамен 9 арестованных и отстраненных красноармейцев, отправленных в МГО, он просил 12 новых.

В охране подсудимых кроме стрелков и кавалеристов из «отряда особого назначения при Президиуме ГПУ» были задействованы курсанты курсов ГПУ и 30 чекистов из центрального аппарата и Московского губотдела ГПУ, прикомандированные к комендатуре Верхтриба на время процесса. Это привело к неожиданным и любопытным коллизиям. Сведенные вместе, красноармейцы и курсанты стали сравнивать размеры продовольственного пайка, количество горячей кормежки в день (и ее качество), нормы выдачи папирос и условия несения караульной службы. В результате этого сравнения и те, и другие оказались недовольны и стали роптать (кстати говоря, нечто подобное произошло и с чекистами разных структурных подразделений — из СО ГПУ и Московского губотдела ГПУ, — несшими службу в Доме Союзов, где дело также дошло до конфликтов и оскорблений). Пом. начальника курсов ГПУ Романов написал рапорт, в котором указал на разницу в продовольственном пайке

красноармейцев и курсантов и количестве приемов ими горячей пищи в день и потребовал освобождения курсантов от караульной службы или выдачи им продуктов в соответствии с составленной им сметой и повышенных сверхурочных. Нач. СО ГПУ Самсонов поручил «коменданту Верхтриба ВЦИК по процессу ПСР» Шиманкевичу разобраться. Из рапорта Шиманкевича Самсонову от 5 июля 1922 г. видно, что у курсантов при несении караульной службы получалось по 1—2 выходных в неделю помимо воскресенья (в силу своеобразной системы организации, при которой четверть курсантов находилась в резерве на случай необходимости экстренной подмены часовых). Красноармейцы резерва не имели, а потому, как расплывчато сказано в документе, «находятся в данном конкретном случае в условиях худших». Зато выяснилось, что курсанты имеют меньший продовольственный паек, чем красноармейцы («пак красноармейца немногим превышает паек курсанта и более менее существенная разница в пайке крупы, причем разница эта определяется 18 золотниками»), причем вместо крупы им выдавали рожь или пшеницу (как, впрочем, и красноармейцам). Шиманкевич в своем рапорте предлагал увеличить курсантам паек на эти 18 золотников и «обязать органы снабжения выдавать паек крупы по 42 золотника пшеном, гречихой и т.п.». Но главное, выяснилось, что «хозчасть курсов», очевидно, экономя собственные силы, готовила из этого пайка только один раз в сутки, давая горячее на обед («жидкий суп с селедкой» и т. п.), а красноармейская кухня — на обед и на ужин.

Против «выдачи курсантам из каких-нибудь ресурсов (если таковые есть) сверхурочных» Шиманкевич в принципе не возражал, но заявлял: «красноармейцы несут такую же работу, как и курсанты», а денежные выплаты у них меньше, чем у курсантов, и, кроме того, Верхтриб ВЦИК, платящий сверхурочные чекистам, прикомандированным к комендатуре, не может их платить курсантам, т. к. те несут службу в «качестве части войск ГПУ»¹¹⁴. Шиманкевич также советовал отказаться от выдачи продуктов по новой смете, ибо это приведет к недовольству красноармейцев. И тут выяснилась любопытная вещь — что недовольство вызывают, теперь уже и у курсантов, и у красноармейцев, «прикомандированные к отряду ОСНАЗА ГПУ сотрудники ГПУ и МГО (в списочном составе 30 человек), [которые] получают паек в сухом виде от МГО или ГПУ и кроме того еще обед и ужин от отряда ОСНАЗА ГПУ».

Итог всей этой истории был подведен 12 июля 1922 г. на заседании Комиссии по охране ЦК ПСР. В ходе обсуждения агентурных сведений о настроениях охраны процесса (этому также придавалось серьезное значение) и всей ситуации в целом членами комиссии было решено усилить питание красноармейцев и выдавать «по 20 шт. папирос из хозчасти», обязав Московский губотдел ГПУ «провести в жизнь» это решение¹¹⁵.

Мероприятия по охране подсудимых в зале суда были также абсолютно беспрецедентными, совершенно несравнимыми с теми, которые были до 1917 года. Помещение для суда выбирали довольно придирчиво — ведь требовалось не просто большое здание с огромным залом, комнатами для охраны, помещения для питания подсудимых, и т. д. и т. п., но и отвечающее требованиям безопасности. А обеспечить последнее в большом здании, которое по своей архитектуре предназначалось для других целей — было вовсе непросто. Хотя выбор чекистов пал на Дом Союзов, они организовали утечку информации, что процесс будет проходить в здании Политехнического музея. Вот что по этому по-

воду писали члены «техтройки при ОТГ»: «Одновременно в целях законспирирования, по возможности, здания процесса нами было осмотрено здание Политехнического Музея и заявлено администрации такового, что процесс будет происходить в этом здании (прот. № 6 параграф 1 п. 5)»¹¹⁶.

Для процесса и обеспечения большей безопасности зал Дома Союзов пришлось приспособлять — разбирать фанерные колонны на его эстраде, готовить комнаты для содержания заключенных и т. п. Любопытно, что комендант Дома Союзов потребовал предоплаты в размере 20—25 млрд руб. на разбор, а затем и восстановление колонн и карнизов, но чекисты не захотели говорить с ним на языке нэпа, и ответили на более привычном (и более дешевом) для них языке времен «военного коммунизма»: «...владельцы помещений (в данном случае, МГПС), противодействующие исполнению распоряжений Особой тройки ГПУ, привлекаются к ответственности»¹¹⁷.

Но даже приспособленное здание Дома Союзов, вероятно, не совсем отвечало требованиям безопасности, и чекисты даже уже после начала процесса пытались его поменять, приняв специальное решение об этом на одном из своих заседаний. Возможно, свою роль сыграла и духота в зале. Устроители суда явно не подумали о том, что Колонный зал Дома Союзов не рассчитан на 10-часовое (и даже более) нахождение в нем 1,5—2 тыс. людей да еще в летнее время. Комендант процесса Шиманкевич докладывал по началству «Во время нахождения на часах (2 случая) и в караульном помещении от головокружения и жары заболело 5 т.т. красноармейцев, коим медицинская помощь был оказана немедленно, свалился также от переутомления и жары мой помощник тов. Гендин»¹¹⁸ Борясь с духотой, Пятаков 14 июня приказал снять вторые, зимние рамы¹¹⁹.

Но, похоже, мнения по вопросу о переносе суда в другое помещение разделились. Во всяком случае, в справке Самсонова «По вопросу об охране членов ЦК ПСР в связи с процессом» от 13 июня 1922 г., адресованной Дзержинскому, так объяснялось, почему же не было выполнено решение «О подыскании другого помещения для процесса»: «7) Не исполнено: а) Дом Союзов наиболее близкое помещение к месту заключения арестованных. Более близких помещений для процесса нет, а отдаленное помещение потребуется несравненно больше охраны, б) охрана и трибунал применены к условиям здания и перемена такового создаст осложнения»¹²⁰. Самсонов специально отметил, что «а) обыски под эстрадой и вообще в здании трибунала регулярно производятся каждый день с самого начала процесса...»¹²¹. Более того, было организовано и наблюдение за самой охраной¹²².

В основу охраны эсеров на процессе был положен дублирования, а сама охрана была тройной — «часовые, комиссары и агентура»¹²³. «Инструкцией секретной агентуре, несущей разведывательную службу внутри здания суда по процессу партии с.-р.» ставилась цель предупреждать, пресекать и задерживать пытающихся совершить преступление «со стороны подсудимых или им сочувствующих лиц» (см. подробнее параграф о наблюдении за публикой). Агентура должна была взаимодействовать с работниками комендатуры процесса и следить за родственниками подсудимых 1-й группы, за всем происходящим в зале, вести строгий учет подозрительных лиц и устанавливать их местожительство, хватать за руки любого вынимающего оружие, во время перестрелки или столкновения участия в них не принимать, но задерживать нападавших и сдавать

в комендатуру, а также доносить коменданту обо всем подозрительном¹²⁴. Кроме того, «специальные агенты» в красноармейской форме обязаны были следить «за тем, как красноармейцы несут охрану и о чем говорят», и подавать об этом ежедневные сводки»¹²⁵. Примечательно, что было решено организовать охрану обвиняемых в зале суда (помимо конвоиров, работников комендатуры и агентуры) еще и силами «хотя бы части публики» на случай паники в зале, для чего должны были быть задействованы возможности МК РКП(б)¹²⁶.

Огромный интерес представляет уже цитированная справка Самсонова от 13 июня 1922 г., адресованная Дзержинскому. Документ назывался «Справка: По вопросу об охране членов ЦК ПСР в связи с процессом» и был поделен на две графы. Левая графа называлась «Что должно быть сделано», правая — «Что сделано, что не сделано и почему» (вписанное от руки Ф. Э. Дзержинским выделено нами курсивом. — К. М.). Приведем то, что относилось к охраняемым мероприятиям в зале суда:

«1) Устройство перегородок на трибуне для обвиняемых. 1). Исполнено.

2) Ограничение круга лиц, имеющих право присутствовать на трибуне. *Часовые должны всех знать в лицо.* 2) а) на билетах поставлены двойные печати лицам, кои имеют право присутствовать на трибуне, б) Коменданту дано задание составить твердый список для лиц, имеющих право присутствовать на трибуне. Исполнено будет сегодня вечером.

3) Закрыть выход с трибуны в зале. *Сузубо следить за этим выходом.* 3) Не исполнено: а) потому, что этот ход служит для прохода свидетелей и защитников со стороны обвиняемых.

4) Выделение товарищей из охраны, кои персонально должны отвечать за сохранность определенных обвиняемых. 4) Исполнено, с таких сотрудников взята Комендантом подписка. Последним поставлен также около обвиняемых дополнительный конвой.

<...> 6) О наблюдении за родственниками обвиняемых и обысках у таковых. *Надо было произвести сначала сразу у всех.* б) Таковое частью установлено, частью устанавливается (причины недостаточность разведки), к обыскам приступлено со вчерашнего дня.

<...> 9) О проверке билетов у зрителей во время процесса. 9) Сегодня будет совещание совместно с представителем МК для технической разработки этого вопроса. Вчера было созвано совещание, но за неявкой вызванных было отложено.

<...> 11) О проверке стенографисток, работающих в суде. 11) Дано задание, проверка производится.

<...> 13) О запасном свете в зале Суда. 13) Будет сегодня же дано задание Коменданту процесса, а) дать всем членам охраны свечи, спички, фонари и лампы, и б) провести секретный электрический световой провод из другого дома и установить для этого секретную кнопку.

<...> 15) О внутренней охране. 15) а) караулы, б) резерв на случай вызова или происшествия, в) разведка среди зрителей, г) сигнализация и телефонная связь и д) отдельные задания сотрудникам ГПУ, присутствующим на заседании Трибунала. Кроме вышеуказанных мер нами принято и ряд других общих и технических мероприятий по охране»¹²⁷. Сотрудников ГПУ было решено менять как можно чаще, дабы «избежать утомления»¹²⁸.

Чем ближе становился день вынесения приговора, тем жестче становились меры предосторожности, предпринимавшиеся властью.

В самом конце процесса Дзержинский посчитал необходимым обратиться на «Заседание по выработке мер по охране арестованных» под своим председательством не только чекистов (присутствовали Ягода, Дерибас, Иконников, Медведь, Беленький, Шиманкевич, Иванов (комендант тюрьмы) и Герсон), но пригласили и председателя трибунала Пятакова. Дзержинский лично сделал доклад «Об условиях охраны арестованных во время процесса, в связи с приближением конца процесса», в котором предложил «отдельно рассмотреть три момента об охране арестованных: а) в тюрьме, б) во время перевозок и в) в Доме Союзов»¹²⁹.

Естественно, его предложение было принято, и в итоге заседания было решено: «Установить дежурную часть в батальоне ГПУ, связанную с комендантом тюрьмы»; «Поручить СО ГПУ установить наблюдения за домами № 6 и 7»; «Поручить тов. Беленькому вывезти горючие материалы, помещающиеся рядом с тюрьмой»; а кроме того было решено провести «организацию охраны — хотя бы частью публики (через МК) на случай паники», организацию «противопожарных мер», установку внутренней сигнализации и постановку «тщательного наблюдения за подсудимыми — за Гоцем, Тимофеевым, Гендельманом, Лихач, Е. Ратнер — в особенности»¹³⁰.

Насколько серьезно чекисты оценивали ситуацию, лучше всего видно из письма зам. председателя ГПУ Уншлихта, написанного в последних числах июля 1922 г. и адресованного Сталину. Документ с грифом «Лично. Совершенно секретно» гласил: «Процесс эсеров близится к концу. Со стороны эсеровских организаций возможны: 1) попытка отбить арестованных и 2) террористические акты на видных советских и партийных работников. Поскольку предотвращение первой возможности целиком лежит на органах ГПУ, постольку со второй можем справиться лишь при подчинении упомянутых товарищей известному, разработанному нами, режиму. Считая этот вопрос весьма срочным и серьезным, прошу поставить его на повестку ближайшего заседания Политбюро».

Не менее показателен приказ Пятакова накануне оглашения приговора, который он отдал коменданту Верхтриба Шиманкевичу:

«1) После ухода Суда в совещательную комнату никого в эту комнату не допускать.

2) Арестованных вывести наверх и усилить надзор за ними. В тюрьму не увозить.

3) Всем чинам охраны и комендатуры без Вашего каждый раз разрешения из помещения не отлучаться.

4) Публику, желающую уйти из зала и из Дома, не задерживать, но вновь пускать публику с более тщательным надзором и просмотром документов.

5) При выводе подсудимых для слушания приговора окружить их двойным конвоем.

6) В зале впереди 1 ряда и в проходе поставить на время чтения приговора красноармейцев, имея в виду, что родственники сделают истерику.

7) Подсудимых неарестованных из Дома Союзов не выпускать.

8) Иметь в зале свечи и спички.

9) **При чтении приговора окружить конвоем и 2-ю группу подсудимых, отделив ее конвойными от защитников** (выделено нами. — *К. М.*)»¹³¹.

Этот приказ свидетельствует не только о том, что власти готовились к самым неожиданным событиям, но и о том, как далеко продвинулись в своем отходе от традиционных норм этики революционера не только чекисты, но и такие видные коммунисты, как Пятаков, не имевшие

к ГПУ никакого отношения. Вчерашний революционер и видный коммунистический партийный деятель самолично составлял тюремно-полицейскую инструкцию по охране членов ЦК конкурирующей социалистической партии!

Кроме того, на очень интересные мысли наводит последний, дописанный Пятаковым пункт приказа — отгородить конвойными подсудимых 2-й группы от их коммунистов-защитников! Очевидно, Пятаков вовсе не исключал, что у части подсудимых 2-й группы могут сдать нервы, когда они услышат вынесенный себе смертный приговор, и жертвой их спонтанных действий могут стать защитники-коммунисты.

Подводя итог, следует отметить, что фактически во время процесса (это можно сказать и в отношении других направлений чекистской деятельности в связи с процессом, рассмотренных в следующих параграфах) шло создание и «обкатка» чекистскими и тюремными структурами мероприятий по содержанию и охраны важных политических заключенных. Сотни документов показывают, как на бесчисленных совещаниях с участием верхушки ГПУ, создававших множество комиссий-троек, методом проб и ошибок, порой серьезных провалов, чисткой кадров (в том числе и по результатам спецпроверок тюремного персонала) создавалась система тюремного содержания и конвойного сопровождения политических заключенных в Советской России (кстати говоря, именно в это время был поднят и проработан вопрос о конвойных войсках).

§ 3. ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ И Б. ДМИТРОВКА — ЭТО ВАМ НЕ ГАЙД-ПАРК: 22 ПОСТА «НЕГЛАСНОЙ ОХРАНЫ» И НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ

Наружное наблюдение в центре Москвы было развернуто еще за десять дней до начала процесса. Это видно из распоряжения помощника начальника 3-го Отделения СО ГПУ от 26 мая 1922 г.: «С 27-го мая с 10 ч. утра иметь ежедневно до окончания процесса правых с.-р. по 10 человек опытных разведчиков, которые должны дежурить в одном определенном месте с дежурным у телефона, которым будет нами даваться работа. Указанным сотрудникам выписывать дежурные оперативные пайки, так как им придется работать часов по десять в сутки»¹³².

28 мая 1922 г. зам. председателя ГПУ Уншлихт отдал указание «всем начальникам отделов ГПУ» ежедневно выделять «по три вполне ответственных товарища», «которые должны дежурить до 12-ти часов вечера в Отделе. Фамилии товарищей должны к 2-м часам дня ежедневно сообщаться Н-ку Активного отделения или дежурному по Опероду, <...> в распоряжении которого они будут находиться и получать от него распоряжения для направления на работу»¹³³.

Но, создав «наружную разведку» и «разведку внутри здания» Дома Союзов, чекисты столкнулись с путаницей и дублированием их функций. Скажем, «разведчики внутри здания» в ряде случаев продолжали «вести» заинтересовавшего их объекта наблюдения и на улице, а их коллеги, напротив, входили за своими объектами внутрь Дома Союзов. Возникла путаница, при которой стала возможна совершенно анекдотическая ситуация, когда один агент, следивший за адвокатом 1-й группы подсудимых,

зафиксировал слежку некоего лица (совершенно очевидно, также агента, но не входившего в его «команду») за тем же адвокатом. Эта путаница сказалась также на отчетах агентов и на ведении делопроизводства. Так, например, в «тематических» делах наблюдения, где хранятся доклады «разведчиков», царит полный хаос — отчеты агентов, наблюдавших внутри здания, попадали в дело с отчетами уличных постов наблюдения (и наоборот), об одном и том же инциденте сообщалось многократно разными агентами, и в то же время часть донесений агентов вообще куда-то запропастилась и т. п.

Лишь к концу июля 1922 г. чекистское начальство, с одной стороны, пугаясь в этой мешанине разнородных и разнонаправленных отчетов, с другой, опасаясь накануне окончания процесса попытки «отбить» подсудимых или их побега, все же решило более четко разграничить функции и взаимодействия этих двух видов «разведки» и написать для их сотрудников отдельные инструкции. 28 июля 1922 г. состоялось «Совещание по усилению разведывательного аппарата ГПУ и МГО, обслуживающего процесс ПСР», на котором присутствовали начальник СО ГПУ Самсонов, помощник нач. СО ГПУ Дерibas, Савватьев, комендант процесса Шиманкевич, Эрман. Главный вопрос, который они обсуждали, был сформулирован так — «Об усилении разведки и точном распределении ее функций и обязанностей внутри и вне здания судебного процесса».

По «наружной разведке» ими были приняты решения, позволяющие понять, в том числе, и те задачи, которые перед ней ставились:

«1. Имеющийся налицо штат наружной разведки МГО усилить до 80-ти человек, причем поручить тов. Савватьеву в случае нехватки разведки, недостающую часть заменить сотрудниками.

а) Установить 4 дневных поста общим количеством разведчиков до 12-ти человек, причем местами стоянки наметить —

- 1) у башни Кремлевской стены на сквере печатника Ивана Федорова,
- 2) на сквере Театральной площади со стороны 2-го Дома Советов и со стороны Большого Театра,
- 3) около Дома Союзов и
- 4) на Б. Лубянке;

б) общее руководство наружной разведкой возложить на тов. Фокина (начальник внешней агентуры МГПО ГПУ. — *К. М.*), ясно и определенно установить связь его с тов. Шиманкевичем и наружную разведку подчинить в оперативном отношении Коменданту ВРТ (Верховного революционного трибунала. — *К. М.*) по процессу с.-р.;

в) тов. Шиманкевичу и Фокину поручить выработать проект связи наружной разведки с сотрудниками Комендатуры процесса, несущими охрану тюремной кареты на улице во время перевозок. Выработать инструкции наружной разведке на случай столкновений на улицах, представить дислокацию наружной разведки во время перевозок. Вышеозначенное разработать и представить в 24-х часовой срок;

г) поручить коменданту процесса ежедневно при перевозке принимать меры к действительной очистке улицы от останавливающихся по пути следования тюремной кареты грузовиков, легковых автомобилей, извозчиков и т. п.;

д) поручить т. Шиманкевичу посредством милиции не допускать скопления публики, предварительные переговоры с тов. Орлеанским поручить т. Савватьеву, которому затребовать распоряжения тов. Орлеанского

о предоставлении ежедневно утром к 11 часам и вечером к 11-ти часам 15-ти человек милиционеров с одним старшим в распоряжение тов. Шиманкевича, подчинив наряд милиции тов. Шиманкевичу;

е) поручить тов. Дерibasу и Савватьеву произвести завтра осмотр разведывательного аппарата;

ж) поручить тов. Савватьеву представлять СО ГПУ ежедневно к 1 часу дня и к 1-му часу ночи сводки о происшествиях на улицах и о состоянии разведывательного аппарата»¹³⁴.

Один из пунктов резолюции касался «разведки внутри здания»: «Поручить тов. Эрману и Шиманкевичу представить в 24-х часовой срок план связи и поддержки разведкой сотрудников Комендатуры внутри здания судебного процесса»¹³⁵. Во исполнение этих решений и была написана «Инструкция наружному разведчику на уличных постах во время процесса правых эсеров», подписанная (и, очевидно, написанная) 29 июля 1922 г. комендантом процесса по делу партии с.-р. Шиманкевичем и начальником внешней агентуры МГПО Фокиным. Приведем этот уникальный документ полностью:

«1. Разведчик, поставленный на пост, должен знать свой участок и старшего поста.

2. Разведчик исполняет все распоряжения старшего поста и снимается только по распоряжению последнего.

3. На обязанности разведчика лежит наблюдение в отведенном ему районе за появляющимися подозрительными лицами и экипажами.

4. Для этой цели разведчик обращает внимание на всех проходящих, навлекающих подозрение своим поведением, ношей или разговором.

5. Разведчик при наличии подозрения обязан убедиться в основательности такового, путем внимательного наблюдения за сомнительной личностью, обращая сугубое внимание на встречу заподозренного с другими лицами, исчезновение в один из ближайших домов или попытку наблюдаемых укрыться от проходящих в подъезде, проходные и непроходные дворы.

6. Обо всем замеченном разведчик должен доложить старшему по посту лично или при возможности (1 слово неразборчиво. — *К. М.*) через соседнего разведчика.

7. Разведчик должен обратить внимание не только на проходящую публику, но и на здания, заглянув время от времени во дворы, открытые парадные подъезды и закоулки здания, не упуская из виду балконов и крыш.

8. Основной задачей разведчика является предупреждение возможности отбить (освободиться) арестованных эсеров при провозе в суд и обратно.

9. Особое внимание на свой участок разведчик обращает при проезде машин с арестованными.

10. Каждое подозрительное лицо при проезде машин с арестованными должно быть задержано и передано через старшего в МГПО.

11. В случае могущего иметь место вооруженного нападения разведчик предупреждает преступление до начала стрельбы стражи, но если стрельба началась, посты из скрытых мест наблюдают движение преступников и открывают стрельбу только при бегстве нападающих или в тот момент, когда станет ясным перевес над стражей.

12. Группа подозрительных лиц, значительно превышающая состав поста, не задерживается самостоятельно, а при помощи ближайшего поста вооруженного официальной охраны (этот пункт вычеркнут карандашом. — *К. М.*)

13. Старший поста должен развести своих разведчиков по местам, знать их в лицо, принимать донесения, (1 слово неразборчиво. — *К. М.*) пост, руководить разведкой и держать связь с базой разведки (агентура МГПО), находясь на указанном ему месте.

14. При появлении в районе нач. Агентуры тов. Фокина и уполномоченного тов. Брусникина старший поста должен без приказа с их стороны немедленно подойти и доложить о состоянии поста.

15. Каждый старший поста при окончании дежурства является в Агентуру, дает письменный доклад и получает дальнейшее распоряжение.

16. Связь с Агентурой МГПО держится людьми, ввиду близкого расстояния от базы до постов»¹³⁶.

В каких же именно местах Москвы несли свою службу «разведчики»? «Дислокация постов секретной наружной агентуры МГПО по обслуживанию процесса правых эсеров» так прорисовывала расстановку 22-х постов:

«Пост № 1 — У памятника первопечатнику Ивану Федорову — людей — 3 человека.

Пост № 2 — Левая и правая сторона Театральной площади — людей — 6 чел.

Пост № 3 — Дом Союзов — людей — 3 чел.

Пост № 4 — Б. Лубянка — людей — 3 чел.

Итого: 15 чел.

В две смены — 30 чел.

Стоят с 10 час. утра до 12 час. ночи.

Пост № 5 — Охотный ряд — 3 чел.

Пост № 6 — Воскресенская площадь (гост. Континенталь) — 3 чел.

Пост № 7 — Б. Дмитровка — 3 чел.

Пост № 8 — Левый сквер Театральной пл. — 3 чел.

Пост № 9 — Трамвайная будка Театральной пл. — 3 чел.

Пост № 10 — Правый сквер Театральной пл. — 3 чел.

Пост № 11 — Проезд Большого театра (гост. Русь) — 2 чел.

Пост № 12 — Петровка Мюр и Мюрелиз — 2.

Пост № 13 — Неглинный проезд — 3.

Пост № 14 — Рождественка — 3.

Пост № 15 — Софийка — 3.

Пост № 16 — Театральная пл., Третьяковские ворота — 2.

Пост № 17 — Никольская улица — 2.

Пост № 18 — Лубянская пл. — 3.

Пост № 19 — Фуркасовский пер. — 2.

Пост № 20 — Кузнецкий мост — 3.

Пост № 21 — Варсонофьевский пер. — 3.

Пост № 22 — Б. Кисельный пер. — 3.

Итого: 52 человека.

Стоят от 10 час. утра до 12 час. дня и от 10 часов в. до 12 час. ночи»¹³⁷.

Характерно, что буквально через два дня после создания инструкции последовали новые директивы, так как с приближением конца процесса нарастала нервозность чекистского начальства, находившего работу всем своим подчиненным, в том числе и «наружным разведчикам». Так, 31 июля состоялось заседание тройки в составе Самсонова, Савватьева и Дерibasа, на котором были отданы следующие директивы:

«1. За малейшее подозрение на улицах задерживать и выяснять личность не только [по] документ[у], но и фактически.

2. У задержанных производить самый тщательный личный обыск.

3. Дать в этом отношении разведке строгие инструкции.

4. Поставить разведку по углам в сторону примерно на квартал расстояния.

5. Произвести сегодня и завтра обходы на подозрительные дома по пути следования арестованных»¹³⁸.

Материалы одного из томов фонда Н-1789 дают прекрасное представление о том, как выглядела на практике работа 22-х постов «наружной разведки». Открывается том протоколом допроса А. М. Денисова — официанта чайной (до войны работал официантом в ресторане), который был арестован из-за неудачно выбранного им места для свидания с барышней — у тюрьмы, где содержались 22 подсудимых эсера. Арестованный и допрошенный официант показал: «Арестовал меня какой-то агент в Кисельном пер. Одна барышня мне назначила свидание в Кисельном пер. к 3 часам дня. Ожидал я ее в пер. мин. 15, не более, как ко мне подошел один агент, спросил меня, чего я ожидаю, и объявил, что я арестован»¹³⁹.

Впрочем, этот анекдотический инцидент закончился для «сочувствующего Советской власти» официанта вполне благополучно, он всего лишь был направлен в милицию для выяснения личности и правильности указанного им адреса¹⁴⁰. Но обращает на себя внимание тот факт, что допрашивал его и принимал решение об освобождении не случайно подвернувшийся чекист, а пом. начальника 3-го отделения СО ГПУ, того самого, которое специализировалось на эсерах. В иерархии СО ГПУ это была вовсе не последняя должность, и человек, ее занимавший, мог вполне профессионально оценить, кого ему привели на допрос — его «подопечного» или случайного прохожего.

Подавляющее большинство докладов «разведчиков», содержащихся в томе, представляло собой короткие сообщения, напечатанные на машинке на узких полосках бумаги. Тексты были достаточно стандартны, как по форме, так и по содержанию (особенно в тех случаях, когда наружка ничего не фиксировала). Подписывались «разведчики» — буквой Р и цифрой. Вот несколько типичных докладов (подобных им — десятки: менялись только местонахождения и время ведения наблюдения «разведчиком»): В первый же день процесса «Р № 105», наблюдавший с 16.30 до 00.20, докладывал по начальству: «Довожу до сведения, что согласно Вашего распоряжения делал обход по Охотному ряду, Тверской ул., Георгиевского пер, Воскресенской пл. и по Театральным скверам, везде все было тихо и спокойно. Никаких разговоров и выступлений против соввласти мною замечено не было. В 11 ч. 30 м. перед Домом Союзов стала собираться толпа, которая ожидала вывоза подсудимых, но они сейчас же разгонялись кавалеристами»¹⁴¹. В «Докладе по наблюдению за Домом Союзов», подписанном тем же «разведчиком», говорилось: «Довожу до сведения, что согласно вашего распоряжения стоял в наблюдении у Дома Союзов, мною никаких разговоров и выступлений против Советской власти замечено не было. 10 /VI—22 г. „Р” 105»¹⁴². 12 июня «Р № 53» и «Р № 111» доносили: «Довожу до сведения, что ничего антикоммунистического в разговорах проходящих у Дома Союзов, также у прилегающих на Театральной пл. скверах не было замечено. Никакой передачи в наблюдение не было<...>»¹⁴³. 13 июня «Р № 111» докладывал, что «за все время наблюдения около Дома Союзов и по прилегающим скверам, в которые заходил изредка, никаких сборищ народа и антисоветской пропаганды не было слышно»¹⁴⁴.

Одной из немаловажных функций, которую выполняли «наружные разведчики», было продолжение слежки за подозрительными, переданными им агентурой, работавшей внутри Дома Союзов (впрочем, они пе-

редавали объектов и друг другу, чтобы не быть обнаруженным). Так, например 8 июня наружный разведчик «Р № 112» докладывал начальству о том, что «[в] 6 1/2 ч.» он принял от своего коллеги за № 84 «двух подозрительных личностей — человека среднего роста<...> и барышню с ним, <...> пошел за ними», проехал в одном с ними трамвае до Кузнецкой улицы и проследовал за ними до калитки дома № 17, за которой они скрылись. Войдя во двор и обнаружив, что двор проходной, «разведчик» прошел через дальние ворота, но никого не заметил. 20-минутное ожидание возле дома ничего не дало — «никто не появлялся»¹⁴⁵.

Широко практиковалось и сопровождение нескольких подозрительных (или попутчиков одного подозрительного) несколькими агентами. Так, например, наблюдая за адвокатом 1-й группы подсудимых Тагером, который вышел из Дома Союзов с двумя попутчиками, наблюдатели «повели» всех троих. «Р № 75», следивший за одним из спутников адвоката, проследил его путь до дома № 2 по Мясницкой улице, но не смог установить, в какую квартиру вошел его «подопечный», т. к. парадное не было освещено. В своем докладе он подробно описал приметы этого человека: «высокого роста, черные волосы, черные усы, синий костюм, серая кепка, брюки навывпуск»¹⁴⁶. Второй разведчик — «Р № 107», «взял в наблюдение гр[ажданина] по приметам: зеленый плащ, в кепке и зеленых ботинках, в черных брюках, шедшего с процесса с гр. Тагером» и установил его адрес «Петровка, Средне-Спасский пер. д. 1 кв. 12 или 11»¹⁴⁷.

Любопытно, что агенты внутренней и внешней разведки порой менялись между собой ролями, как это было, например, 12 июня, когда агент наружного наблюдения захотел поприсутствовать на процессе. Его «коллега» пошел ему на встречу, но сообщил об этом факте в своем очередном докладе: «Меня встретил Р. 82 и попросил дать ему билет на процесс, т. к. для члена РКП(б) ему интересно послушать процесс, на что я согласился и дал ему билет с тем условием, чтобы он следил за всяким выступлением и подозрительным гражданином, если будут в зале процесса, сам же встал в наружн. наблюдение и пробыл в таковой до 9 час. вечера когда пришел Р. 82, но ничего подозрительного не заметил»¹⁴⁸.

Наружное наблюдение немедленно брало под колпак любого, кто казался хоть сколько-нибудь неадекватным своим поведением и выделялся среди прохожих. Так, в первый же день процесса «Р № 66» докладывал: «Во время моего наблюдения ничего подозрительного замечено не было за исключением одной дамы, которая очень нервно себя держала, с ней находилась еще дама, последняя все время сидела на окне подъезда по Дмитровке, означен. гр. были переданы в наблюдение смене»¹⁴⁹. Точно так же 9 июня была взята в наблюдение женщина «в черном пальто, с меховым воротником, в шляпе, среднего роста, которая около 2 час. дня стояла и ходила по Дмитровке около Дома Союзов»¹⁵⁰. Любопытно, что эту женщину из рук в руки передали не менее трех «разведчиков», последний из которых довел ее до самых дверей ее квартиры¹⁵¹.

14 июня 1922 г. «Р № 92» доносил: «...при перерыве в 5 час. мною был замечен неизвестный гражданин, стоявший у главного подъезда, все время озирающийся, у каждого гражданина спрашивал, здесь ли Вандервельде и кто сейчас допрашивался. К каждой толпе подходил, что-то выслушивал и отчего-то дрожал, и я попросил Р. № 105 за ним посмотреть». Затем еще два человека показали ему подозрительными и он попросил «Р. № 112 посмотреть за ними»¹⁵². Но «Р № 112» упустил один из двух

объектов наблюдения — «...лет 24-х, без фуражки, костюм темно-зеленого цвета, среднего роста», который вдруг «...увидел знакомого лет 35—40 в серой шляпе, ехавшего на извозчике № 617», и уехал вместе с ним¹⁵³. А 15 июня «Р № 105» «принял от Р. № 92 неизвестного гр., который долго стоял у Дома Союзов и все смотрел на выходную дверь, потом пошел по Охотному ряду и около церкви внезапно остановился и опять долго смотрел на Дом Союзов. После этого пошел на Пятницкую, через Б. Овчинниковский пер. и на Татарскую ул., при чем иногда оглядывался<...>»¹⁵⁴. Интересен доклад старшего наружного наблюдения за 10 июня 1922 г., сообщавшего: «...за время моего наблюдения был замечен тип, который все время что-то ожидал, посещает каждый день, тогда я послал Р. для установок. Потом был замечен мною еще один молодой человек <...> Они пришли в 6 час. и все время что-то ждали. Когда стали выходить из суда, они пробрались куверы (так в тексте. — К. М.), и когда вошли к машинам Луначарский и еще с ним 2 неизв. гр-на, стали разговаривать, то один из двух в клетчатой кепке, спросил у одного, который вышел из суда, студента, который стоял здесь, что это Луначарский, ему студент сказал, тогда он подошел поближе и все время рассматривал его, а другой остался стоять возле двери. Тогда я решил установить, и были посланы разведчики»¹⁵⁵.

Яркое представление об этой стороне работы наружного наблюдения дает и следующая сводка начальника Активотделения Якобсона за 8 июня 1922 г., которую он составлял на основе докладов «разведчиков» и посылал «наверх»¹⁵⁶: «Около дома Союзов около 10 ч. были небольшие группы собравшихся, в большинстве интеллигентных людей, среди которых находилась одна женщина. <...> Кличка дана „Мумия“, которая называла всех подсудимых по имени, отчеству и фамилии и говорила, сколько кто сидит, какой порядок раздачи билетов<...>Около ее собрались, среди которых ей наверно были знакомые, выделялись две женщины и 1 мужчина, последний также знает подсудимых и был во время процесса на трибуне в качестве свидетеля. Особых шумных настроений в публике не замечалось. Только Мумия дерзко обращалась с конными, разгонявшими публику. В 13 ч. 30 м. Мумия появилась в зале и села во втором ряду вместе с семьями обвиняемых. Во время перерыва между 17 и 19 часами ходила вместе с семьями подсудимых, ходила к подсудимым на свидание.

После процесса вышла из подъезда № 1 в доме Союзов и подошла к главному подъезду, ожидая выхода арестованных. Опять снова поскандалив с конными, после отъезда арестованных пошла по Охотному ряду с одной женщиной и 1 мужчиной, по пути на Моховой к ней подошла еще одна дама. Последняя с Мумией поцеловалась и пошла все дальше, на Моховой все зашли в дом № 10 и на лестнице 2-го этажа в первом от ворот парадном остановились и долго разговаривали, но так как разв[едчик] неожиданно на их нарвался, то кв. установить, в которые они зашли, не удалось.<...>

В 23 ч. во время посадки арестованных в автомобиль между легковыми автомобилями и арестантским ходила одна женщина.<...> Кличка дана — “Пройдоха”.

У Пройдохи в руках была газета „Вечерние известия“ в которой было что-то завернуто и еще была книга журнального фасона большого размера. После отъезда арестованных Пройдоха пошла на Театральную пл., где и зашла в д. № 3 в гостиницу бывш. „Русь“, около театра Незлобина. Войдя на 3-й этаж, Пройдоха встретилась с типом, с которым стали про-

хаживаться по коридору и разговаривать. Пройдоха сказала „какая досада, была почти около автомобиля и не пришлось передать, какой-то идиот вернул назад“. Комнату установить не удалось, так как на лестнице стоять долго было невозможно<...>¹⁵⁷.

Прочитавший эту сводку пом. начальника СО ГПУ Дерibas написал на ней: «Тов. Кузьмину. Необходимо: „1. Узнать, не утеряны ли из виду «Пройдоха» и «Мумия». Если утеряны, то необходимо наладить за ними погоню, особенно за Пройдохой. Если же имеются налицо, то Пройдоху покрыть (т. е. установить за ней наблюдение. — К. М.), а затем, если попадется, по захваченному материалу — развить операцию“». В. Кузьмин, подчеркнув последний абзац сводки, в котором сообщалось о встрече «Пройдохи» с «Гольшом», в свою очередь, начертал резолюцию: «тов. Элькинду. К исполнению. 9.VI—22».

Нельзя не отметить, что словечко «покрыть», имеющее в русском языке совершенно определенный и недвусмысленный подтекст, было излюбленным у чекистов и встречается многократно в их документах (так, например, на совещании чекистов 1 августа, где присутствовал и Ф. Э. Дзержинский, помимо прочего было решено: «8. Завтра 2-го августа покрыть Красный Крест, кроме Винавера и Пешковой» и «16. Кондратьева и Огановского покрыть»¹⁵⁸).

Судя по тому, что филеры всегда оставляли наблюдение, как только возникала опасность их обнаружения объектом, у них были инструкции вести наблюдение неназойливо (до революции обнаруженный филер, имевший приказ вести объект во что бы то ни было, все равно вел его до момента установки или с помощью оказавшихся рядом городских или дворников арестовывал его). Представляется, что выбранный стиль «неназойливого наблюдения» объяснялся общей ситуацией и решением высшего чекистского начальства, не желавшего распространения по Москве разговоров и слухов о ведущейся за самыми разными участниками процесса слежкой. Да и с оперативной точки зрения «плотная» слежка как система была нецелесообразна, ведь арестовать человека или хотя бы насторожить его до выяснения его личности и его контактов значило сокращать поле работы для наружного наблюдения и уменьшать возможность крупных уловов.

Любопытно, что чекистское начальство не продумало вопрос о выдаче денег ни агентам внутренней разведки в Доме Союзов (а им в ряде случаев приходилось продолжать вести объект наблюдения и на улице), ни даже сотрудникам уличного наружного наблюдения — не только на извозчика (что всегда делало начальство Охранных отделений и ГЖУ), но даже на трамвай. В результате «разведчикам» порой приходилось прекращать наблюдение «за неимением денежных средств», как «Р № 92»¹⁵⁹ или «Р № 67»¹⁶⁰. Наблюдение также приходилось бросать, если объект задерживался в Доме Союзов допоздна, когда толпа, собиравшаяся к вызову подсудимых, уже расходилась и улицы становились пустынными¹⁶¹.

Том «Сводка негласной охраны процесса» дает ценный материал для ответа и на другой, пожалуй, еще более важный вопрос — а что именно говорили москвичи, собиравшиеся поблизости Дома Союзов, о процессе с.-р. и о самой власти? Подобных материалов в данном томе хотя и относительно немного, но ценность их трудно преувеличить. Ведь это своего рода моментальная фотография умонстроений самых различных людей, наблюдавших за «привозом» и «увозом» 22-х подсудимых и высказывавших свои мнения. Приведем несколько характерных зарисовок.

«Р № 45» докладывал 7 июня 1922 г.: «Собралось 2 небольших толпы и рассуждали о прибытии эсеров, так как из их разговора было слышно, что подсудимые еще не все. Больше всех говорил неизвестный гражданин <...> о гр. Гох (следует Гоц. — К. М.), которого хотел видеть, так как в 1905 г. он знал одного тов. Гох и хотел убедиться, тот ли или другой. Здесь же были 2 гр-ки еврейки, среднего роста, одна блондинка, другая брюнетка, очевидно курсистки, лет по 25, [говорившие] „о террористических актах, совершаемых эсерами не целой организацией, а только индивидуально или объективно“ (так в тексте. — К. М.). Уловить что-нибудь ярко защищающее эсеров было нельзя, так как многое распространялось, а когда стала скапливаться толпа, милиционер попросил осадить назад, немного побыв — толпа разошлась»¹⁶². 8 июня старший наружного наблюдения, докладывавшая обо всех событиях за день, сообщал и о разговорах: «<...>из публики один рассказывал суть работы эсеров в Сибири, на Кавказе, везде, где лишь были эсеры, и к нему подошел второй гр., который также с ним старался доказать правоту эсеров, <...> потом я остался за ними наблюдать, и вот они все здесь прохаживались и между собой что-то обсуждали». Впрочем, эти два гражданина не только говорили, но и, по мнению наблюдавших за ними, пытались что-то предпринять, т. к. «потом, когда публика стала выходить, то они подошли вплотную к двери и что-то ждали, потом их оттуда прогнал караул, но они все старались подойти поближе, тогда второго гражданина арестовал караул <...> потом его освободили, тогда они опять друг друга нашли и опять все-таки втирались в публику, чтобы поближе <...>»¹⁶³. На Театральной площади на второй день процесса «групп не замечалось. Настроение обывательское, спокойнее, чем 8/VI—22 г., углубились все в газеты»¹⁶⁴. 15 июня 1922 «Р № 111» докладывал, что им был «взят в наблюдение гр., стоявший на Театральной площади, у трамвайной остановки. Гр. был одет в синий костюм, черные ботинки, без фуражки, с кожаным желтым портфелем, художавый, черная борода, брюнет лет 35. <...> я взял его в наблюдение, и, простояв несколько минут, он пошел к Метрополю, потом свернул к остановке и сел на № 17, поехал по направлению к Воскресенской площади. Мне пришлось наблюдение оставить»¹⁶⁵.

Народ возле Дома Союзов толпился почти постоянно, особенно в моменты вывода подсудимых, но эти сборища разгоняли кавалеристы войск ГПУ. Это не могло не вызывать законного недовольства, фиксировавшегося чекистами: «Из толпы <...> также ругались на кавалерию, которая поступает, как старая жандармерия»¹⁶⁶. Впрочем, обычных зевак чекисты, как правило, не трогали. Так, 10 июня 1922 г. нач. Активотделения в своей ежедневной сводке констатировал: «Перед началом процесса, т. е. от 11 до 15 ч. у здания Дома Союзов большого скопления публики не наблюдалось, были лишь небольшие скопления простых девок, не проявивших никаких таких вызывающих поведений, которые обращали бы на себя внимание... По окончании заседания у Дома Союзов публики было уже больше, в особенности в период вывода обвиняемых и посадки в карету. Настроение этой публики или было просто любопытное, или же с удовольствием отмечавших тот помп, с каким отвозили арестованных, когда впереди тюремных карет и сзади шли автомобили с охраной, усиленно трубивших о расчищении дороги и 4 конных, сопровождавших эту процессию»¹⁶⁷.

9 июня «Р № 9» докладывал об обмене мнениями между двумя женщинами, сочувствующими эсерам, и стариком, их поносившем: «<...> эти две женщины говорили следующее, что это за власть, которая боит-

ся показать их лицо, чисто они убегут, потом к ним подошел какой-то старик, который сказал, что Гоц мерзавец, тогда та из них, которая больше волновалась, стала чуть не кричать, что дурак тот, который назвал Гоца мерзавцем, после этого они пошли по направлению к Арбату»¹⁶⁸.

15 июня 1922 г. «Р № 111» взял в наблюдение стоявшего у Театральной площади гражданина, который «стоял в толпе и возражал против судей (ругал)»¹⁶⁹. В этот же день агентура зафиксировала ссору у Дома Союзов, которая в описании нач. Активотделения выглядела так: «В 12 час около Дома Союзов получилась ссора между четырьмя женщинами, с одной стороны были три дамы, по-видимому, коммунистки или сочувствующие Сов. Власти, а с другой стороны какая-то дама, как после выяснилось, полька, <...> между прочим упоминалось имя Вандервельде, поругавшись еще некоторое время они разошлись»¹⁷⁰.

20 июня 1922 г. в Москве состоялась организованная властями грандиозная манифестация, приуроченная к годовщине гибели В. Володарского, основные лозунги которой требовали смерти подсудимых. Именно в такой обстановке всеобщей истерии было зафиксировано два случая публичного протеста против этой вакханалии — был арестован во время демонстрации анархист, шедший с черным знаменем, на котором были написаны слова «Долой смертную казнь!», и зафиксирована «агитация на Театральной площади» еще одного анархиста. Вот что сообщал об агитации «Р № 107»: «Неизвестный гр. <...> вел агитацию на Театральной площади против Б. Театра и говорил, что якобы рабочих заставляют идти на манифестацию насильно, и выдавал себя за анархиста <...> ходил из одного места в другое по всей площади и смеялся, что это, говорит, идет только тот, который хочет, чтобы пролилась невинная кровь эсеров, которые находятся сейчас на скамье подсудимых, потом сказал: „Я не хочу признавать никакой власти и никого насиловать, я живу, как мне надо, и не как рабочие, говорит, [которые] подчиняются каким-то правительствам, которых и никто не знает“»¹⁷¹.

Крайне интересно, что агентов наружного наблюдения («разведчиков») использовали и для «мониторинга» настроения рабочих на ряде московских заводов и фабрик. Так, «Р № 71» доносил: «На фабрике „Жиро“ Теплый пер. настроение рабочих к суду над эсерами пока еще не вылилось в определенную форму. Списки неблагонадежных будут готовы 12/VI—22 г.»¹⁷². Он же сообщал чуть позже, что «на фабрике Бурикова отношение рабочих к эсерам среднее. Списки неблагонадежных будут готовы в понедельник»¹⁷³.

Агенты наружного наблюдения также фиксировали и пресекали попытки несанкционированного прохода на процесс. Несмотря на все строгости с раздачей пропусков (они попадали преимущественно в надежные «коммунистические» руки) и на все предупреждения о недопустимости их передачи кому-либо, практика передачи пропусков все же процветала. Так, «Р № 53» 13 июня 1922 г. сообщал: «Мною было замечено 6 чел., из коих первые двое гр. были беспартийные, у которых отобрал пропуска и проверил документы. Тот, кто передал пропуск, был гр. Молошников Вульер Павлович, учится в Высшем Техническом Училище <...>. Кому передал пропуск — есть гр. Колесников Мих. Мих., сост. слушателем Выssh ж/д инстр. курсов НКПС <...>. Остальные 4 гр. были партийные тов., члены РКП(б), они отпущены с пропусками»¹⁷⁴. На следующий день «Р № 53» докладывал: «...мною были замечены двое граждан, которые передавали друг другу пропуска. Я остановил их, проверил

документы и отобрал пропуск, который передал коменданту. У кого был билет, тот есть гр. Лорин О. П., работает НКРКИ в качестве инспектора, кому передал пропуск, был гр. Тамаркин З. О., служит в НКРКИ техн. пром. отд., в качестве ответ. инспектора»¹⁷⁵.

Процесс, имевший огромный резонанс, привлекал к себе внимание иностранных дипломатов и вообще иностранцев, которые, конечно же, немедленно попадали в поле усиленного внимания «разведки». Так, наружка взяла в наблюдение латышского дипломата, несмотря на наличие у него пропуска на заседание трибунала¹⁷⁶. А 28 июля Врид начальника Общей агентуры секретной части МГО ГПУ Фокин в «Сводке наружного наблюдения по процессу правых эсеров» докладывал: «В 10 ч. 30 м. вечера у здания быв. магазина Мюр — Мерелиз остановился легковой автомобиль „АРА“, из него вышли 5 человек, по виду иностранцев, перешли на левую сторону Театральной площади, с оживлением говорили на неизвестном разведке языке и, дождавшись увоза арестованных, вернулись к ожидавшему их автомобилю в направлении Тверской ул.»¹⁷⁷.

Американцев зафиксировал и помощник коменданта Верховного трибунала, который, исполняя распоряжение коменданта Шиманкевича, с группой переодетых красноармейцев, вооруженных наганами, нес дежурство в контакте с разведчиками МГО ГПУ около театра «Континенталь»: «...было установлено наблюдение и за автомобилем, на котором приехали 5 неизвестных лиц. Автомобиль принадлежал „АРА“ и стоял с потушенными огнями у Большого театра. Неизвестные лица были одеты по-европейски, разговаривали все вместе на каком-то иностранном языке (как будто, английском). Стояли они все время у забора сквера Большого театра и все время смотрели в сторону Дома Союзов, время от времени показывая на него пальцами. Потом один из них, одетый в брезентовое пальто, направился к Дому Союзов, прошел мимо и снова вернулся к стоявшим у сквера его товарищам. Стояли они все время, пока не были увезены арестованные с.-р. Во время перевозки они ничем не выявили своих тех или иных намерений»¹⁷⁸.

Наличие огромного количества филеров у Дома Союзов и на прилегающих улицах бросалось в глаза не только опытным подпольщикам, но и родственникам подсудимых (впрочем, как правило, также имевшим революционный опыт). Вот как описывал нач. Активотделения реакцию Б. М. Рабинович, 19 июня вышедшей из Дома Союзов вместе с женой А. Р. Гоца, Сарой Гоц: «После окончания заседания совместно с Уткой (кличка, данная С. Гоц., — К. М.) вышла неизвестная женщина, кличка которой дана „Ворона“, которая при выходе на улицу сказала „о, сколько здесь шпионов“»¹⁷⁹. Конечно же, наличие наружного наблюдения не было для опытных революционеров неожиданностью, и они могли ему в ряде случаев эффективно противостоять. Вот как, скажем, описывает нач. Активотделения в сводке за 14 июня 1922 г. поведение бывшего каторжанина Кашина, свидетеля защиты 1-й группы, взятого в наблюдение: «Последним вчера был вызван свидетель со стороны обвиняемых гр., который после окончания процесса вышел с „Верблюдиной“ и защитником Ждановым, с которым в коридоре разговаривал и когда сотрудники, которые должны были вести наблюдение за Верблюдиной и Ждановым, пошли за ними, то Кашин все время оглядывался, не ходит ли кто за ними. Это же продолжилось на улице, Верблюдина стояла на трамвайной остановке, а Кашин около него и [все] время кругом оглядывался и, когда подъехал трамвай № 38, то сел Верблюдина, а за ним и Кашин и все вре-

мя смотрел, не садится ли кто либо»¹⁸⁰. Дальше в документе не было сказано ни слова о результатах наблюдения за «Верблюдиной» и Кашиным, из чего совершенно определенно следует вывод, что Кашин своего явно добился и филеры, опасаясь расшифровки, в трамвай не сели, упустив своих «подопечных».

Самое любопытное, что то, что Кашин «срезал» наблюдение, явно запомнилось чекистам. Такой вывод легко сделать из «Общей сводки процесса ПСР за 15 июня 1922 г.», подписанной все тем же нач. Активотделения, который про Кашина написал следующее: «Свидетель защиты гр. Кашин, кличка „Врун“, наблюдавший 14/VI, не сопровождает ли „Верблюдиная“ и „Спаса“ кто-нибудь, в 17 час. вышел из здания суда, сел на трамвай и поехал на Ярославский вокзал, где вошел в вагон № 22 Л.С. Д.Е.Р. Томской ж.-д. и начал обедать»¹⁸¹.

Похоже, Кашина после инцидента в трамвае взяли в особый оборот, поручив его особенно опытными филерами, сумевшими выследить 21 июня 1922 г. партийное эсеровское совещание в одном из вагонов на Ярославском вокзале. Это им удалось несмотря на серьезные усилия Кашина оторваться от слежки. К сожалению, мы не знаем, сколько филеров за ним следило (по обстоятельствам похоже, что далеко не один), так как в нашем распоряжении имеется лишь сводка начальника Активотделения, описавшего всю эту историю так: «Во время получившегося недоразумения между трибуналом и подсудимыми 1-й гр. „Врун“ (Кашин. — К. М.) сильно беспокоился и доказывал что-то сидевшей вместе с ним „Нэпманихе“. Во время перерыва, следовавшего после спора, „Врун“ вышел в фойе и приглядывался ко всем выходившим из артистической (вход на трибуну). После окончания заседания трибунала он вышел в буфет, где по очереди подходил ко всем родственникам подсудимых, что-то им объяснял, затем вышел из Дома Союзов в сопровождении „Малашки“ и „Параши“ (жена и дочь Д. Д. Донского. — К. М.), дошел с ними до остановки трамвая на Театральной пл., поговорил с ними мин. 5, напомнив им, чтобы они **остерегались наблюдателей** (выделено нами. — К. М.), подошел к стоящему тут же „типу“, с которым и пошел к Ярославскому вокзалу. Шли очень тихо, но разговаривали довольно громко, так что можно было понять, что речь идет о каком-то документе, т. к. очень часто упоминались слова „форма“ и „печать“. У Ярославского вокзала они постояли 2—3 мин. и разошлись, причем „тип“ сказал: „Хорошо, я буду стараться достать подпись, а ты здесь шуруй“. С тем они и расстались, тип чуть ли не бегом побежал к Каланчевской ул., а „Врун“ около 3 мин. бегал по площади, стараясь от кого-то убежать, затем 4—5 раз входил в ворота Ярославского вокзала и выходил обратно. Когда же хорошо уверился, что за ним никто не следит и устал до того, что разделся до рубашки и тихо пошел, по пути зашел в вагон № 22 сл, где его встретили несколько человек и стали спрашивать его, что хорошо было на процессе, <...> На вопрос, как дело с оруженосцем, „Врун“ ответил: „сегодня не было“»¹⁸². Под «оруженосцем», надо полагать, имелся в виду филер, верно сопровождавший своего хозяина.

Вне сомнений, уровень филера (или группы филеров) был крайне высок, раз им удалось не потерять Кашина, когда он полчаса бегал по привокзальной площади и 4—5 раз входил и выходил из вокзала, пытаясь в толкучке оторваться от хвоста (ведь в привокзальной и вокзальной суете филер не мог следить с дальнего расстояния, рискуя потерять объект, а держась вплотную, он рисковал быть обнаруженным). Именно на

обнаружение рассчитаны многократные входы и выходы с вокзала и на вокзал — пройдя 4—5 раз в ворота вокзала, на которые внимательно смотрит Кашин, филер поневоле бросится в глаза, пусть даже и не с первого раза. Можно предположить, что или следил опытный и талантливый агент старой школы (вроде Медниковской), или группа филеров, но тоже высокой квалификации. Ведь кроме этого филеру пришлось идти вдоль поезда и заходить в вагон (судя по предыдущему сообщению, это был вагон-ресторан). К тому же ему удалось подслушать разговор группы подпольщиков, явно настроенных, и остаться при этом не обнаруженным.

Одной из важных функций наружного наблюдения была охрана подсудимых от попыток со стороны их оставшихся на воле товарищей отбить их, поэтому «разведчики» фиксировали всех казавшихся им подозрительными с этой точки зрения. Так, 9 июня «Р № 5» и «Р № 111» доносили, что «ими были взяты в наблюдение гр., находившиеся около Дома Союзов. <...> Был слышен такой разговор: Что если бы он был, то я бы сейчас пустил пулю в лоб. Этот гр. разговаривал со своим товарищем<...>. Думаем, что этот гр. имел при себе револьвер; 1-й гр. все время перебегал с места на место, прислушивался к разговору, где вступал в разговор, и сам, перед окончанием процесса 1-й гр. отошел в сторону со вторым гр-ном и с ним разговаривал <...>»¹⁸³. Утром следующего дня они продолжили наблюдение за домом, в который накануне вечером вошли эти двое, и видели, как из дома в 11.30 ч. вышли двое — «...один был тот, за которым ведется наблюдение», после чего они посетили несколько магазинов (в том числе Мюр и Мюрилиз), встретились и побеседовали с человеком, который «походил на иностранца», после чего вновь вернулись в один из магазинов, где уже были, после чего расстались. Агенты навели справки в домовом комитете об интересующем их человеке. Им оказался Бавли Лазарь Иогелевич, работавший в Институте имени Карла Маркса¹⁸⁴.

Трудно сказать, верный ли след взяли агенты, но описанные ими хождения объекта наблюдения по магазинам до и после встречи с человеком, «похожим на иностранца», весьма похожи на классическую «очистку от хвоста» в больших магазинах (видный эсер В. М. Зензинов в своих мемуарах красочно описывал, как он в начале XX в. многократно применял для этих целей Верхние торговые ряды, придумав весьма хитроумную и эффективную комбинацию беготни с этажа на этаж)¹⁸⁵.

При выполнении своих «охранных» функций «разведчики» иногда попадали в курьезные ситуации. Так, например, они 29 июля 1922 г. заметили на крыше дома рядом с Домом Союзов вооруженных людей и переполошились, но тревога оказалась ложной — «личной проверкой было установлено, что это была охрана склада от Штаба охраны гос. учр.», которой «дано было указание не высовываться с крыши на улицу»¹⁸⁶. Не менее курьезным оказалось и задержание в тот же день у здания ГПУ человека, «навлекшего подозрение долговременным пребыванием у здания ГПУ», которым оказался Шарашкин Антон, бывший «в нетрезвом состоянии». У него выяснили адрес и отпустили¹⁸⁷.

Но 31 июля случился инцидент, вызвавший гневную реакцию Самсонова и дополнительные директивы по усилению бдительности при проезде автозака с подсудимыми. По сообщению Фокина, «секретным постом на углу Б. Лубянки и Кисельного пер. замечено следующее: Перед самым отправлением арестованных на процесс замечен подозрительный гражданин, который стоял на Б. Лубянке у булочной образцовых пекарей, и все время смотрел на Кисельный пер. в направлении тюремного

подотдела. В то время, когда автомобиль с арестованными выдвинулся из ворот тюрьмы и двинулся с охраной вперед, то неизвестный гр-н сделал сигнал, подняв правую руку вверх и повернув лицо на дом № 15 по Б. Лубянке, где на углу было скопление публики, около 15-ти человек, а также со всех балконов дома вышло много людей. Это скопление людей было немедленно разогнано охраной. Гр-н, который сделал сигнал, сразу же направился по направлению к Сретенке, сделал 10 шагов, пропустил процессию, повернул назад и быстро пошел вслед за уехавшими машинами, затем повернул обратно, пошел к Сретенским воротам, свернул на бульвар и, дойдя до Тургеневской площади, зашел в магазин, мастерская обуви, рядом с тургеневской читальней, до 12 1/2 часов дня выходящим из магазина замечен не был»¹⁸⁸.

Резолюция Самсонова гласила: «т. Дерибас. Это — разведывательная чепуха и безобразие. Впредь приказываю:

1. За малейшее подозрение на улицах немедленно задерживать и выяснять личности не только по документам, но и фактически.
2. У задержанных производить самый тщательный личный обыск.
3. Если появится этот тип, то немедленно его задержать, равно и его сообщников.
4. Дать в этом отношении строгие инструкции разведке.
5. У лавочки, куда зашел тип, установить разведку, ту, которая этого типа видела, и если он в течение сегодняшнего дня не появится, то ночью произвести в лавочке обыск и засаду.

6. Поставить разведку по углам от пути следования на квартал»¹⁸⁹.

Любопытна реакция Дерибаса на этот приказ своего начальника: прямо по резолюции Самсонова он сделал переадресацию упреков уже своему подчиненному. В начале — сразу после слов Самсонова о чепухе и безобразии он написал: «т. Савватьеву. На сводке № 4 т. Самсонов написал:...» и в конце: «Что и предлагаю исполнить». В таком виде это было отпечатано и пошло Савватьеву для исполнения»¹⁹⁰.

Последняя «Общая сводка по процессу ПСР», подписанная помощником начальника Активотделения и датированная 6 августа 1922 г., сообщала: «С 5/8—22 г. с 21 ч. Трибунал находится на совещании... Во время совещания разведка несет обязанности на улице около Дома Союзов и все подозрительные лица, которые будут замечены около Дома Союзов ночью, не имеющие никакого отношения, будут задерживаться и направляться в комендатуру ГПУ для выяснения личности»¹⁹¹.

Анализ рассмотренных выше документов, на наш взгляд, позволяет говорить об эффективности работы наружного наблюдения, позволявшей «устанавливать» всех, кто казался хотя в чем-то подозрительным. Кроме того агенты продолжали слежку за родственниками подсудимых, выявляя их контакты с представителями эсеровского подполья.

§ 4. «ДОВОЖУ ДО СВЕДЕНИЯ, ЧТО, ПРИСЛУШИВАЯСЬ К АППАРАТУ...»: ПРОСЛУШИВАНИЕ ТЮРЕМНЫХ КАМЕР И «НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ» ЗА ПОДСУДИМЫМИ 1-й ГРУППЫ В ЗАЛЕ СУДА

О том, что участие чекистов в процессе не ограничилось проведением предварительного следствия и охраной подсудимых, участники событий отчасти знали, отчасти подозревали. Так, достоянием гласно-

сти уже тогда стали факты обысков тюремных камер подсудимых и изъятия всех их записей, которые они делали, готовясь к выступлениям на процессе. Подсудимые 1-й группы неоднократно жаловались суду, что ГПУ систематически мешает им полноценно участвовать в процессе. Естественно, председатель суда Пятаков игнорировал эти жалобы. Не секретом также было и то, что во время свиданий чекисты старались подслушивать разговоры подсудимых 1-й группы с родственниками и адвокатами.

Но только сейчас стало известно, что чекисты организовали прослушивание разговоров подсудимых 1-й группы и в тюремных камерах, и в зале суда, и в комнате арестованных в Доме Союзов. В камерах тюрьмы Московского губотдела ГПУ в Кисельном переулке, где содержались подсудимые 1-й группы, было установлено два аппарата прослушивания, и специальные люди фиксировали их разговоры, подавая затем рапорта с обобщенным пересказом их содержания. Судя по тому, как они подписывались («Р № 84» и «Р № 96»), это были «разведчики» Активноотделения Московского губотдела ГПУ, чьи «коллеги» вели наружное наблюдение в центре столицы, в зале суда и вокруг тюрьмы. Кроме того, разговоры подсудимых 1-й группы подслушивались непосредственно в зале суда и в комнате арестованных охраной, состоявшей из переодетых в красноармейскую форму чекистов.

В томе 48 фонда Н-1789 («Агентурный материал по наблюдению за арестованными во время процесса») помимо ежедневных рапортов Шиманкевича Самсонову и сводки о состоянии караула содержатся доклады двух типов — «доклады о подслушивании» тюремных камер и «сводки наружного наблюдения за членами пятерки».

Доклады «Р № 84» и «Р № 97» сначала направлялись их непосредственному начальнику Фокину, затем ложились на стол коменданта процесса Шиманкевича, а тот уже сам решал, стоит ли информация того, чтобы доводить ее до сведения Самсонова или Пятакова. Так, например, на докладе «Р № 84» от 23 июня 1922 г., где он сообщал о конфликте Лихача с Гоцем, стояло несколько резолюций, показывающих путь этого доклада: «ГПУ. т. Самсонову для сведения. 26/VI Шиманкевич.»; «Тов. Кузьмину. 27/ VI 22. Самсонов» и «т. Плахову. В. Кузьмин»¹⁹².

В целом преобладали короткие доклады, так как разведчики многих разговоров не разбирали. Так, например, «Р № 84» докладывал 9 июня: «Доклад по подслушиванию с 12 час. до 2-х часов. Когда они приехали во время моего присутствия, то запели „Солнце всходит и заходит“ и потом был разговор, но нельзя было расслышать, что и доношу до сведения»¹⁹³. Доклад за 10 июня был не намного информативнее: «во время своего подслушивания ничего не удалось расслышать, но лишь перед отъездом они заговорили, чтобы не ехать вместе и разбиться на две группы, чтобы не было так тесно»¹⁹⁴.

Впрочем, даже более обширные доклады не отличались связностью изложения — отчасти из-за плохой слышимости, отчасти из-за низкого уровня подготовки слушавших. Что же удалось узнать чекистам, «прислушиваясь к аппарату»? «Р № 97» докладывал 13 июня 1922 г.: «В 11 ч. 20 м. стали ужинать в другой комнате, откуда были слышны голоса и смех, потом двое пришли в эту комнату и стали говорить очень тихо, но было слышно, что говорили о процессе, т. к. упоминали Пятакова, возмущались его допросом, потом стали говорить после шепотом о чем-то, но один голос, вздохнув, сказал: „только маму жалко, а все ничего“, потом один голос что-то запел, а ему говорят „довольно, довольно, спят уже

все“ и они легли спать. Утром встали в 8 ч. утра и стали смеяться, что сегодня говорит „опять исповедываться будем“»¹⁹⁵. 14 июня он же писал: «Говорят, что [процесс] очень хорошо подвигается вперед, по-видимому, может скоро кончиться, и между прочим писали заявление Ревтрибунал с 10 ч. утра и до 11 ч. утра, писали о защитниках т. БУХАРИНА и ЛИБКНЕХТА, после этого в тех комнатах были слышны женские голоса, что-то разговаривали, а здесь замолчали, один что-то насвистывал, а другой песенку мурлыкал»¹⁹⁶.

«Р № 84» изъяснялся ничуть не лучше, передавая услышанное им в ночь с 13 на 14 июня: «Когда они приехали, то сразу обрадовались, что сегодня день был наш, все показания были в нашу сторону, что Семенов показал, даже Лихач, который Семенову возражал, то помешал ему. Потом что-то нападал на них Луначарский, а потому ходатайствовать перед Вандервельде, чтобы он поддерживал согласно тех постановлений, которые были приняты на 3 Интернационале в Берлине, потом сказали, что Вандервельде принимает совсем малое участие в суде»¹⁹⁷. 23 июня 1922 г. он писал: «Долго шел разговор серьезный между собой, но не было слышно, потом стало слышно, когда стал разговаривать, по-видимому, „Лихач“, сделал предложение покинуть процесс организованным путем, но, по-видимому, ему стал протестовать Гоц, сказав, что вы еще молоды и т. д., что покинуть процесс, то надо найти причину, чтобы было за что зацепиться, а потому надо требовать от Трибунала, чтобы изменили публику, которая все время присутствуют чекисты и коммунисты, чтобы заменили рабочими и много других вопросов, потом стали друг друга инстинктивно, но как — не было слышно. Гоц заявил, чтоб у нас не вышло то, что и со второй группой, которая много открыла конспираций, надо держаться одного течения, потом все затихло и перешли разговоры между собой в ссору. „Лихач“ говорит Гоцу, что мое к вам доверие совершенно покачнулось, уважаемый Гоц, потом какие-то задал ему вопросы, но слышать не удалось и спрашивал у него до трех раз, ответит или нет, но от Гоца ответа не последовало. Тогда он заявил, что от Вас этого не ожидал»¹⁹⁸.

24 июня 1922 г. «Р № 97» доносил: «Во время подслушивания удалось услышать одну фразу. Одного ругали, что он давал неправильное показание и указывали ему, что тогда еще не было партии и были лишь группы и говорили ему, потому придерживайся всех остальных <...> Надзиратель крикнул „готовьтесь на процесс“, но другой из политических крикнул „не на процесс, а на концерт“<...>»^{199, 200}. «Во время, когда они приехали с процесса 26/VI, — писал другой „слушатель“, — то жаловалась одна женщина, что строго поступает комендант во время обыска, потом они одного ругали за то, что он дает неправильные показания, он показал, что Игнатъев был в Москве в начале июля»²⁰¹.

В своем «докладе по подслушиванию» за промежуток времени с 12 ч. ночи до 12 дня 28 июня «Р № 84» писал «Во время моего дежурства ничего не пришлось слышать. Вечером когда приехали, весь вечер пели, сперва начали петь „Проходил полк гусар усачей“, потом пели разные революционные песни»²⁰². 5 июля 1922 г. «Р № 97» докладывал: «<...>стало ясно доноситься, т. к. перешли в эту комнату и стали говорить относительно процесса и что-то писать, по-видимому, подготавливаются к процессу, так как голос, который больше всех говорит и его слышно, и он говорит: „Вы мне соберите материалец“. Дальше этот же голос говорит (так как они говорили о процессе, и кто-то спросил „наверное, вышлют“) „Это безразлично, вышлют или освободят“. Потом они разговаривали,

смеялись, потом один голос кричит: „Господа, кто желает посмотреть микроскопического клопа“ и они собрались в комнате и стали разговаривать и смеяться. После этого с 4-х час. утра до 12 дня 5/VII—22 г. все писали, разговаривали, но так тихо, что еле было слышно. Но один голос говорит „надо отстреливаться“ — это говорили относительно процесса, так как один голос говорит „забьют“»²⁰³.

В докладе, освещающем вечер 3 августа, сообщалось: «<...> услышал следующие слова, кто-то из них находится в комнате, говорит: „Странно Вы говорите, это ведь не Сибирь и не старое время, когда мы бегали, а отсюда ведь не убежишь, когда под нами находится надзиратель, да и против на площадке ходят, а из окна полезешь — на штык сядешь“ (и они засмеялись). Больше разговоров на эту тему не было, перешли к разговору относительно религии, говорили о попах, о том, что Советская власть, т. е. коммунисты (т. к. они в своих разговорах редко когда говорят Советская власть, а больше все „коммунисты“ или „большевики“) относятся к ним с большим презрением <...> сперва говорили, что Советская власть не права по отношению к попам, но потом же после смеялись над попами.

Дальше говорили о законах, потом завели разговор о разводах (здесь они все трое смеялись, и получился такой шум, что трудно было уловить суть разговора), потом говорили о процессе и характеризовали тов. Крыленко, что он якобы очень придирчив и неуместными вопросами, вообще смеялись над ним (так по-видимому, им не на ком было свою злобу сорвать). Дальше разговор у них пошел о Чрезвычайной комиссии, относительно МГО и ГПУ говорили, что агенты ЧК вообще обыски делают неправильно, так как во время обыска; например, у спекулянта, то они ничего не обнаруживают, начинают записывать в протокол документы, при этом ни единым словом не обмолвятся, какие отобраны, например, документы. Отбирают Трудовую книжку и разные свидетельства, в протокол не записывают за каким № и какие документы они не пишут, а после же эти документы идут в частные руки. Дальше я не мог разобрать слов, так как в этой комнате кто-то замурлыкал песню, а в других комнатах кто-то стали громко разговаривать и даже женский голос запел песенку<...>. Затем ушли в другие комнаты, пробыв там минут 20, они вернулись и стали ложиться спать, так как один из них сказал „я гашу электричество“ и все стихло»²⁰⁴. На докладе стояла резолюция Фокина — «Дерибасу».

Анализируя в целом эффективность прослушивания тюремных камер подсудимых 1-й группы, можно констатировать, что «прослушка» не дала того эффекта, который потенциально могла бы дать. Во-первых, использовавшиеся иностранные аппараты были несовершенны и «разведчикам» не все удавалось расслышать. Примечателен следующий «доклад с 10 ч. веч. до 3 ч. ночи» 23 июня: «Довожу до сведения, что во время подслушивания ничего не было слышно»²⁰⁵. Впрочем, с учетом косноязычия доносивших, здесь легко можно заметить двусмысленность — то ли разведчик не мог расслышать разговор, то ли разговор вообще не было. Но другой разведчик прямо указывал на то, что ему было трудно улавливать разговор из-за шума аппарата: «<...> Спорили они долго, потом кто-то стал прохаживаться по комнате и через несколько минут входит еще кто-то и стали разговаривать, но очень тихо, но так как аппарат шумит, то слова было трудно улавливать, но один голос говорит (так как они говорили что-то о процессе и больше упоминали фамилию тов. Покровского), что этот Покровский форменный негодяй, но второй перебил его и говорит. Это прямо какой-то шарман-

щик, потом кто-то вошел и они стали тихо разговаривать и ничего не было слышно»²⁰⁶.

Во-вторых, так как аппаратов было всего два, а комнат²⁰⁷ несколько, чекисты не могли «слушать» все комнаты, в которых жили подсудимые. Это (но не только это) привело к тому (и это самое главное), что «разведчики», сидевшие за аппаратами, не могли персонифицировать участников разговора (за редким исключением). Безусловно, это было серьезным организационным проколом их руководства и еще раз свидетельствовало о спешке, в которой готовили весь процесс. Людей же с необходимыми способностями и достаточной квалификацией (способных легко запоминать и идентифицировать голоса двух десятков человек) просто не было. Конечно, подсудимые обладали свободой передвижения из квартиры в квартиру, что путало «разведчиков». И тем не менее за два месяца вполне можно было научиться различать голоса (хотя кое-кого «разведчики» уже идентифицировали). Похоже, никто даже и не подумал о том, чтобы познакомить «слушавших» с голосами подсудимых, хотя это легко можно было сделать, отправив двух разведчиков днем в зал суда (часть подсудимых выступала регулярно).

В-третьих, обращает на себя внимание весьма невысокий образовательный и культурный уровень разведчиков, которые даже услышанные разговоры пересказывали так косноязычно, что обесценивали подслушанную ими информацию. К тому же они совершенно были не в курсе всех тех проблем и сюжетов, которые обсуждались на процессе, а потому не могли соединить обрывочные фразы в нечто единое (здесь тоже помогло бы посещение процесса). Кроме того, чаще всего разведчики были не в состоянии оценить важность той или иной реплики, обрывка разговора.

Представляется, что подсудимых 1-й группы спасли только несообразительность и некомпетентность чекистов. Конечно, в то время не существовало магнитофонов, и запись наиболее интересных разговоров нельзя было дать послушать Пятакову, Крыленко, Самсонову и пр., но зато существовали квалифицированные стенографистки, легко фиксирующие устную речь. Судя по всему, именно стенографисток использовали для фиксации телефонных разговоров родственников подсудимых 1-й группы и адвокатов, стенограммы которых затем ложились на стол чекистов (и составили затем целый том). Догадайся чекисты (ведь они два месяца читали эти невразумительные доклады разведчиков!) посадить за подслушивающуюся аппаратуру не полуграмотных разведчиков из Активотделения ГПУ, а стенографисток, обслуживавших «контрольные кнопки» телефонной связи — результативность прослушивания тюремных камер явно повысилась бы. Можно с полной уверенностью утверждать, что о прослушивании камер с помощью спецаппаратуры в 20-е гг. никто не догадывался. Опасались (как и в царское время) только надзирателей, подслушивающих у двери. Но учитывая, что подсудимые перемещались из «квартиры в квартиру» и по коридору, они могли не опасаться подслушивающих надзирателей, которых легко могли обнаружить. Получается, что подобный вольный режим, который с большим трудом и голодовками завоевывали социалисты (право незакрытых камер и право перемещения в пределах «социалистического коридора») имел и огромный плюс для чекистов — безбоязненные разговоры заключенных, которые они подслушивали. Кроме того, прослушивались свидания осужденных эсеров с родственниками, что нашло отражение в томе, в котором собраны отчеты о свиданиях за 1923 г.

«Наружное наблюдение» за подсудимыми 1-й группы в зале суда и в комнате для арестованных стали вести уже в июне. Но систематический и регулярный характер сводки от каждого наблюдателя стали приобретать только с 30 июня, а до этого отмечалось лишь важное и интересное (причем, с точки зрения автора сводки). Рапорта адресовались непосредственно Шиманкевичу, а тот их подшивал вместе с другими материалами по делопроизводству процесса (так сложился т. 55 фонда Н-1789). За июнь в этой подборке имеется всего несколько таких разрозненных рапортов²⁰⁸, самый ранний из которых датировался 13 июня.

Формулировка «сводка наружного наблюдения за членами пятерки» прозвучала в самом первом рапорте коменданта процесса Шиманкевича на имя нач. СО ГПУ Самсонова, которому он отправлял эти сводки²⁰⁹. Рапорт не датирован, но из датированных сводок видны и день начала ежедневных наблюдений (правильнее было бы сказать, написания ежедневных отчетов) и имена пяти самых видных членов эсеровского ЦК, за которыми чекисты решили вести наружное наблюдение. Шиманкевич ежедневно посылал Самсонову рапорт, а с ним сводки о каждом из пятерых главных эсеровских чекистов²¹⁰, а также «сводку о состоянии караула»²¹¹. Из первого рапорта Шиманкевича Самсонову следует, что помимо пяти сводок была еще и одна — общая — на остальных 17 эсеров²¹². О передаче шести сводок он рапортовал и 12 июля²¹³ и 29 июля²¹⁴.

Персонально опекать пятерых подсудимых членов ЦК ПСР чекистам караула под началом В. Г. Бодеско было поручено с 30 июня 1922 г. В «пятерку» входили А. Р. Гоц (наблюдатель — Х.), Е. М. Тимофеев (наблюдатель — «Вулкан»), Гендельман (наблюдатель — «Буревой»), Е. М. Ратнер (наблюдатель — С. Г. Урусов), Лихач (наблюдатель — «Резвый» (И. И. Мануйлов)). Наблюдатели поменялись только у Е. М. Ратнер («S») и у А. Р. Гоца («В. К.»), у остальных они оставались до конца процесса одни и теми же.

Первые сводки весьма лаконичны. Написаны они были на четвертушках листа бумаги и содержали лишь сведения описательного характера, без пересказа разговоров. Всего за 30 июня было подано пять сводок, которые даже назывались несколько по-разному. «Буревой» озаглавил ее «Сводка № 1 Наружное наблюдение за обвиняемым Гендельманом за 30/VI с/г.»²¹⁵, остальные проще — «Сводка об арестованном...». «Буревой» писал: «Гр. Гендельман наиболее тесное соприкосновение имел с гр. Веденяпиным; с которым он был почти что неразлучно. После обеденного перерыва вместе с Веденяпиным, Федоровичем, Ивановой ходили знакомиться с делами обвинительного материала. Разговоров особенных не наблюдалось, так как время им было посвящено для подыскания данных для защиты.

Р. S. Из ранее подслушанного виденного совещания группы 22 Гендельман выставлен защитником данной группой»²¹⁶.

«Резвый», наблюдавший за Лихачом, сообщал: «С 12 час. дня гр. Лихач находился все время в камере, занимался перепиской в блокнот, по уходе в уборную он таковой прячет в карман, разговоры ведет очень часто с Тимофеевым и Гоцем. 30VI 21 г. После перерыва до обеденного (так в тексте. — К. М.) с Тимофеевым по отношению свидет. Немца указывая, что это не как Фроссар, а гораздо лучше, говоря что он показывал в пользу ПСР. В 11 час. вечера вышел в зал заседания»²¹⁷. «Вулкан», наблюдавший за Тимофеевым, сообщал: «30 VI 21 г. гр. Тимофеев с 1 часу дня проводил в камере и вел разговоры с гр. Е. Ратнер

и Лихачом по отношению суждения свидетеля Фроссара и сравнивая показания с свид. Немцом, который показывал в пользу ПСР»²¹⁸. С. Г. Урусов, наблюдавший за Е. М. Ратнер, сообщал: «Разговаривала с Тимофеевым, потом с Лихачом, разобрать ничего не удалось, т. к. разговаривали тихо. Большую часть времени Ратнер лежала на скамейке и как будто бы спала»²¹⁹. В своей сводке под № 1 наблюдатель «Х.» сообщал: «30 VII — Утром Гоц оживленно беседовал с Морозовым, смысл разговора неясен благодаря настороженности Морозова. Слушает внимательно ход процесса, часто останавливает других обвиняемых от возгласов и выкриков. Читал „Известия“ и „Правду“ во время перерыва»²²⁰.

1 июля «Буревой» докладывал: «Во время пятнадцатиминутного перерыва совещания обвиняемых по поводу дачи объяснений о деятельности в Самаре Гендельман имел тесную связь и довольно конспиративную с Гоцем, Тимофеевым, Раковым. Разговор подслушать не удалось, т. к. последний ввиду серьезности вопроса происходил шепотом. В каком характере вопрос обсуждался, ясный вывод вытекает сам по себе из речи в дополнительном объяснении. В обеденный перерыв Гендельман держался особняком и изредка переговаривался с Воденяпиным (так в тексте. — К. М.), Раковым, Гоцем. Не читал ничего, но был всецело предан серьезному размышлению. Во время процесса суфлировал допрашиваемым обвиняемым»²²¹.

«Сводка № 2 наблюдения за Гоцем», написанная «Х.» 1 июля 1922 г., отличалась лаконизмом: «Гоц утром смотрел в окно, в 15-минутном совещании участвовал совместно с Гольденманом (так в тексте. — К. М.), Раковым и Тимофеевым»²²². Но рекорд по лаконичности побил «Вулкан», наблюдавший за Тимофеевым 1 июля: «Ничего существенного не замечено»²²³. В сводке «Х.» за 3 июля то же — «ничего заслуживающего внимания»²²⁴. То же самое в этот день написал «S», наблюдавший за Е. Ратнер²²⁵. Сводка «Х.» от 4-го июля также отличалась сверхлаконичностью: «Обычные разговоры с товарищами. Во время знакомства с делом Гоц долго беседовал с секретарем трибунала»²²⁶.

Начальство эту чрезмерную краткость наблюдателей не оценило. Уже 6-го июля Шиманкевич сделал внушение «Х.», наблюдавшему за Гоцем, и вместо его сводки отправил Самсонову свою записку: «Сводка № 6 за Гоцем. Наблюдающий ничего существенного не заметил и представленная сводка задержана для дачи наблюдающему соответствующих указаний по существу порученного ему задания. О личности Гоца в приложенных сводках указания есть»²²⁷. Непонимание «Х.»-ом «существа порученного задания» заключалось, судя по предыдущим его сводкам, в элементарной лени и нерадивости.

Однако даже после внушений со стороны начальства наблюдатели не очень «расписались», став лишь чуть-чуть подробнее. Так, «Буревой» сводку за 7 июля сделал уже чуть более пространной²²⁸. Сводка «Резвого» за 21 июля также чуть более пространна, чем обычно²²⁹. Но в массе своей все сводки так до самого конца процесса и оставались весьма лаконичными. Отчасти это легко объяснить тем, что наблюдатели, работавшие, по словам своего начальства, по 14 часов, сильно утомлялись. Достаточно посмотреть на сводки за 30 июня «Резвого» и «Вулкана». «Резвый» в двух случаях из трех перепутал год и вместо 22 г. написал 21 г.²³⁰ «Вулкан» в двух случаях из двух также написал — 30/VI 21 г.²³¹. В своей сводке от 1.VII.22 г. «наблюдатель» «Х.» перепутал месяц и вместо отчета за предыдущее 30 VI написал «30 VII»²³².

Лишь начальник караула В. Г. Бодеско представлял обширные сводки (от одного до полутора листов формата А3 (иногда А4)). Представляется, что, будучи разводящим поста № 20 Бодеско в отличие от своих подчиненных мог свободно перемещаться, и если они писали одну заключительную сводку уже после окончания заседания, то он фиксировал на бумаге каждый важный эпизод. В результате, он подробно пересказывал разговоры, приводил цитаты, сделал свои сводки наиболее интересными (не только для собственного начальства, но и для историков — ибо из них мы можем почерпнуть весьма интересные и важные сведения о разговорах, поведении и настроении подсудимых 1-й группы). Свою первую сводку он написал 3 июля 1922 г.: «Настроение обвиняемых с утра веселое, беседы оживленны, выражая шутки в отношении суда. Когда их ввели в зал суда, то они обычно здороваются с родственниками. Защитница, по прибытии здороваясь с Тимофеевым, Гоцем, Гендельманом и др., в разговоре упомянула, что она будет техническим секретарем, на что обвиняемые согласились. Когда защитница пошла наверх в Комнату арестованных, она получила от Тимофеева указания, какие материалы необходимо достать из города, и общую инструкцию, как она должна проверять стенограммы. Этот разговор шел вслух, но она разговаривала шепотом, что дает определенное основание полагать, что она имеет более тесную связь. Также замечено, что она, получая словесно какое-то поручение от обвиняемых, сейчас же передала тоже словесно родственникам во время перерыва, затем опять передала ответ по открытию заседания.

Обвиняемому Лихачу она передала какую-то записку, на что Лихач написал ей длинный ответ, прочитывая записку, она заметила, что я слежу за ней, то она стала долго эту записку комкать в руках, затем в удобный момент быстро сунула бумажку в портфель. Во время опроса свидетеля Дедусенко Гоц, Лихач, Гендельман радовались и выражали удовольствие за отрицательные ответы на вопросы Крыленко. Вообще они считают Дедусенко своим человеком»²³³.

Затем за 4 июля В. Г. Бодеско было написано три сводки, за 5 июля — три сводки и т. д. В первой своей сводке за 4 июля Бодеско писал: «Настроение обвиняемых после прибытия было веселое, но после открытия заседания почти все спали на скамьях. Некоторые читали романы и совсем не интересовались объяснением Лихача. После объяснения Лихача и начала перекрестного допроса его тов. Крыленко Лихач попал в очень неловкое положение, т. к. на вопросы тов. Крыленко он не мог ответить, ибо он не помнил дословно показания обвиняемого Тимофеева. Решено было, что Веденяпин идет нарочно в уборную с тем, что он предупредит Тимофеева, который находился на отдыхе в комнате арестованных вверху, а до этого момента, т. е. до прибытия Тимофеева, подсказывали ответы Гендельман, Раков и Гоц. По инциденту с книгой, принадлежащей обвиняемым, из которой тов. Крыленко перепечатал статью, и в связи в заявлением тов. Крыленко Лихач заявил, что он никак не ожидал, что тов. Крыленко признает этот не выгодный для него факт. Обвиняемый Гоц, Гендельман, Лихач и др. хотят раздувать этот факт с целью агитации о совершенных несправедливостях по отношению обвиняемых, а в последнем факте они ухватываются как козырь против Крыленко и суда, т. к. сам Крыленко этого не отрицал, ибо его заявления имеется в стенограмме. К тов. Крыленко обвиняемые относятся с циничной враждебностью, иногда упоминают его с руганью, а его перекрестные допросы среди них приобрели тер-

мин „Эксплуатация Крыленко“. Обвиняемые хотят добиться, чтобы книги и журналы ими или их родственниками были переданы не секретариату, а непосредственно им через их защитницу. Защитница сегодня до 17 часов не была на суде»²³⁴.

Бодеско не только подслушивал разговоры, но и сам вел разговоры с подсудимыми в перерыве и даже один раз подглядел часть содержимого письма, лежавшего перед Тимофеевым²³⁵. Кроме того, из его сводок видно, что он брал у родственников записки для подсудимых, как и «Бурево́й». Последний докладывал 19 июля: «От дочери Веденяпина мною получена записка для передачи обвиняемой Евг.М. Ратнер, которую при сем прилагаю, т.к. она, по моему мнению, имеет значение для СО ГПУ»²³⁶.

К концу процесса, в атмосфере ожидания смертных приговоров, напряжение среди подсудимых нарастало. «Вулкан», наблюдавший за Тимофеевым, докладывал 29 июля: «В обеденный перерыв Артемьев говорит Тимофееву: „Во, крыл тебя Крыленко, не годишься к ихнему обществу, сотрет тебя с лица земли?“ Тимофеев ничего не ответил, только бледнел и сильно волновался»²³⁷.

Последние сводки наблюдателей были датированы 4 августа, когда подсудимые 1-й группы выступали с последними словами. «Бурево́й» докладывал: «Гендельман был весьма серьезно настроен. До обеденного перерыва был наверху и занимался своими делами, перед выступлением совещался с Донским и приходящими, произнесшими последнюю речь. Секретно совещались с Гоцем, Лихачом, Тимофеевым. При свидании посетили 4-е гостей. При выводе арестованных Ефимова и Зубкова у комнаты Иванов спросил его по-немецки. Гендельман покачал головой»²³⁸. «Х» докладывал о Гоце: «Во время свидания виделся с женой. После свидания около Гоца собралась группа обвиняемых и говорили о приговоре, причем почти у всех убеждение, что их расстреляют. Во время заседания Гоц в зал пришел только к своей речи»²³⁹.

«В. К. », наблюдавший за Гоцем, докладывал: «Во время свидания все время говорил со своей женой. Из родственников других подсудимых Гоц, видно, в самых близких отношениях со следующими:

- 1) отцом Гендельмана,
- 2) женой Лихача и
- 3) старушкой, что приходила к Донскому.

После свидания гулял по камере с Донским и о чем-то с ним говорил. В камере говорил с Гендельманом, Федоровичем и др. На трибуну шел опять с Раковым, но никакого разговора не вел»²⁴⁰.

«S», наблюдавший за Е. М. Ратнер, докладывал: «По приезде в Дом Союзов ходила с Тимофеевым. В обед имела свидание с матерью. Больше ничего замечено ничего не было»²⁴¹. По свидетельству «Резвого», «по приезде из тюрьмы Лихач был очень задумчивый и ни с кем не разговаривал. Прийдя в камеру стал рассматривать конспект (два слова не разобрано. — К. М.) последнего слова».

Постановка подслушивания разговоров подсудимых 1-й группы конвоирами-чекистами, передетыми в форму красноармейцев, оказалась непростым делом. Главной проблемой стала фантастическая расхлябанность прикомандированных чекистов из Московского губотдела ГПУ и СО ГПУ, просто-напросто отказавшихся подчиняться своему начальнику Бодеско, на которого и было возложено это дело. 17 июня 1922 г. в рапорте на имя Шиманкевича Бодеско (он сам себя называл «разводящим по охране эсеров», а начальство — «разводящим поста № 20», что

правильнее, т. к. кроме него было еще десять разводящих) констатировал: «Ввиду того, что большинство из состоящих в моем подчинении лиц караула, которые являются сотрудниками ГПУ, в большинстве случаев не желают по тем или иным причинам подчиняться, прошу Вашего распоряжения в будущем строгого наказания и замены их дисциплинированными товарищами, ибо в противном случае я не имею возможности выполнить возложенное на меня задание»²⁴². Комендант процесса Шиманкевич переслал его рапорт пом. начальнику СО ГПУ Дерибасу вместе с сопроводительной запиской, в которой сообщал, что «поведение некоторых сотрудников, посланных для несения караульной службы (по мобилизации), настолько разлагающе действует на тов. тов. красноармейцев ОСНАЗА, несущих такую же службу, что в дальнейшем в отношении т.т. сотрудников ГПУ и МГО не подчиняющихся правилам устава караульной службы, буду действовать на основании предоставленного мне права, как караульному начальнику»²⁴³. Дерибас в тот же день наложил следующую резолюцию: «Тов. Шиманкевичу. Разумно наложенные наказания редко дают обратные результаты, а потому предоставленными Вам правами коменданта попытайтесь пользоваться»²⁴⁴.

А наказывать явно было за что. О том, что не все привлеченные к несению к службе в зале суда относились к этому делу ответственно, видно из донесения секретаря комендатуры процесса Узлова пом. нач. СО ГПУ Дерибасу от 20 июня 1922 г. «Согласно резолюции тов. Шиманкевича при сем препровождается в Ваше распоряжение сотрудник ГПУ т. Шмерлинг для привлечения к ответственности **за сон на посту и утерю „Нагана“** (выделено нами. — К. М.), причем присовокупляю, что „Наган“ найден и оставлен для вооружения караула»²⁴⁵. Другой чекист, на этот раз сотрудник МГО ГПУ С. А. Сулов, был замечен в самовольной отлучке из Дома Союзов и отправлен 20 июня в распоряжение нач. МГО ГПУ Медведа²⁴⁶. И это были вовсе не единичные случаи (у красноармейцев дисциплина была еще хуже — однажды часовой, прислонив винтовку к стене, сел на пол и стал переобуваться).

Привлеченные к службе в зале суда чекисты были из разных структурных частей ГПУ и получали разное довольствие и жалование за одинаковую работу, что привело к недовольству «обделенных» и неоднократным конфликтам, во время одного которых один из чекистов «расконспирировал» переодетых красноармейцами чекистов, поливая их бранью в присутствии двух конвоируемых ими подсудимых. «Расконспирированные» чекисты жаловались коменданту процесса Шиманкевичу, что сотрудник Московского губотдела ГПУ Матюшин кричал на часовых: «На каком положении вы от лица пятерки подали рапорт об командировочных деньгах. Вы прохвосты, а не товарищи. Вот мы с винтовкой несем службу, а вы раскатываетесь на автомобиле. Арестованные, как Агапов и Е. Ратнер, все это слышали, а посему просим Вас принять соответствующие меры за раскрытие посему конспиративной работы, а так же оскорбляя нас, пять часовых, называя нас прохвостами»²⁴⁷.

С помощью дисциплинарных взысканий и ротации сотрудников Шиманкевичу и Бодеско удалось поставить подслушивание подсудимых караулом на должную высоту. Самые интересные и ценные сведения принадлежат, как уже упоминалось, самому Бодеско, который писал общую сводку²⁴⁸.

Путем сверки подписей под «сводками» и «Ведомостями расхода служебных билетов для входа в здание суда во время процесса ПСР» можно установить состав группы «наблюдателей»²⁴⁹. В этих ведомостях есть

и весь состав группы внутренних разведчиков Эрмана²⁵⁰, и сам Шиманкевич со всеми своими помощниками и курьерами²⁵¹ и, что очень для нас важно, все составы караулов, начиная с начальника караула и его трех помощников, и 10 разводящих²⁵². В. Г. Бодеско был назван разводящим № 11²⁵³. Примечательно, что предыдущие 10 разводящих следовали сразу за караульным начальником и его помощниками, а Бодеско (как и его пять караульных) оказался совершенно отдельно, что, впрочем, вполне логично, если учесть специфический кадровый состав и еще более специфические задачи этого караула.

В ведомости Бодеско расписался за 5 пропусков (в графе «Учреждение и должность» написано — «караул») на следующие фамилии: Урусов С. Г., Мануйлов И. И., Чистяков И. И., Бузанов В. И., Афанасьев М. Ф.²⁵⁴.

4 июля 1922 г. комендант процесса Шиманкевич и секретарь комендатуры Узлов отправили нач. Московского губотдела ГПУ Медведю письмо следующего содержания: «Прошу сотрудников МГО ГПУ, командированных в мое распоряжение, полагать в служебной командировке и, так как они несут караульную службу ежедневно по 14 часов в сутки, прошу Вашего соответствующего распоряжения о выдаче им за сверхурочную работу командировочных денег»²⁵⁵. На обороте документа рукой Шиманкевича были написаны фамилии: «1) Урусов, 2) Мануйлов, 3) Бузанов, 4) Чистяков, 5) Афанасьев»²⁵⁶.

Почерк И. И. Мануйлова, написавшего упоминавшийся выше рапорт с жалобой на сотрудника МГО ГПУ Матюшина²⁵⁷, идентичен почерку, которым написаны «сводки наблюдения за арестованной Евг. Ратнер»²⁵⁸, которое осуществлял «Резвый». Таким образом, мы уверенно идентифицируем трех чекистов — Бодеско, Урусова и Мануйлова — «Резвого». Последнее для нас тем более важно, что подтверждает наше предположение, что часть чекистов подписывала сводки своими настоящими фамилиями, а часть — псевдонимами. Главное же, что на основании этого мы можем сделать вывод, что «сводки» писались не секретными сотрудниками из числа завербованных эсеров-свидетелей, а чекистами, которые, будучи переодетыми в красноармейскую форму, могли без затруднений находиться вплотную к скамьям подсудимых 1-й группы.

Предположение, что за подсудимыми могли наблюдать завербованные чекистами эсеры возникло потому, что один из наблюдателей подписывался «Буревой», а человека с такой фамилией в группе Бодеско не было. Зато был свидетель — один из виднейших руководителей МПСР (а до этого член ЦК ПСР) К. С. Буревой, амнистированный Верхтрибом в мае 1922 г. и выведенный из числа подсудимых (без отобрания подписки) и после процесса отправленный в ссылку, но возвращенный оттуда по распоряжению Самсонова²⁵⁹, а в 1923 г. выпустивший книжку «Распад», посвященную послереволюционной истории ПСР²⁶⁰.

Кроме того, в т. 48 имеется доклад разведчика «Р № 96», который наводит на мысль, что агентурной работой среди эсеров вполне могли заниматься и их бывшие товарищи: «Довожу до сведения, — говорится в этом докладе, — что в субботу 15-го июля меня узнала Евгения Ратнер по Бутырской тюрьме и стала расспрашивать, как я сюда попала и давно ли, я стала рассказывать, что за побег мужа из Архангельска, потом вошли в комнату гр. Ратнер Лихач и Тимофеев, Ратнер стала рассказывать, что я сидела по анархическому делу, арестована была в Вологде и что ее освободили по болезни и вот опять ее задержали, муж убежал тогда. Лихач и говорит: вы не огорчайтесь, что вы сидите, я тоже при

первом удобном случае убегу, мою жену арестуют, она за меня просидит десять лет, лишь бы я был на воле»²⁶¹. На докладе стояла резолюция Фокина «С. секретно. Лично т. Самсонову для сведения. 18/VII—22г.»²⁶².

Насколько можно понять, разговор происходил в тюрьме в Кисельном переулке и «Р № 96» столкнулась с Е. Ратнер случайно. Похоже, она выполняла в Бутырках роль «наседки». Понятно, что она не работала в зале суда — ее номер отсутствует среди номеров «разведчиков» Эрмана (ведомость на получение вознаграждения), которые несли наблюдение внутри Дома союзов за родственниками и публикой²⁶³. Но как бы там ни было, случай достаточно показателен.

Сверка почерков, которыми написаны сводки «Буревого»²⁶⁴ с заявлением К. С. Буревых (написавшего 2 июля на имя Пятакова заявление с просьбой выдать ему «постоянный билет на право входа на процесс», т. к. он «уже допрошен»²⁶⁵) показывает, что почерки, хотя и весьма похожи, но не идентичны. Но проблема в том, что две подписи самого К. С. Буревых отличны друг от друга (вторая роспись Буревых имеется на списке выдачи билетов допрошенным свидетелям)²⁶⁶, а росписи и даже почерк наблюдателя «Буревых» также отличны друг от друга. Главный же аргумент в пользу того, что К. С. Буревой и «Буревой» — это два разных человека, состоит в том, что свидетель не мог находиться рядом с подсудимыми в зале суда и в комнате арестованных. Из докладов же «Буревых» видно, что он присутствовал даже на свидании Гендельмана с родственниками. Представляется, что чекист просто взял себе псевдоним от слова «бура» (в одной из сводок он так и подписан — Буря²⁶⁷).

Предполагали ли подсудимые с самого начала суда, что их могут подслушивать, сказать сложно. То, что они были осторожны, видно из самых первых сводок наблюдения за ними, в которых отмечается, что все существенное говорится ими шепотом или на ухо. Так, один из наблюдателей, в это время «опекавший» Е. М. Ратнер, в самый первый день, когда началась их работа — 30 июня 1922 г., доносил: «Разговаривала с Тимофеевым, потом с Лихачом, разобрать ничего не удалось, т. к. разговаривали тихо»²⁶⁸. 3 июля «Резвый», прикрепленный к Лихачу, сообщал: «Разговор установить не удалось ввиду того, что весь разговор идет шепотом»²⁶⁹.

Подсудимые также использовали прием передачи информации «по цепочке», если адресат сообщения находился далеко от говорившего. В докладе «Х» от 28 июля читаем: «В обеденный перерыв к Гоцу подошел Донской, и Гоц ему что-то очень тихо и осматриваясь говорил. Потом Донской так же осторожно что-то говорил Артемьеву, Артемьев, в свою очередь, следующему обвиняемому и таким образом, по-видимому, всем обвиняемым Гоцем что-то было сказано»²⁷⁰. 7 июля «Буревой» доносил: «Во время суда при вопросе Григорием Ратнером объяснявшему Веденяпину по поводу покушения на Деникина Гендельманом и Гоцем через Ракова и Лихача что-то передали Морозову устно, и пытавшийся [отвечать] Веденяпин был остановлен, и Морозов уже давал ответ на предложенный Г. Ратнером вопрос».

По ходу процесса, эсеры, видимо, стали догадываться, что их подслушивают, и 11 июля в очередной сводке констатировалось, что «в последнее время стало невозможным подслушивать чего-либо существенного, ибо в каждом красноармейце небезосновательно усматривается чекист — и потому все существенное произносится только шепотом». А еще 7 июля во время полемик со своим братом Григорием Евгения Ратнер

«в конце своей речи указала, что она [знает], что Гр. Ратнер знает обо всем, что они говорят между собой, ибо он связан с ГПУ, которая даже на скамье подсудимых подслушивает их. За эту фразу, — отмечалось в сводке, — она получила от Гендельмана и Лихача выговор, ибо нельзя об этом говорить, т. к. мы ухудшаем наше положение»²⁷¹.

Впрочем, и сами «слушатели» порой сами выдавали себя некорректным (см. выше случай с «выяснением отношений» между чекистами, в присутствии подсудимых) или неосторожным поведением. Так, 29 июля сразу двое «наблюдателей» отметили, как Гендельман, Гоц, Лихач и Тимофеев отреагировали на агента, пытавшегося их подслушать (в донесении он назван секретным сотрудником). «Буревои», наблюдавший за Гендельманом, доносил об этом происшествии так: «По приходе наверх о чем-то тихо переговаривались Гендельман, Гоц, Лихач, Тимофеев. Нарушил их разговоры сек. сот., прохаживающийся вперед по комнате, обративший на себя внимание всех подсудимых»²⁷². «Вулкан», «отвечавший» за Тимофеева, описывал это так: «В это время пришла Орлова, подошел Гоц и трое очень осторожно говорили. Тимофеев мигнул Гоцу на проходившего взад назад с/сотрудника»²⁷³.

Эсеры и сами пытались использовать эти «вездесущие уши» в своих интересах. Так, 20 июля 1922 г. помощник начальника СО ГПУ Дерibas в одном из донесений констатировал, что «вообще, теперь как правило установилось: разговор вслух или вполголоса происходит только тогда, когда для арестованных нужно, чтобы их слышали обязательно»²⁷⁴. Впрочем он тут же добавлял, что удается случайно во время заседания услышать и вещи, не предназначавшие для чужих ушей. Так, например, 3 июля Шиманкевич подал рапорт начальнику СО ГПУ Самсонову следующего содержания: «<...> Подсудимый Львов в беседе с подс. Морозовым, сообщил последнему, что в среду он, Львов, попытается бежать; меры, на случай предупреждения попытки к побегу мною приняты и в случае попытки побега таковой будет предотвращен (Рапорт сотрудника прилагается)»²⁷⁵.

Как можно оценить в целом эту агентурную работу чекистов? Во-первых, поразителен сам факт прослушивания тюремных камер и комнат для свиданий с помощью специального аппарата, подслушивания подсудимых в зале суда с помощью переодетых в красноармейскую форму и в штатское чекистов. Во-вторых, подслушивания в тюремных камерах, во время свиданий, на скамье подсудимых и во время обеденного перерыва дали чекистам немало ценной информации. Но здесь не все было так однозначно, ибо вставала проблема ее использования. И хотя можно считать, что лишней информации не бывает, и знание о наличии разноголосий между Лихачом и Гоцем вовсе не было лишним или бесполезным, публично обнаружить это знание чекисты не могли. Да, чекисты и Пятаков узнали из подслушанного, что, скажем, в ряде случаев то, что подсудимые утверждают на процессе, истине не соответствует (яркий пример — разговор Е. Ратнер с В. Г. Бодеско о терроре против Краснова). Но передать это огласке было немислимо. Юридическая сила таких свидетельств была равна нулю, а политический эффект от их использования был бы только отрицательный. Ведь это значило признать, что вчерашние революционеры не только прослушивают тюремные камеры, но и подслушивают обвиняемых прямо на скамье подсудимых. Парадокс ситуации заключался в том, что Пятаков и чекисты могли испытывать только чувство собственного бессилия, что они не могут доказать то, что является правдой.

§ 5. «...И ТУТ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ НЕ ОКАЗАЛОСЬ, ТАК КАК БОЛЬШИНСТВО ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ ПО ПРАВУМУ КРЫЛУ БЫЛИ „СВЕРДЛОВЦЫ“ И АРМЕЙЦЫ ВОЙСК ГПУ»: НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ПУБЛИКОЙ В ЗАЛЕ СУДА

Наружное наблюдение за публикой в зале суда было далеко не единственной задачей «секретной агентуры, несущей разведывательную службу внутри здания Суда по Процессу партии с.-р.», как она именовалась в заголовке чекистской инструкции, очерчивающей цели и задачи «разведчиков» — сотрудников Активного Отделения Оперода ГПУ.

Приведем этот интереснейший документ с грифом «Сов. секретно» полностью: «Охрана судебного процесса и лиц, принимающих в нем участие в качестве сторон, главным образом, подсудимых, разделяется по существу на следующие составные части:

1. Предупреждение преступлений со стороны подсудимых или сочувствующих лиц.

2. Пресечение преступлений и обезвреживание пытающихся это преступление совершить.

3. Задержание совершивших таковое.

Исходя из этого положения охрана как таковая распадается на три рода обязанностей, из которых обязанностей по пункту 1. лежат на агентуре, обслуживающей процесс, по пункту 2. на Комендатуре процесса, и по пункту 3. на Комендатуре и Агентуре, для чего разведка внутри здания имеет следующие задания:

1. Вести постоянные наружное наблюдение за всеми родственниками подсудимых «1 группы» с целью выяснения связи их с внешним миром: с кем именно встречаются и т. п.

2. Вести тщательное наблюдение за всем, что происходит как в зале, так в здании судебного процесса во время заседания и во время перерыва.

3. Вести строгий учет всех подозрительных лиц, замеченных в чем-либо; как то: в подозрительном разговоре или в действиях, и устанавливать точное местожительство, дабы в любой момент можно было их найти, если это окажется нужным.

4. В случае какого-либо нападения на зал судебного процесса или трибуну с целью освободить или же в случае попытки побега со стороны подсудимых разведчики должны действовать следующим образом:

а) если ими будет замечен кто-либо, вынимающий оружие и пытающийся его использовать, немедленно схватив его за руки, при содействии сотрудников Комендатуры, принять меры к удалению его из зала и доставке задержанного к Коменданту Процесса;

б) если попытка такого рода разведкой заблаговременно замечена не будет и наступит перестрелка или столкновение, участия в таковом не принимать, но принять меры к недопущению ухода из зала лиц, принимающих участие в столкновении, доставляя их в комендатуру;

в) предупреждать через руководящего внутренней разведкой Коменданта Процесса о всех подозрительных лицах и в чем именно эти лица замечены.

5) Во время судебного заседания разведка, исполняя оперативные распоряжения Коменданта процесса, выполняет непосредственно приказания Уполномоченного или его Заместителя, один из коих держит постоянную живую связь с Комендантом Процесса или его заместителем.

Комендант процесса ПСР Шиманкевич

Уполномоченный Актив отделения (подпись не разборчива)»²⁷⁶.

Как видно из текста данной Инструкции, задачи «разведчикам» ставились комплексные. Можно даже сказать, что им в обязанность вменили все, что только можно было — шире задачи, пожалуй, сформулировать было бы и нельзя.

Тяготы и проблемы службы «внутренних разведчиков» ярко отражены в докладе их начальника — уполномоченного Г. А. Эрмана, жаловавшегося начальнику Активного Отделения Оперода ГПУ: «Работа начинается с утра с 8 час и кончается не раньше, т. е. после окончания наблюдения, в 2—3 час ночи, разведчик всего только может отдохнуть 5 часов. Я со своей стороны должен добавить, что работа на процессе весьма утомительная и самое главное непрерывная, значит из этого ясно видно, что разведчик не может за целый день принимать горячей пищи, т. к. во время обеденного перерыва ведется наблюдение. Дальше вечером получаем из лавки операционный паек 1 $\frac{1}{2}$ ф. хлеба и 3 селедки, разведчики, после как покушав их, все время бегают из зала в уборную к водопроводу, т. к. сильная жажда появляется после селедок». Эрман просил вышестоящее начальство заменить селедку «чем-нибудь другим», а также ставил вопрос о выплате каждому из его разведчиков вознаграждения в размере месячного оклада за сверхурочные работы, т. к. подобное вознаграждение получили «сотрудники ГПУ, прикомандированные на процесс»²⁷⁷.

В этот же день начальник Активотделения Якобсон ходатайствовал перед своим начальником о замене селедки чем-то иным и выдаче месячного оклада за сверхурочные. Эта просьба была переадресована Г. Ягоде с ходатайством «об удовлетворении», и в конечном счете доклад оказался у Уншлихта, который пожурил Шиманкевича за то, что при выдаче вознаграждения за сверхурочные он не включил разведчиков в списки²⁷⁸.

Но, как выяснилось из записки пом. нач. СО ГПУ Дерибаса нач. СО ГПУ Самсонову, Шиманкевич оказался вовсе не виноват, т. к. «разведчиков включить в смету, представленную Шиманкевичем на охрану, нельзя было, и потому разведчики просили принять такую выдачу за счет каких-либо сумм ГПУ — им отказали». Дерибас также констатировал, «что работа разведчиков пала процентов на 50 и работа за родственниками приняла типичный казенный характер», и считал, что выплата денежного вознаграждения должна «оживить работу разведки»²⁷⁹.

Самсонов переадресовал рапорт Уншлихту с просьбой «переговорить с т. Пятаковым о том, чтобы разведчикам нашим также была отпущена сумма денег на уплату сверхурочных», т. к. «разведчики несут не менее ответственную работу, чем наружная охрана, так как они в пути следования цекистов фактически охрану несут ежедневно»²⁸⁰. Но Уншлихт не стал обременять себя разговором с Пятаковым, а велел Самсонову затребовать денег у Малкина, у которого «...имеются на такие расходы деньги»²⁸¹. И только 21 июля 1922 г. нач. Активотделения получил «вознаграждение» (по 10 тыс. рублей на 28 разведчиков)²⁸².

В целях конспирации в ведомости (как и расписках о получении этих 10 тыс. рублей от Эрмана²⁸³) вместо фамилий «разведчиков» были указаны только их «личные №». Обращает на себя внимание тот факт, что эти номера были даны сотрудникам явно до процесса и колебались в диапазоне от 31 до 454. Из ведомости также видно, что работа велась всего четырьмя группами — 1-й, состоявшей из двух человек, 2-й, состоявшей из 12 человек, 3-й — из 6 и 4-й, состоявшей из

7 сотрудников. Любопытно, что несмотря на то, что у начальников 1-й и 3-й групп, а также у руководителя разведки Эрмана был 14 разряд (у остальных 24 человек — 9-й), все они, включая начальников, получили по 10 тыс. рублей²⁸⁴.

Как же выглядела работа этих «разведчиков» в части наблюдения за «подозрительными» в зале суда? Что удавалось им увидеть и подслушать? Какие настроения были у разнородной публики и какие разговоры велись в зале суда? Ответы на эти вопросы мы получим, так сказать, «из первых рук» — из рапортов «разведчиков», которые так и подписывались — «Р[азведчик] № такой-то».

Основным объектом наблюдения были родственники подсудимых, которые часто допускали «антисоветские» высказывания в зале суда (см. следующий параграф). Еще одной «группой риска» были журналисты (а также все сотрудники Бюро печати и все посетители журналистской ложи). И это несмотря на то, что все сотрудники Бюро печати и все журналисты получали разрешение на присутствие в зале суда и пропуска в Дом Союзов в соответствующих органах²⁸⁵. Так, 8 июня 1922 г. агент «Р № 92» докладывал: «...после перерыва принял от тов. Курского наблюдение за неизвестн. гр. из Бюро печати, который за время моего наблюдения неоднократно звонил по телефону, бежал по зданию процесса, а после конца процесса, одев студенческую фуражку, направился с журналистами на выход...»²⁸⁶. 10 июня тот же разведчик доносил: «...в ложе печати прибывали на процесс какие-то делегаты из Петрограда, и вот в перерыве вышли из зала заседания — матрос и еще неизвестный гр. типа еврея. <...>начали говорить сперва среди своих о большевиках, что раньше при царизме тебя жал хозяин, а теперь жмет соввласть, потом, что раньше воевали за буржуев, а теперь за комиссаров и спекулянтов, притом же раньше заставляли воевать насильно и теперь то же самое и, наконец, спор вышел горячий между ними с каким-то коммунистом, привлеченного из публики. Ввиду моего наблюдения за неизвестным гр. из Бюро печати за ними взял наблюдение Р. 82. Неизвестный гр. из Бюро печати, выйдя из Дома Союзов, направился по окончанию заседания по направлению к Театральной площ., где в толпе публики, собравшейся против Дома Союзов, от меня скрылся ввиду того, что я был от него на большем расстоянии»²⁸⁷.

Наблюдение, установленное за публикой в зале, также давало любопытную информацию. Так, например, «Р № 92» докладывал: «Встав в проходе партера левой стороны, я заметил, что стоявшая неизвестная гр-ка неизвестному гражданину показывала рукой на обвиняемых и после этого стали между собой что-то говорить. Наблюдая за ними дальше, я заметил, что в перерыве гр-н и гр-ка вышли в фойе, к ним подошла еще какая-то неизвестная гр-ка, и они вели оживленный разговор, из которого у меня запечатлилось след.: „Я сегодня к тов. Ашоту, поговорю с ним — пускай он придет на процесс, я думаю, что соввласть ему все простит, книгу Чайковского (вероятно, речь идет о книге Вадима Чайкина. — К. М.) я ему вчера послала“. <...> После этого разговора они стали говорить о ЦК соц.-рев., о бывш. меньшевистской республике Кавказа, о неудачах партии эсеров, и гр-н сказал, что есть ошибки и с нашей стороны и с их стороны. После этого они прошли на выставку „Действия эсеров в гражданской войне“, где смеялись над расстрелянными и убитыми коммунистами комиссарами на Кавказе, причем они хорошо знали всех убитых, осмотрев выставку, они направились к выходу»²⁸⁸. Вероятно, что «наблюдаемые» смеялись

все же не над расстрелянными коммунистами и комиссарами, которых они к тому же знали, как это трактовал агент, а над тем, что все это приписывалось эсерам.

«Р № 82» в своем «Докладе по наблюдению за процессом эсеров в Доме Союзов за 8-е июня 1922 г.» сообщал: «После 2-х час. перерыва во время речи подсудимого члена ЦК партии эсеров гр. Гоц, который делал яростные нападки на Советскую власть и между прочим он говорил, что мы не позволим, чтобы в свободной стране нам затыкали рот и не давали говорить правды, мы пришли сюда, чтобы защищаться, но Вы нам не даете, так что мы говорим всем и всюду о том, что даже в Свободном Трибунале мы не можем защищаться, так как нам не дают слова и т. д. и т. д. В это время мною было замечено, что сидящие в пятом ряду 2-ое граждан о чем-то перешептываются и улыбаются. Позже они стали делать какие то знаки и мне удалось подслушать, как один гражданин, одетый в студенческую фуражку говорил другому следующее: „Вот этот молодец, здорово кроет коммунистов, может быть и перед смертью, и то не боится говорить правды“. После чего у них на губах появилась улыбка. Приметы нижеследующие <...> 2-й гражданин после первого перерыва вышел и пошел домой, но с ним вместе пошел проводить его и первый гражданин. У 2-го гражданина **не было пропуска на процесс, так что его проводил знакомый из войск ГПУ**, а первый пошел обратно в зал суда. 2-й гр-н был передан мною на улице Р. Нукову, а 1-й остался до окончания суда, после чего он вошел на трибуну и делал какие-то знаки одному из подсудимых. После чего он вышел на улицу, где и был мною передан Р. № 104»²⁸⁹. На докладе стояла резолюция Дерибаса «т. Самсонову для сведения» и резолюция Кузьмина «т. Элькинд. Надо этих типов установить и покрыть».

Как мы видим, реакция сидевших в зале и их поведение являлись поводом к установлению за ними слежки. Организованная передача «уличному разведчику» означала (если наблюдаемому не удавалось сбросить «хвоста») установление его места жительства или работы с последующим установлением его личности.

Другой агент, «Р № 92», напротив, в этот день ничего подозрительного не обнаружил: «До 5 1/2 час. ничего подозрительного не нашел. После этого в перерыв я находился в буфете и в прочих залах, прислушиваясь к разговору публики, но сталкивался или со „свердловцами“, или с коммунистами других организаций. После перерыва я прошелся на правое крыло амфитеатра, и тут подозрительных не оказалось, так как большинство из присутствующих по правому крылу были „свердловцы“ и армейцы войск ГПУ, но и в перерыв, и в последнее заседание ничего подозрительного не замечал, так как разговор велся обывательский или же обсуждался партийными товарищами против партии эсеров»²⁹⁰.

13 июня в зале был замечен «подозрительный тип», который «после окончания сильно беспокоился, рисовал все уезжающих представителей суда и кроме того срисовал одного из наших сотрудников, когда из зала разошлась все публика, он вышел, сел на трамвай № 34 и поехал к Пречистенской пл., где пошел в Обыденский пер. дом № 4/8 кв. 5. Приметы его: <...>»²⁹¹.

Из-за чего же переполошились агенты, сочтя данного человека подозрительным, а начальник, читавший сводку, подчеркнул его адрес? Ответ, на наш взгляд, достаточно очевиден. Конечно, это вполне мог оказаться иностранный или советский журналист (или художник), делавший зарис-

совки ярких (или типичных) лиц участников процесса. Даже в центральных газетах публиковались подобные рисунки²⁹². Но обеспокоиться чекисты могли и потому, что портретные зарисовки членов трибунала оказались бы очень кстати при подготовке эсерами террористического акта против них. Здесь уместно вспомнить, что традиция покушений «на прокурорских» в революционном движении уходила своими корнями к концу 70-х гг. XIX в.

14 июня агентура подслушала разговор в зале суда двух человек, явно хорошо осведомленных и сочувственно настроенных к подсудимым эсерам, но не входившим в круг их родственников: «Около 22 ч. некий Петров Николай Николаевич на вопрос своего приятеля „как дела“ ответил: „дела очень хорошо, заграничные защитники уезжают и уже сегодня взяли визу на выезд, а завтра, по всей вероятности, уйдут и подсудимые“, когда же тов. его спросил, „почему уезжает иностранная защита и почему уйдут подсудимые“, он ответил, что в таком бардаке не могут сидеть как первые, так и вторые. Затем они еще несколько минут разговаривали, между прочим друг Петрова сказал: „ну и развеет же Вандервельде провокацию“, но Петров его поправил: „не провокацию развеет, а правду скажет“. После окончания Петров, его друг и еще два типа уехали на автомобиле № 2866. Приметы Петрова: <...> Приметы друга: <...>»²⁹³.

Насколько можно судить по текстам донесений, выискивание среди публики «подозрительных» было одной из главных задач наблюдавших. Но обнаружить этих «подозрительных» им удавалось не всегда. Весьма характерна в этом плане фраза из сводки наблюдения за 27 июля, подписанной нач. Активотделения Якобсоном: «Несмотря на то, что в зрительном зале всегда находятся 25 сотрудников, ничего подозрительного замечено не было»²⁹⁴. Представляется, что объяснено это может быть двумя факторами: с одной стороны, в зале суда почти не было случайных людей, с другой — «подозрительные», которые все же проникали на процесс, тоже учились, осознав, что наблюдают и за зрителями.

§ 6. «РУГАЮТ ВСЕ НА СВЕТЕ: И ТРИБУНАЛ, И ОБВИНИТЕЛЯ, И ГПУ, И КОММУНИСТОВ — ВООБЩЕ ВСЕХ...»: НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РОДСТВЕННИКАМИ ПОДСУДИМЫХ 1-й ГРУППЫ В ЗАЛЕ СУДА И ВНЕ ЕГО

Первоначально 22-м обвиняемым 1-й группы чекисты установили весьма жесткий лимит на количество пропускаемых в зал суда родственников — не более двух (как правило, ближайших). При знакомстве со «Списком родственников (для получения билетов для входа в зал суда)» мы видим, что составленный, очевидно, по заявлениям самих подсудимых, он подвергся сокращению как минимум двумя начальниками (пометки сделаны двумя карандашами — красным и простым), причем последнее слово было за начальником, орудовавшим красным карандашом (и оказавшимся более толерантным, чем его младший коллега). Так, в списке родственников Д. Ф. Ракова первоначально была оставлена лишь его жена — Анна Дмитриевна Кашинцева, а «дети жены» — Елена Александровна и Дмитрий Александрович, были вычеркнуты. В конце концов им на троих дали два билета²⁹⁵. То же самое проделали и с род-

ственниками Г. Л. Горькова: первоначально вычеркнули всех троих (Евгения Николаевна Королева и Утлинская Александра Николаевна приходились ему двоюродными сестрами, а Богословская Ольга Павловна — дальней родственницей по матери)²⁹⁶. Его жена, большевичка с еще дореволюционным стажем, с которой он расстался задолго до революции, и сын-комсомолец, жили близ Саратова и на процессе не присутствовали (встреча с женой у Горькова состоялась по его просьбе в конце 1923 г., когда он в сопровождении охраны следовал по Волге в ссылку в Царицын, о чем речь пойдет ниже).

Родственники М. А. Веденяпина получили столько же билетов, благо что и «претендентов» было всего двое — его жена Екатерина Дмитриевна Грузинова и его дочь Валентина Михайловна Хворостова²⁹⁷. Любопытная коллизия получилась у Евгении Ратнер, младший брат которой, как уже отмечалось, выступавший на процессе с противоположной стороны, попросил сначала 30 билетов (затем умерил свой аппетит до 6-ти билетов для родственников). В ее списке родственников значилось пять фамилий: 1) Ратнер Мария Львовна (мать); 2) Ратнер Наталья Павловна (жена брата); 3) Ратнер Раиса Вениаминовна (жена брата); 4) Фукс Софья Минаевна (двоюродная сестра); 5) Фукс Евгения Юльевна (племянница)²⁹⁸. Впрочем, билетов все равно дали только два — матери и двоюродной сестре.

По одному человеку просили пропустить на процесс Ф. Ф. Федорович, желавший получить билет для своей дочери Софии Флоровны, и М. И. Львов (но его жена Н. А. Аверкиева на процесс допущена не была)²⁹⁹.

Вероятно, первоначальное ограничение количества билетов для родственников подсудимых 1-й группы было связано не столько с желанием сэкономить билеты, ставшие предметом дефицита и повышенного ажиотажа, о чем речь пойдет ниже, сколько для решения сугубо специфических целей — ограничить число людей независимых, от которых шла бы утечка информации, а кроме того, сделать количество родственников более подконтрольным и удобным для наблюдения как внутри зала суда, так и за его пределами. Впрочем, чекисты постепенно расширили круг наблюдения за родственниками и, похоже, не всегда по своей воли, так как круг лиц, допущенных на процесс, медленно, но верно расширялся. Так до конца и не понятно, то ли чекисты только делали вид, что возражают против расширения числа родственников, а сами были заинтересованы в охвате максимально большого числа людей, потенциально связанных с эсеровским подпольем, то ли их действительно «продавливали», и они шли вслед за событиями, устанавливая наблюдение за каждым новым родственником. Давили на «билетную тройку» и сами родственники, и подсудимые 1-й группы, и сам председатель суда Пятаков.

Выданных по жесткому лимиту билетов для родственников всем желающим не хватило, и вскоре подсудимые стали писать на имя председателя суда Пятакова или на имя коменданта процесса Шиманкевича заявления с просьбой выдать дополнительные билеты, на которые нередко получали отказ. Так, например, Е. С. Берг в заявлении от 15 июня на имя председателя Вехтриба просил два дополнительных билета для своих дочерей (помимо уже выданного жене). На заявлении стоит резолюция пом. нач. СО ГПУ Дерibasа — «Отказать. 16/VI». Еще одна резолюция с неразборчивой подписью: «Билетов больше нет. гр.Бергу было своевременно выдано. От комиссии ВРТ. 16VI»³⁰⁰.

17 июня Берг написал Пятакову повторное письмо, которое на этот раз попало именно ему в руки — с напоминанием о билетах и с просьбой о свиданиях с дочерьми, с которыми не виделся со времени своего ареста. Пятаков наложил резолюцию: «Бергу. Распоряжение отдано. 17—VI». Таким образом, сыграв на плохой организации, Берг получил не только билеты, но и свидание с дочерьми.

На заявление В. В. Агапова о просьбе выдать билет приехавшему в Москву родному брату Ивану Владимировичу Агапову Дерibas также наложил отказ. На заявлении есть еще одна резолюция с подписью А. Г.: «На усмотрение Шиманкевича», которую Пятаков перечеркнул, написав: «Выдать. 17VI. Пятаков»³⁰¹.

История повторилась с заявлением М. А. Веденяпина, просившего 15 июня билет (всего лишь третий) Е. Э. Рахмановой. Дерibas написал: «Билетов нет. Отказать», член комиссии ВРТ с ним согласился. Пятаков же написал «то же самое произошло с просьбой Гендельмана 15 июня Выдать»³⁰². Пятаков же 27 июня послал записку Шиманкевичу: «Верните билет на процесс дочери Веденяпина, отобранный несколько дней тому назад. Г. Пятаков»³⁰³. На заявлении Горькова Пятаков после всех запретов написал: «Полагал бы выдать. Г. Пятаков»³⁰⁴. Точно так же он написал 16 июня и на заявлении Ивановой уже после отказа Дерibasа³⁰⁵. То же самое произошло и с заявлением Е. Тимофеева, просившего 15 июня билет (всего третий), для своего родственника В. К. Икова. Донскому же Пятаков (с женой которой он был знаком с детства) собственноручно написал следующую записку: «Об. Д. Донскому (второй инициал Пятаков сначала написал, затем вымарал. — К. М.). 1. Разрешается выдать билет для входа в зал суда на процесс ЦК ПСР матери Д. Д. Донского С. А. Донской. 2. 10-летнему сыну Донского Д. Д. Донскому вход в зал суда по малолетству воспрещается. 3. Свидание (личное), если пожелает Донской, отдельное разрешается Донскому с его матерью С. А. Донской, сыном Д. Д. Донским и женой Над. Мих. Донской (Филиппченко). 4. Эту записку предъявить коменданту к исполнению. 10/VII—22 Г. Пятаков»³⁰⁶.

На Пятакова, как это видно из документов, в вопросе выдачи дополнительных билетов давили с двух сторон. ГПУ просто пыталось поставить его перед фактом своего решения. Так, 17 июня за подписью члена билетной тройки Пятакову была вручена следующая записка: «Тов. Пятаков. По соображению ГПУ всем отказано. Малкин сегодня хотел поставить вопрос на заседание тройки, почему и задержался ответ. Вам это окончательное решение должно быть известно»³⁰⁷. В тот же день защитник 1-й группы Г. Карякин писал ему: «11 обвиняемых подали просьбу о выдаче билетов ближайшим родственникам. Если она рассмотрена, благоволите передать секретарю распоряжение об исполнении»³⁰⁸.

Любопытно, что получив щелчки по самолюбию, Дерibas и члены билетной комиссии все последовавшие за этим заявления отправляли сразу Пятакову, который никому не отказал. Так, 14 июля он дал добро Самуилу Гендельману, брату М. Я. Гендельмана³⁰⁹, 11 июля удовлетворил просьбу матери Злобина³¹⁰, 2 августа удовлетворил заявление Ф. Ф. Федоровича, просившего билет для приехавшей из Пензы дочери Софии Флориановны Федорович³¹¹.

Любопытно, что в зале суда родственникам отвели пятнадцатый ряд, значительно удалив их от подсудимых, но действуя самозахватом, они сели сначала на первый ряд, прямо перед ними. Н. М. Донская воспомина-

ла: «Мы пришли очень рано и заняли первый ряд стульев. Скоро к нам подошел комендант — молодой военный, желчный и неприятный поляк. Он потребовал, чтобы мы пересели в 15-й ряд, так как на эти места розданы билеты. Мы категорически отказались, он ничего не смог с нами сделать. Бесполезен оказался и вызванный им помощник, молодой веселый матрос. Он лишь рассмеялся: „Ну, что с женщинами сделаешь?!“. В конце концов, мы все же вынуждены были пойти на компромисс и пересестись во второй и третий ряды»³¹².

Допустив родственников подсудимых в зал, чекисты организовали наблюдение за ними, полагая, что таким образом сумеют получить полезные для проведения процесса агентурные и оперативные сведения. Сохранившиеся в архиве документы позволяют проследить становление, механизмы и приемы «уличного» наружного наблюдения и наблюдения в зале суда за родственниками. Из докладной записки пом. начальника 3-го отделения СО ГПУ Тарасова от 30 июня 1922 г. видно, что наружное наблюдение с первого дня процесса велось за ограниченным кругом лиц — за защитниками 1-й группы, «а также за некоторыми из родственников». С 16 июня были «взяты под наблюдение все родственники», список которых прилагался³¹³. Этот список состоял из 20 имен и был выполнен в табличной форме (графы — «ФИО», «Родственное отношение к обвиняемому», «Кличка» и «Примечание»). Кроме родственников в него были включены также четыре адвоката и свидетель защиты И. Кашин. Особое внимание на себя обращают клички «наблюдаемых». Они по манере и стилю настолько напоминают клички, которые давали революционерам филеры охранных отделений и губернских жандармских управлений, что это поневоле заставляет задуматься о преемственности кадров и традиций Активотделения Оперода ГПУ³¹⁴.

Особо обращает внимание и то, что практически каждый родственник, судя по июльскому списку, подозревался либо в активном участии в эсеровской работе, либо в связях с ПСР (как минимум, выполнял технические поручения). Данная графа, собственно говоря, предreshала послепроцессную судьбу родственников, часть из которых сразу была отправлена в ссылку, часть находилась под наружным наблюдением (вернувшиеся из ссылки в 1923 и 1924 гг., впрочем, также брались под наружное наблюдение).

Июльский список «Родственников привлеченных к суду Революционного трибунала», был подписан все тем же зам. нач. 3-го спецотделения СО ГПУ В. Кузьминым и включал в себя уже 31 фамилию (защитников, ушедших с процесса в конце июня, в нем уже не было). Таким образом список вырос в два раза³¹⁵. Он снова был выполнен в виде таблицы, но количество граф в ней увеличилось: Порядковый номер, ФИО, Возраст, Социальное положение, Образование, Советская служба и должность, время вступления в партию, Характеристика, Адрес, Примечание³¹⁶.

Первая сводка наблюдения в зале суда за родственниками, отложившаяся в томе «Сводки негласной охраны процесса», относится ко второму дню процесса, т. е. к 9 июня 1922 г. Подписанная нач. Активотделения, она гласила: «В 21 ч. 30 м. была взята под наблюдение Л. А. Лихач. Приметы: <...>. Одет: <...>. Кличка „Старая“. Старая вращалась с типом по кличке Беглый. По окончании заседания Старая была задержана в дверях за поддельный пропуск, а Беглый направился, при выходе из Дома Союзов на улицу Красной Пресни в д. № 26 во двор, кв. установить не удалось. Приметы его: <...>. Со Старой в доме там же разговаривала одна женщина. Приметы: <...>. Одет: <...>. Кличка дана

„Рысь“. По выходу из дому Союзов Рысь была взята под наблюдение, Рысь на Рождественском бул. зашла в д. № 19 и на 3-м этаже встрети-лась с женщиной, с которой долго разговаривали, кв. куда зашла Рысь уст. не удалось, так как на лестнице было светло и оставаться <...> не было возможно»³¹⁷.

Сводки показывают, под какой плотной опекой держали родственни-ков, по малейшему поводу подвергая обыскам. Так, например, в сводке за 12 июня сообщалось: «Еще задолго до открытия заседания суда, в за-ле собрания никого из вольной публики не было, а в зале находились лишь родственники обвиняемых, к которым подошли переводчик Либкнехта в очках, с зачесом волос назад — блондин, и один из защит-ников, черн. с проседью волосы бобриком, седые усы и борода бланж, в очках, фамилия которого не установлена. Этим последним родственни-ки передали несколько записок. Во время заседания переводчик Либкнех-та какие-то записки, приколотые или прикрепленные на чистом листе бу-маги, давал читать из своих рук Гоцу и Тимофееву, которые уже в свою очередь передавали шепотом на ухо другим.

По открытии после обеда заседания — Вандервельде передал кипу заграничных газет. По окончании заседания суда „Орлиха“ вышла из До-ма Союзов с какой-то барышней и, постояв на углу, пока увозили арес-тованных, затем направились на трамвайную остановку Театральной пл., где и сели в трамвай № 34, доехав до Зубовской пл. вышли из вагона и пошли в Теплый пер. и на углу этого пер. зашли в д. № 5, кв. устано-вить не удалось.

<...> По окончании заседания „Старая“ вышла из Дома Союзов и направилась домой, т. е. Б. Якиманка д. № 22, куда и пришла в 24 час 35 мин., после чего согласно ордера пошли в квартиру, где проживает „Старая“ и при проверке документов „Старая“ оказалась не Лихач Л. А., а Кашинцева Анна Дмитриевна, жена подсудимого Ракова, после этого направились в Денежный пер., д. № 30, кв. 14, как указано в орде-ре, где должна проживать Лихач Л. А., то оказалось, что Лихач Л. А. действительно в этой квартире проживает, но комната ее была заперта. По объявлению жилищки кв. № 14 Морозовой — Лихач Л. А., кажется, в воскресенье 11 / VI уехала к своей матери, от которой получила телеграмму о ее тяжелой болезни. Не доверяя этому, была вскрыта ком-ната, в которой Лихача (так в тексте. — К. М.) не оказалось. В переписке ничего заслуживающего внимания не найдено. Лихач Л. А. служит в „Севкооп“ Управления Северного Лесного Кооператива. Между прочим в бумаге лежал ордер ВЧК от 21 года об обыске в присутствии Ли-хач Л. А.»³¹⁸.

Внимательно наблюдали в зале суда и за защитниками обеих групп, а также за их контактами. Так, например, сводка за 13 июня была посвя-щена исключительно им³¹⁹.

Крайне интересна сводка за 16 июня 1922 г. (именно с этого дня на-чалось планомерное наблюдение за родственниками), на которой зам. нач. 3-го Отделения СО ГПУ В. Кузьмин сделал много пометок и нало-жил несколько резолюций: «Около 21 час в фойе волновался и хотел пройти в зрительный зал некий гражданин, который, как выяснилось, яв-ляется братом Герштейна, подсудимого 1-й гр., в 24 часа Герштейн кл. „Дурак“ вышел из здания и пошел на Долгоруковский пер.»³²⁰.

В сводке от 20 июня 1922 г. сообщалось, что «во время заседания Ста-руха все время со своим мужем и, может быть, с другими обвиняемыми переговаривается, дает знаки с пальцами вроде как глухонемая»³²¹.

Сводки наблюдения за родственниками все же, как правило, существенно отличались от сводок, так сказать, «уличного» наружного наблюдения из-за того, что агенты, приближаясь к наблюдаемым объектам во время перерывов или усаживаясь в зале близко к ним, могли подслушивать их разговоры. В сводке за 1 июля 1922 г. агентам удалось подслушать следующее: «Утром к 12 ч. собиравшись родственники обвиняемых 1 группы, которые друг с другом беседовали, разговор всегда один и тот же, ругают обвинителя т. Крыленко, интересно — Утка говорит — против него он сегодня опять будет вести поход. Свидетель Кашин-Врун тоже скоро явился и сел рядом с Матроской, с которой беседовал, когда привели из трибуны арестованных, то родственники зашевелились, здороваются со своими. Довольно определенно сочувствующим ведет себя Врун, который с каждым обвиняемым поздоровался, особенно тепло с Гоцем и Тимофеевым, с появлением на трибуне суда общая недовольность среди родственников. Швейка говорит, опять комедия начинается. Вызывающие держат себя из разговоров Матроски, Швейка, Брюнетки остальные (так в тексте. — *К. М.*), так среди родственников, сидит некто Коротков б. каторжник, живет в обществе политкаторжан по Б. Харитоньевскому пер. 21, кличка Ходя, который за все время заседания пишет записки, по справкам к прессе никакого отношения не имеет. Во время обеденного перерыва родственники собирались в буфет чай пить, некоторые передавали передачи. После постановления суда об отмене свиданий, некоторые из родственников на администрацию трибунала скверно смотрят. Вечером после окончания заседания родственники разошлись в группах по 2—3 по домам, предварительно, конечно, поклонялись со своими близкими на скамье подсудимых»³²².

В сводке за 12 июля 1922 г. давалась подробная характеристика поведению родственников в зале суда: «До начала заседания родственники собрались в буфете, некоторые пили чай, сидели в группах по 3—4 человека, с Матроской за столом сидела гр., как это выяснилось Закс Татьяна Романовна, которая имеет пропуск родственника обвиняемому Тимофееву, которые в разговоре употребляют слово коммунистический суд с иронией. Означенная гр. сегодня 12/VII была замечена на процессе 1 раз. Во время заседания поблизости сестра за ними не удалось, так в зале было очень мало публики. На процесс Утка пришла одна, неся с собой передачу для мужа, она наверное располагает средствами, так как она почти всегда ездит на извозчиках и в буфете во время перерыва пьет чай с пирожными. Утка очень беспокоится за мужа, говорит, что муж держит себя как-то вызывающе и говорит уж чересчур резко.

Отец обвиняемого Гендельмана, Гендельман Яков Эмануилович, больше всего обижается на обвинителя т. Крыленко, который, как он говорит, подсудимых только мучает, хуже всех из родственников держит себя жена подсудимого Аверкиева Нина Александровна (кл. Швейка, которая не сидит ни одну минуту, чтобы что-нибудь не „подкусить“ по адресу Трибунала, к обвинителю и также против к подсудим. 2 группы, особенно к Коноплевого и Семёнову, которых она прямо ненавидит.

Мать обвиняемого Иванова и жена его Юцис (Киевлянка) почти слухом ругают все на свете: и Трибунал, и обвинителя, и ГПУ, и коммунистов — вообще всех, и сегодня 12 VII имелся такой случай: обе они вышли по окончании заседания и остановились на углу, дождалась, пока увезут арестованных, когда проехали мимо них, то они, т. е. мать и жена Иванова, кулаками грозили охране, едущей на легковых машинах, и слухом говорили „проклятье вам коммунистам, которые мучают людей,

да погодите!“ К Иванову сегодня ходила на свидание гр. Щесневская Александра Ипполитовна, которая имеет билет родствен. № 27 к Иванову, при ней был ребенок, она даже с ни с кем с администрацией не разговаривает, так она ненавидит и игнорирует суд вообще, остальные родственники особенно ни в чем себя не проявляют, они ходят и уходят так машинально, кроме на процесс и домой и из дома на процесс нигде не ходят»³²³.

Чекисты также считали, что «следует обратить внимание на защитницу Орлову, которая по-видимому существует более как связи между обвиняемым и родственником, и вообще, чем она защищает тут своих подзащитников (так в тексте. — К. М.) За ней ведется строгое наблюдение. Кличка ей дана „Связь”»³²⁴.

На следующий день о ее роли чекисты говорили уже более определенно: «Защитница Орлова (кл. „Связь”), по-видимому, исполняет роль курьера подсудимых для передачи вещей, которые безусловно в Трибунал не допускают, но она настолько хитра, что на процессе никогда ничего не передает и не принимает, по-видимому, существует еще посредник между ней и подсудимыми, с одной стороны, и родственниками, с другой стороны, которого мы постараемся выяснить»³²⁵.

В сводке за 19 июля 1922 г. сообщалась, как жена Лихача сделала куклу-шарж на Крыленко, чем всех развеселила: «Особенного до начала заседания ничего не было замечено. До начала родственники собирались в буфете, где пили чай, разговаривали и читали. Во время большого перерыва ходили на личное свидание с подсудимыми, всего ходило 29 родственников. Одна из родственниц обвиняемого Лихача, фамилия ее Соловьева-Файнберг принесла с собой куклу, сделанную ей из материи, изображающей Государственного обвинителя тов. Крыленко, когда она вытащила куклу из кармана, то среди родственников и подсудимых раздался общий смех, жена подсудимого Гендельмана — кличка „Жучка“ передавала своему мужу какую-то папку с бумагами, которая моментально исчезла. „Кремень“ — Кремьянский все время довольно улыбается. Больше ничего заслуживающего внимания замечено не было до окончания процесса»³²⁶.

Очевидно кем-то из детей подсудимых 1-й группы была изготовлена лента с вышитой надписью, позже конфискованная при обысках и отложившаяся в т. 42 фонда Н-1789 «Протесты против суда над ПСР и переписка по выдаче стенограммы, обвинительного заключения и приговора», где она хранится в отдельном конверте. Это рукоделие представляет собой сатиновую ленту темно-алого цвета (шириной около 3 см и длиной — около 1 м) с вышитыми черными нитками словами: «Людам, идущим на смерть за правду, за счастье народное — земной поклон от детей, верящих в будущее»³²⁷.

Очень интересна зарисовка поведения родственников и роста напряжения среди них по мере приближения к окончанию процесса в сводках за последние числа июля и начало августа. Так, в сводке за 20 июля сообщалось: «<...>Родственники со своими мужьями, находящимися на скамье подсудимых, переглядываются и смеются, но этого скоро не было, ибо когда тов. Крыленко подходил к большому вопросу о терроре, то ни один из родственников больше не смеялись и даже подсудимые за исключением Гоца, который все-таки хочет быть „Героем“ и который все улыбается, все подсудимые это забыли, даже Гендельман. Во время обеденного перерыва родственники передали передачи, но свидания им не разрешил председатель Трибунала тов. Пятаков, не-

которые из них вышли из зала и пошли погулять, некоторые остались в буфете. До окончания утреннего заседания под всеобщим управлением явилась „защитница“ Орлова и тихим шагом поднялись на трибуну, предварительно поздоровалась с родственниками, а с подсудимыми особо. Во время обеденного перерыва она ходила в комнату подсудимых, где ей передали какие-то бумаги, подсудимые Донской и Гендельман, которые она положила в портфель, после этого она вышла из Дома Союзов и пошла к себе домой, она, по-видимому, еще слаба и пошла отдохнуть»³²⁸.

В сводке за 21 июля сообщалось: «...Сидели за столами по 3—4 человека, вели интересный разговор „Утка“, „Ворона“, „Жучка“ и „Брюнетка“, которые говорили о какой-то материальной помощи кому-то, но кому именно, невозможно было услыхать, т. к. они говорили очень тихо. После 2-го звонка родственники встали и вошли в зрительный зал, мать подсудимого Иванова Николая всегда, когда приводят арестованных на трибуну, то она приходит в бешенство, что их детей так мучают. <...> Вечера подсудимые от неизвестно кого получили передачу 4 бутылки красного вина, без записки от кого и кому, только было указано, что всем подсудимым. Подсудимый Иванов с матерью и женой Юцис — кличка „Киевлянка“ имел серьезную беседу. Настроение подсудимых тоже самое, держат себя вызывающе по отношению к Администрации Трибунала <...> Заседание закончилось в 23 час 35 мин. после чего родственники направились по домам под наблюдением наших сотрудников»³²⁹.

В сводке за 24 июля 1922 г. пом. нач. Активотделения сообщал: «До начала заседания родственники сидели в фойе и в буфете и разговаривали. С „Уткой“ сидели „Ворона“, „Врач“ (Константин Николаевич Рабинович), „Ходя“ (Коротков), „Мушка“ и „Брюнетка“. Они все были в хорошем настроении, по-видимому, была какая-то удача. Вечера 24/VII был замечен мною в первый раз гр. Гендельман Борис Яковлевич, который между прочим очень похож на своего брата, т. е. на подсудимого Гендельмана. Он все время до начала заседания ходил по фойе с отцом подсудимого Гендельмана, с его сестрой Полина Яковлевна Гендельман и с „Жучкой“. „Ходя“ вчера все время почти в каждом перерыве имел беседу с родственниками как-то: „Уткой“, „Брюнеткой“, „Матроской“ и проч. и о чем-то их уверяет. После 2-го звонка все родственники вошли в зрительный зал и сели, когда приводили на трибуну подсудимых, то все родственники раскланялись, а особенно брат Гендельмана, который от своего брата прямо глаз не сводит, и все время улыбается. Он особенно улыбается, можно сказать даже ехидно, когда выступает государственный обвинитель тов. Крыленко. Во время обеденного перерыва родственники ходили на свидание. Когда они вошли в комнату подсудимых, то „Брат“ Гендельмана бросился к груди своего брата и долго расцеловывались, эта картина по-видимому некоторых родственников затронула и некоторые, как „Жучка“ заплакали. Отношение к суду со стороны родственников то же самое, определено противники. По отношению к трибуналу держат себя вызывающе „Молодайка“ и „Швейка“, которые за каждое слово придираются. После свидания родственники пошли опять в фойе, где они ожидали начала заседания. Среди родственников еще есть один тип. „Кремень“ фамилия Кремянский Семен Евграфович, который служит в Московском Союзе Кустарных Артелей, он удивительно ни одного дня не пропускает и все время бывает на процессе, несмотря на то, что он слугит. Он все время переглядывается с подсудимым Лихачем и улыбается,

я предполагаю, что „Кремень“ активный эсер, который в настоящее время подсудимым выполняет нелегальную техническую работу по доставке материала. Еще есть тип „Ходя“ фамилия его (Коротков) бывш. политический каторжанин, он тоже ежедневно бывает на процессе, во время большого перерыва всегда ездит на трамвае Б. Харитоньевский пер. д. № 21 „Общество политических каторжан“, который знает всех родственников и со всеми разговаривает и в другой раз даже спорит. По указанию тов. Кузьмина был взят в наблюдение гр. Каценэленбоген кличка „Кац“, который тоже имеет связь с политическими каторжанами, замечено, что он во время заседания переглядывается с подсудимым Гоцем и когда выступает т. Крыленко, то он иронически смеется. Под наблюдение был взят по указанию коменданта процесса т. Шиманкевича гр. Рабинович Константин Николаевич — „Врач“, брат того Рабиновича, который находится в Заграничной Делегации партии эсеров. Вчера установлено место его жительства. Во время заседания он сидел рядом с „Вороной“, которая его сестра. Он сам является родственником обвиняемого „Гоца“. Защитница Орлова ввиду болезни на процессе не бывает, к ней ежедневно ходит врач Шапиро — кличка „Бычек“. По окончании заседания родственники разошлись под наблюдение наших сотрудников»³³⁰.

В общей сводке за 27 июля 1922 г. сообщалось: «К 12 час. родственники собрались в фойе Дома Союзов. „Кремень“ подошел к „Брюнетке“ и показал ей какую-то книжку, „Утка“ очень была взволнована, когда она увидела, что к началу процесса собирается очень много публики, как она выразилась, „коммунистическая публика“. „Молодайка“ сидела рядом в фойе с Цыганкой и о чем-то серьезно беседовали, Лавочка принесла с собой тяжелую корзину, вероятно, для передачи мужу. „Голубой“ принес с собой в Дом Союзов пачку книг. Настроение у родственников сегодня изменилось, уже они не такие веселые, как были раньше, может быть чувствуют, что процесс скоро окончится, после второго звонка родственник вошли в зрительный зал и уселись по своим местам. „Голубой“ все время стоял на ногах и когда просят встать „суд идет“ „Голубой“ категорически садится. По-видимому, хочет показать, что он тоже не признает Советский Трибунал. Во время речи Государственного обвинителя тов. Луначарского „Матроска“ все время слухом делает иронические замечания, что мешает сидящим перед ней представителям прессы работать, один из корреспондентов вынужден был обратиться к „Матроске“ с просьбой не мешать, на что Матроска по-видимому дала грубый ответ, потому что представитель прессы был возмущен.

„Кремень“ во время речи тов. Луначарского все время сидит и ехидно улыбаются и частенько переглядывается с сидящим около края подсудимым Утгофом, Артемьевым и Лихачем. <...> „Мушка“ во время речи тов. Луначарского старается его рисовать, для чего конечно неизвестно, или просто (на память) или же для какого-нибудь эсеровского журнала, „Жучка“ смотрит в бинокль и с мужем (Гендельманом) переговаривается, на вероятно только им понятном языке...»³³¹.

Родственники подсудимых 1-й группы, произносившие оскорбительные слова в адрес коммунистов, чекистов и часовых, вызывали весьма нервную реакцию со стороны оскорбляемых ими, что видно по многократным донесениям агентуры и чекистов, и даже подвергались за это арестам. Это видно из сопроводительной (с перепиской и арестантом) записки коменданта процесса Шиманкевича в СО ГПУ, главившей: «При сем препровождается для привлечения к ответственнос-

ти гр. Герштейн Ф. М., задержанный за оскорбление часового на посту при исполнении служебных обязанностей, а также и всей Красной Армии»³³².

28 июля нач. Активотделения Якобсон доносил: «Заседание трибунала открывается в 12 час. дня, к этому времени родственники собираются в зале суда, перед началом „Матроска“ и „Брюнетка“ ходили в фойэ, курили и разговаривали. Отец подсудимого Гендельмана ходил со своим младшим сыном („Книжник“) и разговаривал, „Утка“ и „Ворона“ в буфете пили чай. Остальные родственники ходили тоже фойэ, или уже находились в зрительном зале. После звонка все пошли в зал. Выступал Госуд. Обвинитель Клара Цеткина. Ей переводил тов. Луначарский, речь тов. Цеткиной произвела хорошее впечатление. „Мушка“ рисовала тов. Цеткину во время ее речи. Подсудимый писал записку „Матроске“, что необходимо, чтобы „Связь“ в последние дни присутствовала на процессе. Во время обеденного перерыва родственники ходили на свидание, всего ходили 28 человек. Среди них был один новый человек, а именно Элькинд Лев Моисеевич, имеет пропуск родственника за № 20 к подсудимой Ратнер-Элькинд, который во время свидания был передан разведчику под наблюдение для установление его адреса. В 18 час. 50 мин. сотрудник, принявший Элькинда под наблюдение, звонил с Николаевского вокзала, что Элькинд из Дома Союзов прямо поехал на Николаевский вокзал и с каким-то свертком бумаги уезжает с поездом, отходящим на Тверь. Сотрудн. было предложено поехать за ним и выяснить, может быть, он поедет на дачу, то обязательно установить точно, какая дача и где, а если он поедет до Твери, то установить, где он остановится и только когда он установит точный адрес пойти в Тверской губотдел ГПУ и сообщить об этом и передать тверским разведчикам.

...„Швейка“ с первых слов тов. Крыленко засмеялась, но вскоре перестала, когда тов. Крыленко начал излагать факты, имевшие место на судебном следствии... Отец подсудимого Гендельмана сидит рядом с отцом подсудимого Морозова. Отец — Гендельман Яков Эмануилович ехидно улыбается, когда тов. Крыленко сильно горячится. <...> Во время речи тов. Крыленко, когда он касался деятельности подсудимых Альтовского и Лихача, то „Швейка“ и „Брюнетка“ очень недовольны остались, и готовы были утопить тов. Крыленко. <...> По окончании заседания родственники вышли из зала суда в фойэ, где закуривали, поговорили. „Брюнетка“ вышла вместе с „Матроской“ и очень громко смеялись. „Киевлянка“ во время последнего 10-ти минутного перерыва стояла в фойе с одним молодым человеком, лет 22, которого она пригласила на завтра, т. е. на 29/VII, к 10-ти часам вечера к себе домой. Постараюсь завтра выяснить, кто он такой. „Голубой“ ни с кем не говорит, кроме с отцом подсудимого Морозова, в фойе он прогуливается всегда один, курит и смотрит изподлобья»³³³.

Сводка за 31 июля гласила: «Защитница Орлова — „Связь“, приходит в 13 час. 20 мин. Во время перерыва в 16 час. 10 мин, „Связь“ подходит к подсудимым Веденяпину и получает от него целую стопу документов завязанных. До прихода в Дом Союзов „Связь“ заходила в Московский Союз Кустарных Артелей, куда она снесла полученные от Веденяпина документы, где побывала 15—20 мин. В зале суда публики было не очень много, говорил подсудимый Гендельман, родственники были очень довольны, что среди их есть хорошие ораторы. „Кац“ сидит и внимательно слушает речь Гендельмана. „Книжник“ во время речи Гендельмана делает себе заметки в записную книжку, „Книжник“ младший

брат подсудимого Гендельмана. <...> „Ходя“ встретился во время перерыва с типом кличка дана „Рыжий“, с которым он пошел на Маросейку, д. 13, кв. 64 (во дворе), куда вместе зашли, через некоторое время опять вместе оттуда вышли, но у „Рыжего“ бороды не оказалось. Нужно добавить, что когда „Ходя“ вместе с „Рыжим“ вышли из Дома Союзом, то у „Рыжего“ была борода, а когда они вышли из дома 13 по Маросейке, то у „Рыжего“ бороды не было, по-видимому он побрился, или же носит искусственную бороду. На это следует обратить внимание. Сегодня будет сделана в означенном доме установка, кто проживает в квартире № 64»³³⁴.

В сводке за 1 августа Якобсон сообщал: «Родственники уселись по своим местам. „Голубой“ после 3-х дневного перерыва 1 /VIII опять явился на процесс. „Утка“ была в хорошем настроении, угощала „Брюнетку“ и „Матроску“ шоколадом, говорила с подсудим. Ратнер Евгения, родственники говорят, но теперь достаточно доказано, что наши сидящие на скамье подсудимых не виноваты. „Врач“ сидел рядом с Вороной» и во время речи Ратнер Е. с ней переглядывался. Публики было не очень много. Во время десятиминутного перерыва вышли родственники в буфет и фойе, и группами стояли и разговаривали о том, какие наши хорошие „ораторы“. „Брат“ ходил гулять со своей сестрой Полиной Гендельман — они вообще всегда от всех остальных родственников отделяются. „Ходя“ был опять с тем же типом, описанным в сводке от 31/VII. „Ходя“ вообще имеет большой круг знакомства на процессе, с родственниками он со всеми знаком. Вчера на вечернем заседании он явился опять с новым типом. Защитница Орлова „Связь“ вчера не пришла. К ней на квартиру приходил д-р. Шапиро, который от нее получил какой-то портфель с бумагами, который он понес к себе домой. Часть документов, которые „Связь“ приняла от подсудимых Герштейна и Веденяпина, хранятся в Моск. Управл. Союза Кустарных Артелей в шкафу, ключ от которого находится у „Связи“»³³⁵.

По прочтении сводки зам. нач. СО ГПУ Дерибас наложил следующую резолюцию: «Шапиро включить обязательно в ближайшую операцию»³³⁶.

В сводке за 2 августа сообщалось: «...Разведчик заметил, что Грузинова Е. хлеб стряпает сама для всех подсудимых 1-й группы. Во время коммунистической защиты подсудимые все время улыбаются, говоря, что защитники 2-й группы подсудимых являются помощниками прокурора. Сильно реагировали на речь тов. Бухарина, о котором они говорят, что он получил мандат от ЦК РКП для защиты этих „благородных предателей“. всех родственников хуже настроены по отношению к суду — Матроска, Швейка, Молодайка, Киевянка, Жучка, а также мать Иванова, сестра Агапова. Разведчики находятся в зале, действуют, согласно инструкции. Кроме этого замечено ничего не было. Инцидентов и скандалов нет, все проходит спокойно»³³⁷.

Сводка за 3 августа гласила: «До начала родственники сидели в буфете и фойе, где пили чай, курили и разговаривали. <...> Лавочка и Клавочка принесли с собой мешки с продольствием для передачи подсудимым. <...> Врач подошел к буфету и выпил бутылку сельт. воды. Могилка веселее всех, она уверена, что ничего не будет. Вообще все родственники интересуются, какой будет приговор, будет ли трибунал обращать внимание на требование прокурора. В утреннем заседании начались реплики, говорил т. Луначарский, Покровский и Крыленко. Матроска все улыбается и с мужем путем качания головы разговаривает. Ходя разгова-

ривал с Брюнеткой, когда сотрудник старался поближе подойти к ним, дабы узнать, о чем разговаривают, то сразу разговор прекратили. Во время свидания между родственниками и подсудимыми велись самые обыкновенные обывательские разговоры»³³⁸.

Сводка за 4 августа гласила: «Утреннее заседание началось в 12 час. 25 мин., выступали подсудимые 1-й группы, с последним словом. Публики было не очень много. Родственники за исключением некоторых были все. Брат и Папа что-то пошептались и ушли. Швейка не была. Во время обеденного перерыва родственники ходили на свидание. Кац и Ходя аккуратно бывают на процессе, по-видимому они очень заинтересованы последним, во время свидания мною было получено распоряжение при выходе родственников на улицу со свидания таковых под предлогом подозрения с документами МУРА, задержать и отправить в отд. милиции для произведения обыска и отобрать всю находящуюся у них переписку. При выходе со свидания на улицу родственники пошли только 4: Щисневская, Агапова Анна, Агапова Алекс. и Хохалкина, которые были обысканы и у них была отобрана переписка. Щисневская при обыске заявила: „Кому вы служите?“ — после того, как произвели у них обыск, то они пошли обратно в Дом Союзов и хотели пройти в зал наверно предупредить других родственников, что им не удалось за исключением Щисневской, которая все-таки прошла в зал и успела кое-кого предупредить о том, что обыскивают. Матроска уходила раньше, на свидание она не была, вечером после окончания заседания при выходе из Дома Союзов все родственники присутствующих на свидание были задержаны и обысканы и отобрана у них переписка и доставлена в ГПУ»³³⁹.

То, что за ними следят, родственники подсудимых, как это видно из сводок, хорошо знали. О том, что некоторые родственницы подсудимых старались ускользнуть от слежки, видно из сводки за 4 июля 1922 г.: «Матроска ведет себя при наблюдении очень осторожно, перескакивает на полном ходу с трамвая на извозчика и обратно»³⁴⁰.

Но любопытно, что вычислив, как они говорили, «шпиков», родственники стали прилюдно делиться своими комментариями о них. Так, нач. активотделения Якобсон сообщал 27 июля 1922 г.: «Ворона во время вечернего перерыва делала вслух замечание, что „этот маленький в широких брюках с галстуком, этот самый главный у них“, это относится к нашему сотруднику, она уже раньше назвала его шпиком»³⁴¹.

Анализируя итоги наружного двухнедельного наблюдения за родственниками и защитниками 1-й группы подсудимых, Тарасов 30 июня 1922 г. констатировал: «Получаемые сводки из Активного отделения все аналогично в коих нет ничего, чтобы могло заслуживать внимания, а лишь только скользят фразы „Пришел во столько, ушел во столько“. В зале суда в течение всего процесса родственники обвиняемых путем передачи записок, что им отчасти удавалось во время присутствия защиты, которая служит у них этапом передачи. 16-го июня были обысканы родственники подсудимых и лица, имеющие то или иное общение с подсудимыми, но обыски положительных результатов не дали. Из всех объектов, за коими установлено наблюдение резко выделяется свидетель от первой группы обвиняемых Кашин, прибывший из ДВР (где он служит в должности начальника милиции республики), который на одном из заседаний предупредил всех родственников подсудимых, не имеющих на процессе билеты из числа выданных по 2 на семью обвиняемого, чтобы они были осторожны, так как за

ними ведется слежка, после чего действительно разведчиками объектов водить стало труднее, так как эта вся публика стала осмотрильнее»³⁴².

Действительно, сводки агентов Активотделения за первые две недели наблюдения носили формальный характер. Недовольство докладами пом. начальника 3-го отделения СО ГПУ, занимавшегося эсерами, понять несложно, так как донесения фиксировали передвижения наблюдаемых лиц, их контакты, но не содержали их разговоров³⁴³. Но считать подобное наружное наблюдение из-за этого неэффективным было бы ошибкой. Филеры «устанавливали» личность и место жительства всех подозрительных, вошедших в контакт с родственниками или защитниками. Эта информация, как это видно из сводок, помогала определиться с моментом проведения обыска, как это видно, скажем, из доклада от 16 июля по наблюдению за «Могилкой» (Гольденвейзер) (она была прослежена по выходе из тюрьмы, и агент, убедившись, что она никуда не заходила, передал ее «сотруднику для производства обыска»)³⁴⁴. Суть операции очевидна — после свидания в тюрьме «наблюдаемый объект», как полагали чекисты, стал обладателем переданного ему письма или записки, которое отбирать тут же в тюрьме в ходе личного обыска, во избежание скандалов со стороны заключенных чекистам, не хотелось. Обыск проводили уже дома сотрудники, которым с рук на руки сдали объект. Собственно слежка от дома до тюрьмы была необходима для того, чтобы быть уверенным, что объект не заходил по дороге куда-то, где мог избавиться от письма.

Кроме того, вне всякого сомнения, устанавливая всякого, кто входил в общение с родственниками подсудимых, чекисты расширяли круг лиц для наружного наблюдения (это видно и по материалам данного тома), которые, в свою очередь, вели к третьим лицам. Конечно, все эти люди становились кандидатурами не только для обысков, но и арестов. Но круг «наблюдаемых» расширялся не только за счет тех, с кем родственники входили в контакт, но и за счет расширения круга самих родственников, которых в июле в связи с их просьбами допустили к присутствию на процессе вне установленных ранее чекистами квот — 2 билета на семью подсудимых.

Как уже отмечалось, за родственниками подсудимых наблюдали не только в зале, но и за его пределами. Сводки наружного уличного наблюдения собраны в отдельный архивный том, в котором их насчитывается более пятисот. Вот достаточно типичная сводка по наблюдению за «Матроской» (А. П. Тимофеевой): «По окончании свидания в 15 ч. 40 м. вышла с какой-то девочкой и незнакомой дамой по следующим приметам: <...> Пошла на Лубянскую площадь по Никольской ул. Александровским садом, на углу Моховая—Воздвиженка, где попрощались. „Матроска“ пошла домой, а незнакомая пошла на Моховую, 10, кв. 12. Сперва зашла в 1-й подъезд, а девочка осталась у парадного, но тут же пошла во 2-й подъезд, где и зашла в кв. 12. „Матроска“ была сдана сотруднику по обыскам, после чего наблюдение было закончено»³⁴⁵.

В тех случаях, когда «устанавливали» квартиру, то оформлялась т. н. «агентурная записка», в которых перечислялись прописанные в «установленной» квартире, куда заходил наблюдаемый объект или где проживал человек, контактировавший с объектом.

Так, уже на следующий день была составлена подобная записка на квартиру, куда зашла женщина, контактировавшая с «Матроской»

(А. П. Тимофеевой)³⁴⁶. В квартире оказалось прописано семь человек, на каждого из которых сообщили все сведения вплоть до профессии и номера трудовой книжки³⁴⁷. Но так и осталось под вопросом, жила ли в этой квартире данная женщина или просто зашла в гости, так как ни одна из пяти женщин, прописанных там, и близко не подходила под указанный возраст в 30—33 года, предоставив возможность чекистам выбирать между замужней домохозяйкой 19 лет, «девицей» зубным врачом 51 года, «девицей» и «б. дворянкой г. Москвы» 57 лет, гражданкой «при муже» 50 лет и женщиной 73 лет³⁴⁸.

Судя по тому, как она перепутала подъезды дома, она заходила туда впервые, что заставляет предположить, что она передавала тюремную записку, полученную Тимофеевой от мужа, чтобы обыск который ту ожидал, закончился безрезультатно. Ведь чекистам предстояло выяснить, к кому из семерых жильцов она приходила, а без прямых расспросов (а следовательно и расконспирирования) этого добиться было невозможно. Даже установка слежки за всеми жильцами квартиры с целью проследить дальнейший путь записки и то требовала немало усилий и времени, а все это значило, что тюремная записка ушла по назначению.

В томе имеются и сводки наблюдения за родственниками подсудимых 1-й группы и гораздо более позднего времени. Так, например, после сводки наблюдений за 15 августа 1922 г. за «Киевлянкой» (Р. Б. Юцис, жена Н. Н. Иванова) следует «Предложение в Оперативный Отдел» от 4 февраля 1923 г., в котором было предложено: «взять под наблюдение Юцис Рахиль Венециановну, по процессу ПСР проходила под кличкой „Киевлянка“»³⁴⁹. После получения двух сводок от 17 и 18 февраля и агентурной записки, где было выяснено, что она проживает вместе с матерью, наблюдение с нее было снято³⁵⁰.

Подобным же образом обстояло дело и с наблюдением за «Брюнеткой» (Д. Г. Соловьева, жена Лихача), последняя сводка наблюдений за которой в 1922 г. датировалась 14 августа и гласила: «В 15 ч. „Брюнетка“ из дому с двумя небольшими узелками вышла и пошла на Лубочную пл., села в трамвай Б. и поехала к Крымской пл. за неимением денег сопроводить ее не оказалось возможным. Больше Брюнетка не замечена до 23 часов»³⁵¹. Следующая сводка в томе была за 9 февраля 1924 г. и гласила: «Наблюдение начато в 8 час. 30 мин. и окончено в 23 час. В 9 час. „Брюнетка“ вышла из дома у Смоленского рынка, села в трамвай Б, с которым доехала до М. Дмитровки, слезла и направилась на службу, откуда вышла в 16 час. 30 мин. до Садово-Триумфальной, где села в трамвай Б у Зубовской пл., слезла и направилась домой, после чего выхода ее больше замечено не было»³⁵². Следили за «Брюнеткой» до 25 февраля 1924 г.³⁵³

Подводя итог, следует отметить, что большинство родственников подсудимых, безусловно, имело связи с эсеровским подпольем и служило своего рода передаточным звеном для общения последнего с подсудимыми 1-й группы. Свидетельств такого рода наружное наблюдение фиксировало более чем достаточно. Чего стоит только описание филером посещения «Мушкой» (Донской) магазина издательства «Колос», где судя по описанию была устроена классическая явка³⁵⁴. Родственники вели себя на процессе мужественно, от близких своих не отказывались, всячески пытались их поддержать. Их судьбы были предрены и впереди их ожидали ссылки, новые аресты и гибель близких людей.

**§ 7. «С.-Р. И ЛИЦ, ИМ СОДЕЙСТВУЮЩИХ,
ОБЪЯВИТЬ ОСОБЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ
СООБЩЕНИЕМ — ВРАГАМИ НАРОДА»:
МЕРОПРИЯТИЯ ПО «ДОБИВАНИЮ» ПСР**

Конечно, огромное значение для успеха процесса, который был задуман для дискредитации ПСР в глазах народа и лишения ее политической будущности, имела фантастическая для того времени по своим масштабам и накалу пропагандистская кампания внутри страны. Но было бы ошибочным преуменьшать роль не менее масштабной и напряженной деятельности чекистов. Она, с одной стороны, была нацелена на решение сугубо текущих, конъюнктурных вопросов — охраны и агентурного обеспечения процесса, а с другой — чекисты за «деревьями видели лес» и не забывали о своей стратегической цели — «добивании» ПСР как политической партии.

Меткие слова о «добивании» ПСР принадлежат нач. СО ГПУ Самсонову, сыгравшему, как это показывают документы, весьма выдающуюся роль не только в этом процессе, но и вообще в выработке эффективной системы борьбы и уничтожения политических партий в Советской России. Конечно, было бы ошибочно думать, что чекистская деятельность по уничтожению ПСР закончилась в рамках процесса 1922 г. Надо указать на то, что, в отличие от общепринятых оценок, 1922 год не стал последним годом существования эсеровского подполья в Советской России и властям понадобилось еще несколько лет на его «добивание». Дату прекращения существования ПСР в стране следует перенести с 1922 г. примерно на конец 1925 — начала 1926 г. — время исчезновения эсеровского руководящего российского центра — Центрального бюро ПСР. Но то, что даже сидящие в ссылках эсеры готовы были в подходящий момент вернуться к решительной борьбе, показало создание скрывшимися из рязанской ссылки и жившими по подложным документам в Серпухове супругами Е. Олицкой и А. Федодеевым в 1929—1932 г. подпольной организации, имевшей ячейки в Москве и Ленинграде³⁵⁵.

Почему так важно адекватно оценивать ту роль, которую сыграла ГПУ и ее комплексные спецоперации по уничтожению ПСР? Потому, что в течение многих десятилетий эта роль затушевывалась, а причины гибели ПСР (как и других партий) искали сугубо в идейной области и потере авторитета этими партиями у народа. Особо подчеркнем, что репрессивные мероприятия власти и ГПУ отнюдь не сводились только к прямолинейным арестам, но обеспечивали ту дискредитацию партии эсеров в глазах народа и отрыва от нее рядовых партийцев и их натравливании на вождей партии, которые позже позволили говорить об идейных корнях гибели ПСР.

Свидетельством того, как серьезно чекисты подходили к вопросам, связанным с обслуживанием процесса и «добиванием» ПСР, может служить то огромное количество комиссий, которое было ими создано в это время. Самой главной комиссией являлась Особая тройка ГПУ (Особой тройкой ГПУ), состав которой неясен, ибо в протоколах ее совещаний он никогда не отражался (ответственным секретарем Особой тройки ГПУ был С. Гофман)³⁵⁶. Хотя конституировалась она только 24 мая 1922 г., начала она работать задолго до этого. Из документов видно, что четвертое ее заседание состоялось 11 мая 1922 г.³⁵⁷, а последнее — пятнадцатое —

27 мая 1922 г.³⁵⁸ (по крайней мере, так явствует из имеющихся документов). В мае же была образована Техническая тройка (Техтройка) при Особтройке ГПУ, куда вошли Шиманкевич, Савватьев и Лауцин. Этой тройкой был выработан крайне важный документ: «Проект содержания под стражей обвиняемых по процессу п.с.-р. во время процесса и после ежедневного окончания такового, об охране здания процесса, распределения билетов, продовольствования свидетелей, др. мероприятиях, проводимых техтройкой к означенному процессу»³⁵⁹.

К этим двум тройкам 30 июня 1922 г. была добавлена еще и «Комиссия по охране процесса», куда вошли нач. СО ГПУ Самсонов (председатель комиссии), зам. начальника Секретно-Оперативного Управления ГПУ Г. Ягода и Беленький³⁶⁰. Любопытно, что протоколы заседаний этой комиссии писались от руки Самсоновым на бланке поручений зам. начальника СОУ ГПУ и подписывались всеми тремя членами комиссии, а позже перепечатывались на машинке (или целиком, или из них делались выписки)³⁶¹. Последнее заседание «Комиссии по охране процесса» — пятнадцатое по счету, состоялось 5 августа 1922 г., за два дня до оглашения приговора³⁶².

Кроме того, существовала еще Комиссия, включавшая в свой состав, помимо чекистов, еще и представителя МК РКП(б) Гончарову. Эта тройка конституировалась 31 мая 1922 г., хотя это уже было, судя по номеру протокола, ее четвертое заседание (было решено — «тройку считать существующей»). Названия тройке дано не было, а ее заседания было решено «устраивать по мере надобности». В ее состав вошли Самсонов (председатель), Савватиев, Гончарова, Бренер, Кузьмин, Элькинд (секретарь тройки)³⁶³. Существовала еще «Билетная тройка»³⁶⁴.

18 июля 1922 г. была создана Комиссия по проверке личного состава Внутренней и Внешней Охраны ГПУ в составе Самсонова (председатель), Дукиса и Вейса, проводшая 5 заседаний (последнее — 25 июля)³⁶⁵.

На «Заседании по выработке мер по охране арестованных», была создана еще одна Тройка (Дерибас, Климов и Шиманкевич), которой поручались «организация охраны — хотя бы частью публики (через МК) на случай паники, организация «противопожарных мер», установка внутренней сигнализации и постановка «тщательного наблюдения за подсудимыми — за Гоцем, Тимофеевым, Гендельманом, Лихач, Е. Ратнер — в особенности»³⁶⁶. Кроме всех этих комиссий был проведен еще и ряд совещаний: «Экстренное совещание» 23 мая 1922 г. под председательством Самсонова и в составе Савватьева, Кузьмина, Бренера³⁶⁷, 24 мая «Совещание о массовой операции по партии правых эсеров» в составе нач. СО ГПУ Самсонова, зам. нач. ТО ГПУ Усова, нач. СОЧ (секретно-оперативной части) МГО Савватьева, нач. 3-го Отделения Кузьмина, нач. 11-го Отделения СО ГПУ Нодева³⁶⁸, 24 мая 1922 г. «Совещание» в составе Самсонова, Савватьева, Яковлевой, Кузьмина, Бренера³⁶⁹, 26 мая 1922 г. «Совещание начальника 8-го Спец. Отдела СО ГПУ Бренера и секретаря Бюро комячеек ВУЗов г. Москвы Иоффе» при секретаре Семенове³⁷⁰, «Заседание по выработке мер по охране арестованных» (время проведения не указано), на котором присутствовали Дзержинский, Пятаков, Ягода, Дерибас, Иконников, Медведь, Беленький, Шиманкевич, Иванов (Комендант тюрьмы) и Герсон³⁷¹. Заседание проходило под председательством Дзержинского, он же сделал и сообщение о принципах охраны.

На «стратегическом» направлении чекисты вели свою борьбу с эсерами сразу по нескольким линиям: методично, в течение длительного времени арестовывали «активных членов ПСР»; вывели «осведомительную

работу» на принципиально иной уровень (особенно в вузовской среде) и вели агентурную работу во всех слоях населения, выявляя членов партии и сочувствующих как среди студенчества и интеллигенции, так и среди рабочих; сумели поставить на весьма высокий уровень уже к процессу 1922 г. освещение эсеровской эмиграции с помощью секретных сотрудников, снабжавших их весьма ценной информацией, позволившей чекистам успешно парализовать усилия эсеров, направленные на восстановление партийной деятельности в России; используя самые разные способы и методы (стравливая местных эсеров и эмигрантов, рядовых членов и руководителей партии, признававших террор и вооруженную борьбу и отрицавших их, лояльных Советской власти и бескомпромиссных ее противников и т. д.), раскалывали саму эсеровскую среду; а также и эсеровскую эмиграцию; организовали и провели в 1923 г. «ликвидационный» съезд ПСР из числа бывших членов ПСР для внесения идейной сумятицы и деморализации в эсеровскую среду; уничтожали всю «питательную» и «сочувственную» среду — высылая эсеров и сочувствующих из столиц — вплоть до высылки родственников.

В целом можно констатировать, что, тратя много сил и времени на пропагандистское, агентурное, охранное и пр. обеспечение процесса, ГПУ тем не менее не забывало о решении стратегической задачи, стоящей перед властью, — окончательном «добивании» ПСР.

Задачи нейтрализации и арестов эсеровских работников как в Москве, так и по всей стране, а также проведение своеобразного мониторинга и установление контроля за настроением рабочих и студенческих коллективов были на практике тесно взаимосвязаны, что показывают материалы чекистских совещаний. Так, на «экстренном совещании», состоявшемся 23 мая 1922 г. в составе чекистов Савватьева, Кузьмина, Бренера и под председательством Самсонова были помимо прочего приняты следующие постановления: «Поручить тов. Савватьеву дать справку на основании данных фабрично-заводских и др. ячеек и районных уполномоченных МГО о состоянии и настроении рабочих и справку, на каких предприятиях имеются с.-р. группировки, так и группировки подозрительные по эсерству. <...> С 26-го мая организовать обходы гор. Москвы, а также посещение всех собраний и фабрично-заводских помещений во время работ. Тов. Кузьмину поручить договориться с тов. Аустиным и Маркарьяном (соответственно, начальник 2-го отделения (меньшевики) и начальник 4-го отделения (левые с.-р.) СО ГПУ. — К. М.) о мерах, которые должны быть приняты по отношению меньшевиков и лев. с.-р. <...> Поручить тов. Нодеву к завтрашнему дню представить сведения о настроении всех партийных группировок, а также рабочих и служащих на транспорте. К 12-ти часам 24-го мая поручается тт. Кузьмину и Савватьеву представить оперативные списки. Поручить тов. Савватьеву подготовить списки по Московскому ж.д. узлу. Вопрос об эсерах Московского, Западного и Северного ж.д. узла перенести на следующее совещание»³⁷².

Выслеживание и аресты эсеров шли непрерывно с начала 1922 г., достигнув своего апогея к моменту начала процесса (впрочем, они шли активно и летом и осенью 1922 г.). Как ощущали эту атмосферу на себе эсеровские подпольщики, ярко передают строки из письма члена ЦБ ПСР Г. К. Покровского, писавшего своим заграничным товарищам 4 марта 1922 г. в Заграничную Делегацию ПСР: «Черезвычайка в новой коже. Управление свирепствует. Всюду идут и в центре, и на местах аресты наших товарищей». 28 марта 1922 г., т. е. еще задолго до пика преследова-

ний эсеров, он констатировал: «Все это отчаянно нервнует, раздражает и еще более отравляет и без того отравленное существование. <...> Сейчас с разрывом связи с бутырцами и отчаянной слежкой всюду приходится быть сугубо осторожными, сидеть больше дома, чтобы не впасть в какую-либо засаду, приобретшую право гражданства в советской конституции»³⁷³.

Но власти беспокоило влияние эсеров не только в рабочей среде, но и там, где они были традиционно сильны (впрочем, как и социал-демократы) — среди студенчества. Именно учащаяся среда (прежде всего, конечно, студенческая) давала всем революционным партиям кадры партийных комитетчиков, агитаторов, пропагандистов, руководителей кружков в рабочих районах, авторов и редакторов подпольной партийной печати и т. д. Кроме того, студенчество, помнившее свои «народолюбивые» и свободолюбивые традиции, было потенциально опасно для властей тем, что в его среде, с одной стороны, вполне самостоятельно, уже в силу его специфики и традиций — постоянно будут рождаться свободолюбивые ереси, с другой, тем, что в студенческой среде найдут понимание и поддержку многие оппозиционные коммунистам партии.

С приближением начала процесса умонастроения студенчества стали вызывать у властей все большую озабоченность. Как выше уже отмечалось, одной из причин, побудивших власть устроить процесс эсеров, было желание заблокировать настроения и ожидания дальнейшей демократизации коммунистического режима, своего рода «политического нэпа» — логичного продолжения «экономического нэпа». Как выясняется, эти настроения были распространены в российском обществе значительно шире, чем это представлялось ранее, когда считалось, что они были присущи небольшой части эмигрантской и российской интеллигенции. На очень интересные размышления наводит доклад чекистского «секретного осведомителя о настроениях студенчества Петр[овской] С.-Х. академии» и комментарий к нему начальника Секретного Отдела ВЧК Самсонова. В сопроводительной записке, датированной 21 декабря 1921 г., адресованной начальнику Секретно-Оперативного Управления ВЧК Менжинскому, а в копиях — также председателю ВЧК Дзержинскому и зам. председателю ВЧК Уншлихту Самсонов писал: «Фактически настроение студенчества более к-р, чем его передает осведомитель, который пытался написать свой доклад возможно объективно»³⁷⁴.

Совпадение времени принятия принципиального решения о проведении эсероцкого процесса с датой ознакомления всего высшего руководства ВЧК с настроениями студентов Петровской с.-х. академии, многие из которых в силу своего происхождения и близости к крестьянству, можно сказать, «генетически» были связаны с эсероцкой партией и традиционно были кузницей эсероцких партийных кадров и пропагандистов в крестьянской среде, представляется вовсе не случайным (в пользу этой неслучайности говорит и тот факт, что этот доклад осел в фонде эсероцкого процесса). Ведь если уж на то пошло, то главными возмутителями спокойствия и флагами движения за университетскую автономию в это время были студенчество и профессура трех других вузов страны — московских МГУ и МВТУ и питерского Технологического института, а вовсе не Петровской с.-х. академией, в силу своей специфики всегда стоявшей среди российских вузов особняком. Но в данном случае этот вуз был интересен и важен именно своей «типичностью», наличием значительной массы «рядового беспартийного студенчества», о настроениях которого и писал докладчик.

Его наблюдения и основные выводы не могли не встревожить руководителей ВЧК: «Кроме небольшой сравнительно группы пролетарского студенчества все остальные тяготеют к буржуазным и мелкобуржуазным группировкам. Если раньше до войны 1914 г., студенчество представляло из себя группу интеллигенции, более передовую, чем все общество, то теперь оно представляет из себя точный образец современных группировок. Здесь есть рабочая группа, крестьянская, группа, вышедшая из смоленского рынка типичных мелких торгашей, и т. д. и т. д. В общей массе студенчество близко к обывательской массе деклассированной интеллигенции, и только молодость и специфические условия студенческой жизни толкают его вперед и ставят его выше обывательщины.<...> Вопросы общественные и политические занимают сейчас меньшее значение в жизни студента, чем это было раньше, значительно возрос интерес к чисто техническим и научным вопросам, но все же студент находит время, чтобы заняться решением общественных и политических вопросов. Интересно, что это идет дальше, и больше политических интересуются вопросами общефилософскими, вопросами миропонимания, старые мировоззрения не удовлетворяют вполне. Чрезвычайно характерным и важным является присутствие в Высших учебных заведениях значительного количества старых студентов. Эти люди, прошедшие школы войны и революции, играют большую роль в студенческой жизни, да и вообще студенчество не представляет из себя теперь зеленой молодежи, как это было раньше. Оно знакомо с жизнью, меньше от нее ожидает, а больше уверено в своей будущей дороге.

По общественно-политическим симпатиям можно наметить среди беспартийного студенчества 3 части:

1. Пролетарское студенчество, студенчество, тяготеющее к комячейке и группирующиеся вокруг нее.

2. Небольшая часть определенно буржуазного студенчества, мечтающего о старом режиме. По большей части оно политически безграмотно и определенно контрреволюционно. Эта группа не проявляет себя активно <...> Она и раньше стояла вне общих студенческих интересов, и теперь ведет свою жизнь.

3. Часть, представляющая из себя большинство, настроена демократически и отчасти социалистически. Эта часть симпатизирует с.-р., меньшевикам, главным образом кооперативным группам и в общем и целом представляет из себя идейно близкую группу. Она руководит общестуденческим мнением <...> господствующее настроение, настроение 3-ей части студентов.

1) <...> После того, как новая экономическая политика и продналог начали новый период Советск. Строительства, в этой области нет серьезных нападков на Соввласть. 2) В сельском хозяйстве признается нежелательность государственного принуждения в резких формах, независимость с.х. кооперации, труд артелей, товариществ и т. д. 3) Политика Советской власти в области Высшей школы вызывает большие нападки. Признается необходимым большее участие беспартийного студенчества в делах школы и большая независимость школы от государства. В частности, очень враждебно встречена связь школы с профессиональными организациями. Есть стремление дать школе прежде всего научные задачи, а затем уже задачи подготовки практических работников. 4) <...> Наиболее серьезный и острый вопрос это т. н. „идейная диктатура РКП“. Она признается наиболее тяжелой, в ней видят корень зла. <...>

„Свобода печати, свобода других Социалистических партий, полная независимость кооперации, независимое общественное мнение“ — вот как формулируются те желания, около которых бродит не оформившаяся вполне мысль студенчества.

Так относится студенчество к Советской власти. Это только его настроение. <...> Лично отдельные студенты политически не сложились и этим объясняется общая аполитичность студенчества. <...> Но описанные настроения сильны, и **при встрясах, как, например, при последних арестах студенчество показало, что оно таит в себе большой запас потенциальной энергии. Пока оно спит или смирилось с необходимостью, но оно может выступить** (выделено нами. — *К. М.*).

Об отношении к другим политическим партиям можно сказать следующее: 1) В громадном большинстве студенчество против всяких вооруженных выступлений. Еще более оно против студенческих, не только вооруженных, но просто политических выступлений. 2) В значительной части признается, что в настоящий момент Советская власть единственно возможная. **Призрак реакции страшит, но медленная „демократизация“ желательна и признается возможной** (выделено нами. — *К. М.*). 3) Студенчество требует положительных платформ и хочет созидательной работы.

Из всего этого вытекает отношение к меньшевикам, с.-р. и т. д. Их требования прежде всего о свержении Советской власти, их работа на буржуазию, отсутствия положительной платформы, кроме неизбежности возврата капитализма, характер партийной грызни и борьбы личных оскорбленных самолюбий, который сквозит в их борьбе с Сов. властью, отталкивает от них. Да кроме того дело обстоит так, что студенты в массе не имеют связей и очень мало сведений о последних постановлениях и позициях этих партий. <...> нет ничего определенного, кроме расплывчатых симпатий. <...> Мой общий вывод: большинство студенчества, если не вполне с Советской властью, но и не вполне с ее врагами. <...> Его политическое и общественное убеждение не сложилось и крайне важно, чтобы в этот момент коммунистические организации сделали все, что возможно, чтобы оторвать хоть часть студенчества, наиболее близкую, и вовлечь ее в общий поток пролетарского движения»³⁷⁵.

Опасения того, что студенчество потенциально очень сильно и опасно и «может выступить» в случае, если его что-то взволнует, явно проявились страхом, что таким дестабилизирующим фактором может оказаться эсеровский процесс. Чтобы данное предположение не показалось голословным, уместно указать, что сами эсеры в лице Чернова надеялись, что процесс эсеров всколыхнет спящую массу, станет началом конца большевиков (подобный разговор был подслушан чекистским заграничным сексотом). Как уже отмечалось в донесении берлинского резидента от 31 марта 1922 г. в Иностранный Отдел ГПУ говорилось: «Чернов о процессе ЦК ПСР высказался 19—III следующим образом. ...Возможно, что этот процесс будет началом конца большевистской власти»³⁷⁶. Определенное настроение было и у сидевшего на скамье подсудимых члена ЦК ПСР А. Р. Гоца даже к концу процесса. Так, 31 июля чекист «S», наблюдавший за Е. М. Ратнер, доложил о весьма любопытном диалоге: «До обеденного перерыва сидела наверху, читала, там же находились Тимофеев и Гоц; в это время заиграла музыка. Ратнер сказала „Не демонстрация ли это, требующая нашего освобождения?“ Это было сказано в шуточном тоне, на что Гоц ответил, — вполне серьезно — “А что вы думаете, разве этого не может быть?”»³⁷⁷. Примечательно и сообщение эмигрантской прессы, отправленное Иностранным отделением Информационного Отдела ГПУ

в СО ГПУ: «Последние Известия» № 140 22/VI В Петрограде и Москве происходят рабочие митинги протеста против преследования социалистов. На Обуховском и Ижорском заводах митинги закончились схваткой с коммунистами»³⁷⁸.

Власти предпринимали целый ряд мер, чтобы предотвратить открытые выступления. Опасения, что процесс эсеров может стать той «встряской», о которой писал секретный осведомитель, тем детонатором, который пробудит студенчество и заставит его выступить, и побудило чекистов менее чем за две недели до начала процесса заложить грандиозную осведомительную сеть в московском студенчестве, охватив без исключения все студенческие курсы всех столичных вузов и дав указания осведомителям считать отношение студентов к процессу эсеров своего рода лакмусовой бумажкой при определении политической физиономии конкретного студента.

На Экстренном совещании 23 мая 1922 г. с участием Самсонова, Саватьева, Кузьмина, Бренера, под председательством Самсонова, где обсуждался один вопрос — «О принятии необходимых мер в связи с процессом правых эсеров», было помимо прочего решено следующее: «4. Поручить тов. Бреннеру договориться с тов. Яковлевой и Бюро содействия на предмет установления наблюдения за студенчеством; получить списки подозрительных студентов с подробными о них сведениями на случай ликвидации, сделать это чрезвычайно секретно. Завтра утром информировать тов. Яковлеву о настоящем постановлении и предложить ей явиться 24 мая в 9 час. вечера на совещание СО ГПУ»³⁷⁹. Протокол этот был отпечатан в трех экземплярах и направлен Дзержинскому, Уншлихту (первый экземпляр) и Менжинскому (один сразу подшит к делу). Начальник СО ГПУ Самсонов, адресуя этот протокол руководителям ГПУ, сопроводил это надписью «С. Секретно. По миновании надобности прошу вернуть в СО ГПУ». На экземпляре, адресованном Уншлихту и Дзержинскому, последний оставил в левом верхнем углу свой автограф, начертанный синим карандашом, означавший, что с документом он ознакомился³⁸⁰. Менжинский на своем экземпляре начертил «Согласен»³⁸¹. Им же в выше цитированном пункте постановления совещания были подчеркнуты слова: «списки подозрительных студентов с подробными о них сведениями на случай ликвидации».

На совещании 24 мая 1922 г. с участием тех же лиц и специально приглашенной Яковлевой под председательством Самсонова во исполнение предыдущего решения было постановлено: «3. Для выявления настроенности студенчества связаться с Бюро студенческих ячеек через тов. Иоффе. Просить тов. Яковлеву давать информацию о настроении студенчества и профессуры, а также списки лиц и телефонов, за коими необходимо поставить наблюдение»³⁸². Точно так же было напечатано три экземпляра, и на экземпляре Уншлихта и Дзержинского последний вновь оставил свой автограф.

Во исполнение этих решений 26 мая состоялось совещание начальника 8-го Спецотделения СО ГПУ Бреннера и секретаря Центрального Бюро комячеек г. Москвы Иоффе³⁸³. В рамках обширной программы внутри студенчества было, в частности, решено: провести экстренное собрание ответственных секретарей ряда вузов, прочитать в вузах доклады о предстоящем процессе и Генуэзской конференции, провести накануне этого партдень, на котором «вменить в обязанность членам партии под предлогом необходимости вести неослабное наблюдение за дебоширами и <...> особое внимание обратить внимание на лиц, ведущих групповую агитацию, стараясь взять всю группу на учет». На время процесса «пред-

ставить СО ГПУ список всех ВУЗов гор. Москвы и Республики, указать численность каждого ВУЗа в Москве по факультетам, отделениям, разбив эти цифры по курсам, численность комячеек в каждом ВУЗе и как они распределяются по факультетам, отделениям и курсам, список ответственных секретарей каждой комячейки, их телефоны и адреса, в порядке партийной дисциплины выделить **2-х надежных и серьезных коммуниста на каждом курсе в каждом ВУЗ-е г. Москвы, для выполнения текущих заданий СО ГПУ на время процесса ПСР, поручить каждой двойке в секретном порядке составить список неблагонадежных студентов с указанием их адресов, курса и пр., а также дать характеристику каждого из них** (выделено нами. — *К. М.*). Это дало возможность чекистам получить уже через несколько дней список, охватывающий все студенчество Москвы, список для дальнейшей разработки неблагонадежных студентов и, конечно же, для арестов эсеров-студентов, вряд ли молчавших во время суда над их партией.

Далее предлагалось «особое внимание обратить на профессию и научных сотрудников, дать характеристику о тех из них, кои используют кафедру или свое положение в политических целях, хотя бы самым осторожным подходом», «поручить каждой двойке дать общую характеристику своих сокурсников, отметив наличие среди их групп меньшевиков, эсеров и пр. антисоветских элементов». Отдельным пунктом было отмечено, что «двойки под свою личную ответственность за разглашения могут добывать всякого рода сведения, как лично, так и через коммунистов и лояльных беспартийных не посвящая последних в суть дела».

«Двойкам» предписывалось «взять на учет всех студентов, высказывающихся с протестом против процесса правых с.-р., встречи Вандервельде, и пр., на всех этих лиц заводится список с указанием их адресов, характеристики и пр.», «составить список всех кружков, союзов и пр. студенческих объединений, под каким бы флагом они не существовали. Указать руководителей, по возможности всех членов, а также не входят ли туда коммунисты и кто именно (фамилии и адреса)», «в связи с предстоящим эсеровским процессом устроить секретное совещание всех двоек и обязать последних ежедневно подавать рапорта обо всем замеченном ими, в Университетах, институтах и пр., касающиеся прямо или косвенно эсеровского процесса. Рапорта через комячеек поступают в СО ГПУ». Особое внимание обращалось на то, что «**по одному отношению к с.-р. процессу представляется возможным выявить наилучшим образом полит. физиономию отдельных студентов. Процесс, таким образом, должен быть целиком использован в интересах вышеуказанного выявления противника** (выделено нами. — *К. М.*). С 29 мая члены «двоек» считались «мобилизованными для указанной выше работы вплоть до окончания процесса» и подлежали «строгому учету» 8-м отделением СО ГПУ («для чего Ц. Б. комячеек ВУЗ гор. Москвы представляет необходимые списки к 30-му мая с указанием лиц, партстажа, адресов и телефонов», а также «**выделяет на время эсеровского процесса одного члена бюро для постоянной связи отдельных ВУЗ и двоек с 8-м Спец. Отд. СО ГПУ** (выделено нами. — *К. М.*)»³⁸⁴.

Таким образом, ГПУ решало сразу три серьезные задачи. Оно заложило основы осведомительной сети в студенческой среде Москвы; взяло под оперативный контроль московское студенчество во время процесса с целью недопущения нежелательных акций с его стороны; сделало отношение студента к эсерам и процессу своеобразной лакмусовой бумажкой для определения его «политической физиономии» (с последующим избавлением от неблагонадежных). Собственно, с большой долей уверенности мы

можем говорить и о решении четвертой задачи, более глобальной и долговременной — о создании работающей модели агентурно-осведомительной сети в вузовской среде на опыте московских вузов и распространении этого опыта на всю страну. Таким образом, можно констатировать, что то, что не удавалось сделать властям в царское время — создать широкомасштабную и, главное, эффективную систему осведомительства внутри студенчества силами самих студентов (компенсируя ее отсутствие отчасти системой внешнего надзора, т. н. «педелей», набравшихся из бывших унтер-офицеров, отчасти завербованными охранкой или ГЖУ секретными сотрудниками из студенческой среды) удалось сделать в советское время. Эту задачу облегчало сразу несколько факторов, в том числе: серьезно изменившийся социальный состав студенчества (а соответственно и ослабление старых студенческих традиций абсолютного неприятия доносительства); наличие структур коммунистических ячеек и комитетов, предоставленных в распоряжение (или как минимум содействующих) тайной полиции для работы в студенческой среде; сознательный раскол студенчества и использование в этой борьбе студентов-коммунистов, поставленных в более привилегированное положение, чем остальная студенческая масса, пропускаемая через «чистки» и лишённая каких-либо возможностей для выражения и отстаивания своего мнения; внедрение в сознание студентов-коммунистов, что для борьбы с «реакционными» «старым» студенчеством и профессурой «все средства хороши», включая и доносительство и их травлю. Конечно, о подобном жандармы даже и мечтать не смели. Не было у них коммунистов и комсомольцев, студенческая среда ненавидела наушников, и это настроение делало невозможным создание осведомительной сети, скажем, из монархически настроенных студентов, которые, конечно, были и не только среди белоподкладочников. У жандармов и охранки были только отдельные склоненные к сотрудничеству студенты, но о подобной массовости и всеохватности (два агента-студента на курсе) даже и не мечтали.

При такой напигованности студенческой среды доносчиками-коммунистами, чекистам удалось создать своего рода мельницу по перемалыванию всех инакомыслящих и политически активных ее элементов. Приходится удивляться не тому, как власти удалось задавить инакомыслие в студенческой среде, а тому, что эта среда продолжала его рождать и студенческие эсеровские и меньшевистские группы существовали еще в течение нескольких лет. К этому, конечно же, следует добавить и те массовые чистки в вузах, и немотивированное отчисление студентов в эти годы, и бесконечные реорганизации, которые имели целью способствовать искоренению социалистических организаций и всех инакомыслящих студентов.

То, что созданная летом 1922 г. осведомительская система в высшей школе вскоре стала весьма эффективной в борьбе с пресечением инакомыслия, косвенно свидетельствуют аресты в этой среде в 1922—1924 гг., принявшие весьма активный и «адресный» характер, а также воспоминания очевидцев о специфической атмосфере, всесильи коммунистической и комсомольской организаций в советских вузах и массовых чистках студентов и преподавателей «за неблагонадежность» в это время. Для иллюстрации вышесказанного обратимся к воспоминаниям Е. Олицкой, которая, пытаясь осенью 1922 г. продолжить начатую еще до революции учебу, пошла на Пречистенские курсы, при которых открыли филиал Сельскохозяйственного института, узнав, что туда прини-

мают «без командировок от рабочих и советских организаций»: «<...>Жизнью вуза заправляла партийная организация профессоров, коммунистическая организация студентов. <...> Когда я прочитала свой реферат перед студентами (реферат по истории был посвящен истокам развития арабского мира, в нем Е. Олицкая пыталась „утвердить равное значение влияния различных факторов на историю развития народов: географического, экономического, религиозного, политического“. — К. М.), наступила тишина. Неоднократно предлагал профессор аудитории выступить по реферату, никто не произнес ни слова <...> Одна милая курсистка по секрету сообщила мне: — Ваш доклад обсуждался на ячейке, нас призвали к бдительности, вас взяли на заметку. <...> Многие профессора наши не были строго выдержанными марксистами. Это очевидно, и решило судьбу наших курсов. Всего один учебный сезон просуществовали они. Перед началом весенних экзаменов нам было объявлено о закрытии института. <...> Студенты распределялись по другим вузам соответственно количеству свободных мест. <...> Меня направили на 2-й курс промышленно-экономического института имени Бабушкина. <...> В институте руководящей была профессорско-студенческая партийная организация. Она являлась правой рукой дирекции, выдвинутой коммунистической партией. Всего месяц проучилась я в этом институте. <...> В один из дней, <...> на доске был вывешен список тех студентов, которым предлагалось зайти в канцелярию по вопросу о пребывании в институте. В списке значилась и моя фамилия. <...> мне сообщили об исключении меня из рядов слушателей. Я попыталась выяснить причины исключения, но никаких объяснений мне не дали. <...> Я понимала — с учебой покончено навсегда. Меня интересовало, чем же, в конце концов, мотивировано исключение. Какими материалами против меня располагал институт? Социальное происхождение? Известна им моя принадлежность к партии с.-р. в 1917 году? Провели ли о моих настроениях сейчас?»³⁸⁵. Характерно, что в воспоминаниях Е. Олицкой, столь ярко обрисовавшую ситуацию в московских вузах в 1922—1923 гг., нет ни слова о доносах в студенческой среде. Но не менее характерно, что после исключения из института она задается вопросом, а что же собственно стало причиной этого исключения?

Психология дозволенности всех средств в борьбе с врагами насаждалась в коммунистической среде повсеместно, но настоящие всходы она дала позже, а в 1922 г. она пока еще нередко встречала и пассивное сопротивление. Так, например, от сотрудничества с созданными накануне по инициативе ГПУ (и по директиве Политбюро РКП(б)) на всех предприятиях и во всех государственных структурах «Бюро содействия ГПУ»³⁸⁶, целью которых было заставить коммунистов наущничать на своих сослуживцев, некоторые коммунисты, судя по жалобам чекистов, всячески уклонялись.

Расширение сети сексотов было проведено не только в вузах, но и во всех учреждениях и предприятиях. Любопытно, что информация об этом просочилась в эмигрантские эсеровские газеты. Так, в обзоре эмигрантской периодики, подготовленном начальником Информационного отдела ГПУ в конце июня 1922 г., весь четвертый раздел которого был адресован 3-му Отделению СО ГПУ, отмечается, что в «Голосе России» были опубликованы сведения об издании ГПУ секретного циркуляра, «предлагающего усилить внутреннюю агентуру среди государственных и частных предприятий в связи с текущим процессом социалистов-революционеров»³⁸⁷.

Чекисты опасались реакции не только московских эсеров и московских рабочих и студенчества, поэтому «в целях предупреждения выступлений социалистов-революционеров на местах в связи с процессом ЦК ПСР» ими было решено провести не позднее 29 мая 1922 г. «обыски во всероссийском масштабе» (обыскам и арестам планировалось подвергать «только активных членов партии правых эсеров, кои могут угрожать политическому спокойствию Республики или на которых имеется конкретный материал»).

Аресты действующих, или, по терминологии ГПУ, активных членов ПСР велись непрерывно и планомерно на всей территории страны и после окончания процесса до самого конца 1922 г. Директивой за подписями Уншлихта и Самсонова от 10 августа 1922 г. всем губернским отделам ГПУ предписывалось «в целях полнейшего разгрома организации правых эсеров» немедленно произвести ликвидацию «всех активных эсеров вашего района». Тех эсеров, на которых имелся «достаточный» обвинительный материал, предлагалось отдавать под суд ревтрибуналов, а всех остальных готовить к ссылке. Временную отсрочку от арестов давали лишь в случаях агентурной разработки тех или иных лиц и организаций. Все дела арестованных надлежало завершить в двухнедельный срок. Рабочих-эсеров предлагалось арестовывать по согласованию с губкомами РКП(б)³⁸⁸. Несколько позже шифрограммой за подписями Ягоды и Самсонова всем губотделам ГПУ предлагалось вслед за первой операцией «систематически через каждые две-три недели в зависимости от ориентировки обязательно производить все операции впредь до конца сего 22 года...»³⁸⁹.

Специальные антиэсеровские «чистки» проводились транспортными отделами ГПУ, которым предлагалось бывших членов ПСР «изъять из железнодорожных и водных путей <...> без различия положения», разбив на три категории — «активных, малоактивных и пассивных». Первых следовало отдать под суды ревтрибуналов, вторых — отправить в ссылку, третьих — уволить по сокращению штатов³⁹⁰. Чекисты действовали силами не только своего аппарата. Они пытались с помощью и при поддержке руководства РКП(б) сделать системой доноительство коммунистов, как это видно из подписанного Сталиным проекта «почтограммы» всем губкомам и обкомам партии, присланного Уншлихтом и Самсоновым на утверждение в августе 1922 г. В этом очень интересном документе помимо скорейшего создания «Бюро содействия органам ГПУ» (во исполнении мартовской директивы руководства партии) предлагалось «в целях дальнейшего разгрома остатков правоэсеровских организаций, а также и недопущения их зарождения в будущем» обязать коммунистов «давать информации» об эсерах, получать «специальные задания от органов ГПУ», а также «оказать давление на парттоварищей» по скорейшему созданию вышеупомянутых «Бюро...»³⁹¹.

Можно только догадываться о масштабах обысков и арестов, а также численности обысканных, арестованных, осужденных ревтрибуналами, сосланных и уволенных с работы эсеров на всей территории страны. Впрочем, широта репрессивной деятельности сомнений не вызывает, даже если судить о ней только по двум операциям 3-го отделения СО ГПУ, проведенным в Москве. В ночь с 28 на 29 июля 1922 г. в операции по 33 адресам (17 «безусловно арестов» и 16 — «по результатам обыска») было арестовано 10 чел. и оставлено три засады, а также арестован зашедший во время обыска Я. К. Цидербаум (при обыске у него была обнаружена эсеровская газета). В операции с 1 на 2 сентября 1922 г. было

выписано 15 ордеров (3 — «арест обязательный», 12 — «по результатам»), было арестовано 8 чел. и оставлено шесть засад. У студента У. Ф. Шати-хина был задержан член МБ ПСР В. Е. Радин, захвачено 1030 экз. двух номеров эсеровской газеты «Труд» и 13 номеров «Революционной России», а также партийная переписка. Любопытно, что в ходе первой операции выявилась весьма низкая квалификация и дисциплина чекистов: на квартире у эсера Я. Т. Дедусенко по окончании обыска чекисты оставили «инструкцию по производству операций»; видного челябинского эсера Н. Д. Беловинцева, приехавшего в Москву для ведения партийной работы, забыли арестовать (несмотря на соответствующий ордер) и отпустили за ним вторично; большинство чекистов не выполняло полностью инструкцию (не заполнялись анкеты проживающих, не регистрировалось в протоколах время начала и конца обыска и др. пункты) и т. п. Тем не менее со скрипом и со сбоями репрессивная машина ГПУ методично перемалывала эсеровские организации и самих эсеров (в том числе, уже отошедших от партийной работы).

Чекисты вели работу и по «очистке» Москвы и Петрограда от членов семей «цекистов и активных членов ПСР, как проходящих по процессу, так и тех, кои по мнению [ГПУ] должны подлежать выселению». Докладной запиской председателя ГПУ Дзержинского в ЦК РКП(б) подобным предложением закладывались механизм и система преследований родственников политических оппонентов, в законченном виде ярко проявившиеся уже в 1930-е гг. и использовавшиеся по отношению к «членам семей врагов народа». Этот исторический документ (появился не позже 19 июля 1922 г.) гласил: «ГПУ установлено, что члены ЦК ПСР и активные члены этой партии с внешним миром и заграницей деловую партийную связь поддерживают через свои семейства, проживающие в Москве. Кроме того, семьи членов ЦК ПСР и активных членов этой партии служат явками и связующим звеном для партийных эсеровских сил, что неоднократно устанавливалось. В связи с вынесением приговора по делу ЦК ПСР члены семей цекистов в Москве будут крайне нежелательны в силу того, что активность с.-р. и террористическая их склонность может в связи с приговором значительно усилиться и пребывающие в Москве члены семейств цекистов в этом случае авантюристическим элементом ПСР могут оказать большую услугу. В Москве и Петрограде, где имеются иностранные миссии, семьи цекистов и других активных с.-р. имеют максимальную возможность сносятся с заграничными с.-р. организациями через миссии. В силу вышеизложенного, ГПУ находит необходимым по окончании выслать из Москвы и Петрограда семьи цекистов и активных членов ПСР, как проходящих по процессу, так и тех, кои по мнению должны подлежать выселению. Семьи высылке должны подлежать в места, где нет представительств иностранных миссий, и в места, не пораженные эсеровщиной. ГПУ одновременно по тем же причинам просит санкцию на высылку из Москвы, в аналогичные с членами семейств цекистов места, бывших защитников ЦК ПСР Муравьева, Тагера и др.»³⁹². Интересно, что не дожидаясь ответа ЦК РКП(б), Самсонов 19 июля 1922 г. поручил московским и питерским чекистам срочно подготовить списки подлежащих высылке родственников эсеров.

На копийном экземпляре этого документа, подшитом «к делу ЦК ПСР» имеются резолюция Самсонова и пометы Г. Ягоды и Дерибаса. Самсонов писал: «С. секретно. т. Дерибас. К делу ЦК ПСР. Нужно сейчас же поручить Кузьмину составить список высылаемых. Питеру дать задание по телеграфу, завтра туда едет Новиков, списки представить мне

завтра»³⁹³. Дерибас, отправляя документ Ягоде написал: «Прошу по миновании надобности возвратить», что Ягода и исполнил, отметив: «Вернул Дерибасу»³⁹⁴.

10 августа 1922 г. декретом ВЦИК была принята «Инструкция для органов ГПУ по применению административной высылки», дававшая возможность применять административную высылку сколь угодно широко и по усмотрению карательных органов. Механизм принятия и утверждения решения о высылке был относительно прост и полностью замыкался на ГПУ. Постановление «местного органа ГПУ» направлялось в соответствующий отдел центрального аппарата, который представлял ее на Коллегию ГПУ. В случае утверждения начальник отдела выступал докладчиком на заседании Центральной комиссии при НКВД по высылкам, которая и принимала решение. Каких-либо критериев и ограничений в применении ссылки к гражданам инструкция не содержала в принципе, фактически позволяя чекистам ссылать кого угодно и за что угодно. Однако даже такой облегченный порядок высылки руководству Петроградского комитета РКП(б) показался весьма сложным. На заседании его бюро от 17 октября 1922 г., обсуждавшем меры «по чистке Петрограда», было принято следующее постановление: «В целях более успешной борьбы с меньшевиками и эсерами, предложить полномочному представителю ГПУ тов. Мессингу войти в Президиум ГПУ в Москве с просьбой о предоставлении ему [права] высылки меньшевиков и эсеров из Питера без предварительного утверждения такого в Центральном ГПУ, вместо чего внести последующее утверждение указанных высылок». Уншлихт, которому пришлось формулировать заключение ГПУ (по требованию Молотова), был вынужден сослаться на постановление Президиума ВЦИК от 10 августа 1922 г. и ответить, что «мы не можем предоставить такого права».

Своеобразным свидетельством того, как далеко чекистская верхушка готова была зайти в поисках «эффективных» мер для уничтожения своих «подопечных», явилась докладная записка, написанная 22 июля Самсоновым по устному распоряжению Дзержинского («Основание: представлено, согласно устного распоряжения т. Дзержинского от 21/7—22 г.») и адресованная Дзержинскому, Уншлихту и Менжинскому. В этом предвосхитившем лозунги и практику 30-х гг. документе говорилось: «Партия правых с.-р., как добиваемая нами политическая партия (после процесса ЦК ПСР в особенности) перед своей смертью, безусловно, сможет в беспомощности наделать нам много неприятности (террор и пр.). В целях предохранения ответственных работников Республики от возможного террора на них со стороны с.-р. — с одной стороны, и другой — в целях пресечения какой бы то ни было работы с.-р. в России, полагаю бы против с.-р. принять следующие меры борьбы: 1. С.-р. и лиц им содействующих объявить особым правительственным сообщением — врагами народа. 2. Вести против с.-р. и их приспешников самую беспощадную борьбу за малейшие их проявления. 3. Признать для приговоров над с.-р. и их приспешниками достаточным в качестве обвинительных данных одни лишь агентурные сообщения осведомителей, в случае если в делах привлеченных при обысках ничего компрометирующего против них найдено не будет, при условии, что НАЧОТДЕЛА гарантирует правильность агентурных данных. 4. За принадлежность к с.-р. осуждать в тюрьму сроком не ниже 1 года. 5. За содействие с.-р. при отсутствии партпринадлежности — высылать административным порядком в ссылку не ниже 1 года. 6. Путем специального постановления ЦК РКП(б) категорически воспретить ходатайствовать и ручаться за с.-р. и их приспешников»³⁹⁵.

Анализ ситуации в целом показывает, что репрессии властей против эсеров давали вполне ощутимый результат (особенно в сочетании с пропагандистской кампанией против них и, конечно, с идейной разногласием и колебаниями в самой эсеровской среде). Но, занимаясь арестами, ссылками, агентурной разработкой эсеров, чекисты не забывали и о другом важном направлении своей работы. Ход и все перипетии пропагандистской кампании, направленной на раскол эсеровской среды, можно представить по документам. Например, в мае 1922 г. Троцкий требовал отказаться от «крикливо-ругательного характера» агитации, а Агиткомиссия ЦК РКП(б) не единожды упрекала советскую прессу в «грубой тенденциозности» при освещении процесса и рекомендовала ей стать более объективной, конкретной, давать «возможно меньше брани»³⁹⁶.

23 августа 1922 г. состоялось «Особое совещание» (от чекистов присутствовали Самсонов и Ашмарин, от Агитотдела ЦК РКП(б) — Попов), наметившее конкретные меры по исполнению распоряжения Дзержинского о «газетной кампании против ПСР». Подчеркнем, что речь шла об отдельной пропагандистской кампании, ориентированной на эсеров и сочувствующие им круги и направленной на раскол ПСР. Первый пункт постановления этого «Особого совещания» гласил: «В целях плановой успешной борьбы с ПСР в дальнейшем признать необходимым: а) направить борьбу против правых эсеров к расколу партии путем соответствующего освещения намечающихся группировок и течений среди социал-революционеров; б) для осуществления предыдущего параграфа в первую очередь использовать для раскола ПСР письмо Герштейна по вопросу об отношении его к заграничной делегации, постановление ЦБ ПСР об исключении из партии Бунакова и Авксентьева и протест последних по этому поводу, заявление Гендельмана на процессе и других подсудимых по поводу отдельных представителей членов заграничной делегации ПСР и другие материалы; в) развить кампанию по поводу ликвидации бывших социал-революционеров партии эсеров; г) плохо использованный материал во время процесса над ЦК ПСР дополнительно разработать и использовать в печати». Для выполнения намеченных мер совещание конституировалось в «специальную рабочую комиссию по данному вопросу в теперешнем составе участников», которая должна была еженедельно проводить заседания (причем на следующем собрании планировалось принять «лозунги для газетной кампании»). Безусловно, опыт столь масштабной «промывки мозгов» очень широко использовался и в последующие десятилетия.

Важное место в уничтожении эсеровской партии сыграл так называемый съезд бывших членов ПСР, состоявшийся в 1923 г. Удивительно, но его истоки следует искать не в решениях одной из бесчисленного множества партийно-чекистских троек искать (как в подавляющем большинстве других подобных мероприятий), а в инициативе, так сказать, с мест.

24 июня 1922 г. для ускорения раскола эсеров в г. Уфе состоялось иницированное местными партийными властями собрание 17 бывших членов Златоустовской организации ПСР (присутствовали, по словам чекистов, эсеры Кузнецов, Филатов, Ярославцев, Умарцев, Кашин, Рябов, Стахеев, Мохов, Аликин, Бердников, Перевалов, Стариков, Лебедев, Бердников, Ильин, Попов, Пронизин и двое коммунистов — Рындин и Коростелев). На собрании председательствовал бывший эсер Ярославцев. Как сообщалось в шифротелеграмме начальника Уфимского горотдела ГПУ Галкина, собравшиеся требовали созыва Всероссийского съезда бывших эсеров для ликвидации партии и признания «единственной формой власти — власти рабочих и крестьян в лице Советов».

Резолюция златоустовских эсеров, отправленная в Москву нач. Уфимского горотдела ГПУ Галкиным и нач. СО Полянским 26 июня 1922 г., гласила: «Мы, группа бывших старых активных членов одной из самых мощных организаций ПСР на Урале — Златоустовской, ознакомившись с декларацией представителя группы ЦК социалиста-революционера Тимофеева, открыто заявить (так в тексте. — *К. М.*) как бывшие старые активные работники партии с.-р. мы также повинны в выступлениях партии периода 17 и 18 годов, как ныне вменяется в вину нашим бывшим руководителям членам ЦК, и готовы вместе с ними разделить логически вытекающую отсюда ответственность. В конце же 1918 года Златоустовская организация, учтя всю преступность в борьбе с Советской властью, сделала через своих представителей в г. Уфе ультимативное заявление ЦК о необходимости выхода из состояния вооруженной борьбы с Соввластью, но последний вопреки заявлению низов на свою ответственность продолжал прикрывать преступность этой борьбы. Принимая во внимание вышеуказанные разногласия не только между отдельными членами, но целыми организациями, с одной стороны, и ЦК — с другой, для выявления истинного общественного мнения с.-р. мы считаем настоятельно необходимым созыв Всероссийского легального съезда рядовых членов ПСР по вопросу о ликвидации партии, ибо, по нашему глубокому убеждению, большинство последних стоит за необходимость самого тесного сотрудничества с Соввластью и коммунистической партией в деле восстановления хозяйства республики и установления единого фронта против наступающего мирового капитала. Проанализировав сделанное Тимофеевым заявление, отстаивающее необходимость борьбы за форму власти, установленную в Феврале, мы вынуждены констатировать блокирование партии с.-р. с чуждыми классу пролетариата и интервенчески настроенными элементами, [которое] для трудящихся кроме огромного количества могил революционеров Поволжья, Урала и Сибири ничего не дало. А потому мы считаем единственной формой власти власть рабочих и крестьян в лице Советов. Борьбу же за лозунги, выброшенные Тимофеевым, не только не допустимы, но преступны»³⁹⁷.

Самое любопытное, что данное мероприятие златоустовских эсеров оказалось неожиданным даже для местных чекистов, которые попытались выяснить, откуда у тех вдруг обнаружилось такое рвение. Уфимские чекисты поручили своему секретному агенту произвести «обследование искреннего отношения» златоустовских эсеров. Как он выяснил, к лидеру местных эсеров Кузнецову явились «местные власти» и в ультимативном порядке потребовали в двухдневный срок созвать собрание для выявления «своего отношения к РКП» и к «войне с соввластью». Кузнецов должен был принять решение в течение двух часов, в противном случае — «пусть они (бывшие эсеры. — *К. М.*) пеняют на себя».

Что же толкнуло местных коммунистов на самостоятельные и столь решительные действия две недели спустя после начала процесса? Ответ кроется в последней фразе златоустовской резолюции. Таким образом, своего рода программное заявление, сделанное Тимофеевым от всей группы подсудимых об отношении ПСР к большевистскому режиму и о тактике партии в данный исторический момент, спровоцировало уфимских коммунистов на ультиматум местным эсерам, которые действительно в годы гражданской войны были весьма заметной политической силой. Бывший лидер златоустовских эсеров избрал тот путь, на который его и толкали коммунисты. Как докладывал чекистский агент: «<...>во избежание гонений на Златоустовскую организацию с.-р. и дабы

их оставили в покое, Кузнецов дал свое согласие и вскоре собрал нелегальное совещание», на котором было решено «принять условия правящей партии». Но об откровенном ренегатстве и капитулянтстве златоустовских эсеров в данном случае вряд ли может идти речь, их резолюция была построена «по программе и идеологии» МПСР, за «...исключением некоторой доли подмазывания: „Дабы волки были сыты и овцы целы“». Признавая возможность совместной работы с большевиками по восстановлению разрушенного хозяйства, эсеры «благоразумно умолчали о политике, так как таковой не разделяют с компартией». Златоустовские эсеры в условиях отсутствия «единства в партии с.-р. и распыленности в отдельные группировки, из которых почти каждая говорит от имени всей партии с.-р., что усугубляет распыленность партии» согласились на созыв легального всероссийского съезда с.-р. Они искренне считали созыв съезда нужным и надеялись перехитрить власть; допуская возможность того, что на нем официально «партия будет объявлена распущенной, но возможно, будет выработан новый единый план подпольной работы». Златоустовцы честно высказывались против «коалиции с буржуазией, т. к. они принципиально признают власть рабочих и крестьян, не предпринимая форму и название, но власть рабочих и крестьян резко ограничивают от власти компартии».

28 июня 1922 г. президиум Златоустовского укома РКП(б) поддержал решение группы «бывших» эсеров о посылке их делегатов в Москву и в связи с тем значением, «которое имеет официальная ликвидация Партии Соц.-Революционеров», постановил выделить для этого 100 миллионов рублей. 5 июля 1922 г. текст заявления златоустовских эсеров вместе с докладной запиской помощника начальника СО ГПУ Дерibasа, считавшего нужным разрешить проведение такого съезда, лег на стол Дзержинскому со следующими комментариями Дерibasа: «Означенное собрание, клеймя ПСР за ее предательство, находит необходимым созыв Всероссийского Съезда бывш. членов ПСР для окончательной ликвидации этой партии. Сообщая об этом, нахожу необходимым: 1) разрешить такой съезд; 2) распространить между членами ЦК РКП означенную резолюцию. Прошу Вашей санкции на это»³⁹⁸. Резолюция Ф. Э. Дзержинского гласила: «Послать в тройку П/б, в П/б, т. Пятакову, т. Крыленко. Вопрос о съезде поставить на разрешение тройки. 5.VII. Ф. Д. »³⁹⁹.

1 июля 1922 г. «тройкой» Политбюро было принято следующее решение по этому поводу: «Опубликовать заявление Златоустинских эсеров и пустить его по радио. ГПУ поручить выработать предварительное выяснение состава ответственных эсеров, собрать справки у бывших эсеров, ныне состоящих в нашей партии, и в случае благоприятных результатов этого предварительного обследования выработать план созыва съезда, предложив затем его на рассмотрение комиссии ЦК»⁴⁰⁰.

25 июля 1922 г. Самсонов на выписке из этого протокола тройки Политбюро, переданной в ГПУ, наложил свою резолюцию, которая гласила: «т.Дерibas. 1. Поручите т. Шиманкевичу конфиденциально договориться об этом с тов. Семеновым, Коноплевой, Ратнер Григорием, Биценко и др. 2. Такой же запрос ушлите в Уфу и по всем нашим ПП ГПУ. 3. Составьте записку (сегодня же) по (1 слово не разобрано. — К. М.) и дайте т. Уншлихту для просмотра»⁴⁰¹. Дерibas поручил своему подчиненному И. Решетову, в прошлом члену ПСР — «вспомнить всех своих бывших соратников, находящихся в Москве», вместе с их адресами. Любопытно, что Дерibas, очевидно, понял, как двусмысленно-специфически звучит такое поручение из уст зам. начальника СО ГПУ,

и тут же добавил: «Я говорю, конечно, о тех, которые теперь ком[мунисты]»⁴⁰². Уже 26 июля 1922 г. Решетов представил список из девяти фамилий бывших эсеров, часть из которых затем стала левыми эсерами, а затем коммунистами. Впрочем, были и такие, у которых этот путь был короче (из эсеров сразу в коммунисты), а были и такие, у которых, напротив, длиннее (за счет пребывания в возникших после 6 июля 1918 г. межремонтных партиях)⁴⁰³.

В этом контексте большой интерес представляют письма бывших эсеров, ставших коммунистами — М. К. Никанорова⁴⁰⁴, И. Соколинского⁴⁰⁵, А. Ф. Лазарева⁴⁰⁶, Тимишвенко⁴⁰⁷, хранящиеся в т. 41 «Протесты общест-венности против ПСР» фонда Н-1749. М. А. Никаноров, работавший после Октября 1917 г. в Военной организации ПСР и в журнале «За народ!», порвавший с ПСР в августе 1918 г., «явился в Трибунал по своей инициативе» — «для дачи показаний, если таковые понадобятся и для привлечения к ответственности в случае признания Трибуналом его действий ПРЕСТУПНЫМИ»⁴⁰⁸. Соколинский, бывший эсером «с 1907 по 1917 г. включительно», свое письмо закончил так: «...Эсерам и меньшевикам на деле не нужна была социальная революция, а им нужна была ВЛАСТЬ. И эта жажда власти, жажда управлять на благо буржуазии красной нитью проходит по всей дальнейшей работе эсеров и меньшевиков. Из всего сказанного ясно, что не только эсеры, но и меньшевики не меньше повинны в том, что нам пришлось пережить за эти 4 года гражданской войны. И пусть гг. Мартовы и Даны не прикидываются ягнятами, не знающими будто, за что это их братию, всех этих Кучиных, Астровых и др., куда-то высылают. Место Вашим Кучиным рядом с их товарищами, „убийцами из-за угла“, и если до сих пор они там не сидят, то надо надеяться, что процесс эсеров этот момент приблизит. Что же касается Черновых, Зензиновых, Мартовых, Данов и пр., укрывшихся за границу, то и они раньше или позже предстанут, если не пред Трибуналом РСФСР, то пред трибуналом Германской, Французской, Итальянской или другой Советской Республики. В это мы, ваши бывшие друзья, верим и обещаем приехать на суд вбить осиновый кол в вашу могилу»⁴⁰⁹.

В дальнейшем вопросами созыва легального съезда занимались две комиссии («комиссия по вопросу о созыве конференции низов партии эсеров», состоявшая из Куйбышева, Преображенского и Уншлихта, и «комиссия по эсерам», в которую входили Радек, Бубнов, Самсонов, Попов и Ашмарин)⁴¹⁰.

Подводя итог, отметим следующее. Судя по настроениям студенчества, левоцентристы-эсеры держали руку на пульсе и старались учитывать настроения масс. Но парадокс заключается в том, что левоцентристы, центристы и народовцы, сделав ставку на народ, на овладение его и (или) свержение большевизма или попытку принудить его демократизировать режим, не учли того, что в противоборстве с новой властью перевес окажется на стороне государственной власти, доведшей насилие до степеней, не снившихся царизму. Царизм эту схватку социалистам проиграл, породив уверенность у социалистов в аксиоматичности того, что «целый класс нельзя обмануть», «идеи штыками не улавливаются», политическую партию нельзя уничтожить и т. д. и т. п. Но большевики извлекли уроки из просчетов старого режима по борьбе с оппозицией, они изнутри знали сильные и слабые стороны своих друго-врагов, они понимали природу, механизмы и алгоритмы «соединения» политической партии с массой (отчего она, как любил говорить революционеры, «подобно Антею, прикоснувшись к земле», черпала силы, становясь к тому же действительно опасной) и использовали все это знание в своей борьбе. Но очень важ-

но при этом, что они понимали огромную опасность социалистов для правящего режима при условии, что они вновь поведут за собой массы, которые, как показал Кронштадт и забастовки рабочих, вовсе не так однозначно поддерживали коммунистов, как те уверяли в своих газетах. Поэтому и была сделана ставка на использование всех способов борьбы с социалистами, в том числе, и абсолютно дикими и не вписывающимися в мораль революционера. Среди этих способов была не только ложь и обман миллионов рабочих, но и тонкие мероприятия по стравливанию эсеров разных фракций и разложению эсеровской среды, и т. д. и т. п.

Но одновременно велась работа и по дезориентации народа, формированию у миллионов людей убеждения, что все остальные партии — предатели и враги, и только коммунисты — его единственные друзья, и более того, что коммунистическая власть — это и есть сама народная власть, а следовательно, все, кто против коммунистов — против народа. В рамках такой логики, которую целенаправленно и усиленно навязывали народу, места никаким антикоммунистическим партиям (вовсе не случайно, что их со времен гражданской войны и до краха советского режима звали антисоветскими) и силам просто не оставалось.

Примечания

- ¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63.
- ² Там же. Л. 1—25.
- ³ См., напр.: Там же. Л. 41, 53, 54, 55.
- ⁴ Там же. Л. 51—52.
- ⁵ Там же. Л. 55.
- ⁶ Там же. Л. 61, 62, 64, 65, 66.
- ⁷ Там же. Л. 26.
- ⁸ Там же. Л. 27.
- ⁹ Там же. Л. 27—27об.
- ¹⁰ Там же. Л. 27.
- ¹¹ Там же. Л. 40, 40об.
- ¹² Там же. Л. 41.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 71.
- ¹⁵ Там же. Л. 75—76.
- ¹⁶ Там же. Л. 72.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 73.
- ¹⁹ Там же. Л. 163—163об.
- ²⁰ Там же. Л. 144.
- ²¹ Там же. Л. 145.
- ²² Там же. Л. 146.
- ²³ Там же. Л. 190.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 193.
- ²⁶ Там же. Л. 192.
- ²⁷ Там же. Л. 180.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 183.
- ³⁰ Там же. Л. 76а.

- ³¹ Там же. Л. 766.
- ³² Там же. Л. 83—85.
- ³³ Там же. Л. 86—87об.
- ³⁴ Там же. Л. 88—88 об.
- ³⁵ Там же. Л. 86.
- ³⁶ Там же. Л. 87—87об.
- ³⁷ См.: Там же. Л. 88—88об.
- ³⁸ Там же. Л. 82.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 79—81.
- ⁴¹ Там же. Л. 80.
- ⁴² Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002. С. 222—225.
- ⁴³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 363 (в конверте Л. 293).
- ⁴⁴ Там же. Л.
- ⁴⁵ Там же. Л. 99—105.
- ⁴⁶ Там же. Л. 106—116.
- ⁴⁷ Там же. Л. 106.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Л. 127—128.
- ⁵⁰ Там же. Л. 126.
- ⁵¹ Там же. Л. 117—122.
- ⁵² Там же. Л. 132—133.
- ⁵³ Там же. Л. 138—138об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 135—137.
- ⁵⁵ Там же. Л. 141.
- ⁵⁶ Там же. Л. 160.
- ⁵⁷ Цит. по: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров / Пер. с англ. М., 1993. С. 211.
- ⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 164.
- ⁵⁹ Там же. Л. 164.
- ⁶⁰ Там же. Л. 164—164 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 165.
- ⁶² Там же. Л. 181.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. Л. 29—35.
- ⁶⁵ Там же. Л. 35.
- ⁶⁶ Там же. Л. 69.
- ⁶⁷ Там же. Л. 69—70.
- ⁶⁸ Там же. Л. 162.
- ⁶⁹ Там же. Л. 167.
- ⁷⁰ Там же. Л. 175.
- ⁷¹ Там же. Л. 197.
- ⁷² Там же. Л. 200.
- ⁷³ Там же. Л. 205.
- ⁷⁴ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 549.
- ⁷⁵ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 111.
- ⁷⁶ Там же. Л. 108 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 6.

- 78 Там же.
- 79 Там же. Л. 26.
- 80 Там же.
- 81 Там же. Л. 27.
- 82 Там же. Т. 46. Л. 28.
- 83 Там же. Т. 46. Л. 124—124об.
- 84 Там же. Л. 76.
- 85 Там же. Л. 73.
- 86 Там же. Т. 57. Л. 227.
- 87 Дмитрий Дмитриевич Донской / Сост., автор введения и комментариев Я. А. Яковлев. Томск, 2000. С. 140.
- 88 Двинов С. Кровавая пошлость (Письмо из Москвы) // Социалистический Вестник. № 15. 2 августа 1922. С. 6.
- 89 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 100.
- 90 Там же. Л. 162.
- 91 Там же. Л. 124 об.
- 92 Там же. Т. 46. Л. 26.
- 93 Там же. Л. 126.
- 94 Там же. Л. 59.
- 95 Там же.
- 96 Там же. Л. 59.
- 97 Там же. Т. 46. Л. 148.
- 98 Там же. Т. 47. Л. 57.
- 99 Там же. Т. 46. Л. 50.
- 100 Там же. Т. 51. Л. 120.
- 101 Там же. Т. 46. Л. 146.
- 102 Там же. Т. 48. Л. 232, 232 об. Т. 47. Л. 76.
- 103 Там же. Т. 51. Л. 156об.
- 104 Там же. Т. 47. Л. 67.
- 105 Там же. Т. 46. Л. 50.
- 106 Там же. Л. 144.
- 107 Там же. Л. 145—145 об.
- 108 Там же. Л. 146.
- 109 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 290.
- 110 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 50.
- 111 Дмитрий Дмитриевич Донской. С. 144.
- 112 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 47. Л. 46.
- 113 Там же. Л. 48.
- 114 Там же. Л. 240.
- 115 Там же. Т. 46. Л. 50.
- 116 Там же. Л. 28.
- 117 Там же. Л. 34.
- 118 Там же. Л. 118об.
- 119 Там же. Т. 57. Л. 190.
- 120 Там же. Л. 124.
- 121 Там же.
- 122 Там же. Т. 46. Л. 124—124об.
- 123 Там же. Л. 43.
- 124 Там же. Л. 160—161.
- 125 Там же. Л. 43.

- 126 Там же. Л. 125.
127 Там же. Л. 124—124об.
128 Там же.
129 Там же. Л. 125.
130 Там же.
131 Там же. Л. 187—187 об.
132 Там же. Т. 51. Л. 4.
133 Там же. Л. 5.
134 Там же. Л. 159.
135 Там же.
136 Там же. Л. 163—163об.
137 Там же. Л. 162.
138 Там же. Л. 176.
139 Там же. Т. 51. Л. 1—2.
140 Там же. Л. 2.
141 Там же.
142 Там же. Л. 3.
143 Там же. Л. 53.
144 Там же. Л. 61.
145 Там же. Л. 28.
146 Там же. Л. 35.
147 Там же. Л. 31.
148 Там же. Л. 52.
149 Там же. Л. 29.
150 Там же. Л. 40.
151 Там же.
152 Там же. Л. 70.
153 Там же. Л. 71.
154 Там же. Л. 76.
155 Там же. Л. 44.
156 К окончанию процесса помимо этих сводок появились и новые, называвшиеся «Сводка № ...наружной разведки, обслуживающей процесс правых эсеров» и подписывавшиеся Врид начальника Общей агентуры Секретной части МГО ГПУ Фокиным или его помощником (подпись разобрать не удалось. — *К. М.*) (Там же. Л. 156, 159—161, 165—167, 175, 176, 178—185).
157 Там же. Л. 22
158 Там же. Т. 46. Л. 178.
159 Там же. Т. 51. Л. 37.
160 Там же. Л. 38.
161 Там же. Л. 65.
162 Там же. Л. 19.
163 Там же. Л. 31.
164 Там же. Л. 42.
165 Там же. Л. 75.
166 Там же. Л. 44.
167 Там же. Л. 81.
168 Там же. Л. 38.
169 Там же. Л. 75.
170 Там же. Л. 74.
171 Там же. Л. 94.

¹⁷² Там же. Л. 48.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. Л. 64.

¹⁷⁵ Там же. Л. 67.

¹⁷⁶ Там же. Л. 86об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 156—156об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 158—158об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 86.

¹⁸⁰ Там же. Л. 66—66об.

¹⁸¹ Там же. Л. 74об.

¹⁸² Там же. Л. 98.

¹⁸³ Там же. Л. 39.

¹⁸⁴ Там же. Л. 41.

¹⁸⁵ В. М. Зензинов вспоминал: «Кончилось дело тем, что я для своих передвижений по городу „по делу“ выработал целую технику. Если мне в условном месте (у сочувствовавших нам лиц, которые предоставляли для наших свиданий свои квартиры — это называлось „явкой“) надо было встретиться с кем-нибудь из приезжих, о чем меня извещали по телефону, то я выходил из дома часа за два до назначенного момента свидания. И затем начиналась довольно откровенная игра в кошку и мышку. С самым невинным видом я шел по направлению к находившимся от нас в 10—15 минутах ходьбы Торговым Рядам на Красной Площади (иногда для ускорения всей процедуры ехал туда на извозчике). Верхние Торговые Ряды на Красной Площади был род огромного пассажа со стеклянной крышей. Этот пассаж выходил на четыре стороны, состоял из нескольких внутренних параллельных рядов магазинов в четыре этажа, имелся, кроме того, и подвальный этаж. И все эти этажи и ряды — что для меня было самым существенным — имели многочисленные переходы — внешние и внутренние. Я хорошо их изучил. И поступал следующим образом: я входил под своды Верхних Торговых Рядов и там делал неожиданный поворот за угол, затем нырял в подвал, быстрым шагом проходил в противоположном направлении, взбегал на четвертый этаж, опять в подвал — пока не чувствовал, что совершенно запутывал своих преследователей, если таковые были. Затем долго стоял за углом, высматривая, есть за мной кто-нибудь или нет — а после этого небрежной походкой выходил на одну из четырех сторон пассажа, на всякий случай заменив шляпу шапкой или кепкой, которые я запасливо носил всегда во внутренних карманах; при этом еще старался изменить свою походку. Чтобы выследить меня при этих условиях, Охранному Отделению пришлось бы мобилизовать несколько десятков своих филеров, чтобы установить их по всем четырем сторонам длинных Торговых Рядов — вряд ли они это делали. Потом я шел приблизительно в нужном мне направлении, стараясь в узеньких и извилистых переулках, которых как раз много в этой торговой части города между Никольской и Ильинкой, еще раз проверить, есть ли за мной наблюдение. Это порой походило не то на гимнастические упражнения, не то на рысистые бега... Конечно, такие приемы требовали много времени и были утомительны, но зато я мог надеяться, что никого не приведу за собой. Воображаю, как филеры меня ругали! (См.: Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 116—117).

¹⁸⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 51. Л. 159.

¹⁸⁷ Там же. Л. 159 об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 165.

¹⁸⁹ Там же. Л. 165.

¹⁹⁰ Там же. Л. 165, 164.

¹⁹¹ Там же. Л. 185.

- 192 Там же. Т. 48. Л. 16.
193 Там же. Л. 7.
194 Там же.
195 Там же. Л. 9.
196 Там же. Л. 12.
197 Там же. Л. 10.
198 Там же. Л. 16.
199 Там же. Л. 13, 17.
200 Там же. Л. 17.
201 Там же. Л. 18.
202 Там же. Л. 201.
203 Там же. Л. 51.
204 Там же. Л. 265.
205 Там же. Л. 16.
206 Там же. Л. 17.
207 Тюрьма в Кисельном пер., куда эсеров привезли накануне процесса, была переделана из жилого дома (см. подробнее: Бабина Б. А. Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990, а также в главе VI наст. книги).
208 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 55. Л. 274, 270, 272.
209 Там же. Л. 1.
210 Там же. Л. 4, 53.
211 Там же. Л. 38.
212 Там же. Л. 4.
213 Там же. Л. 118.
214 Там же. Л. 224.
215 Там же. Л. 19.
216 Там же. Л. 19—19об.
217 Там же. Л. 20—20об.
218 Там же. Л. 21.
219 Там же. Л. 23.
220 Там же. Л. 23.
221 Там же. Л. 24, 24об.
222 Там же. Л. 26.
223 Там же. Л. 26.
224 Там же. Л. 32.
225 Там же. Л. 35.
226 Там же. Л. 49.
227 Там же. Т. 48. Л. 67.
228 Там же. Т. 55. Л. 17.
229 Там же. Л. 176.
230 Там же. Т. 48. Л. 20—20об.
231 Там же. Л. 21.
232 Там же. Л. 23.
233 Там же. Л. 27, 27 об, 28.
234 Там же. Л. 42, 42об.
235 Там же. Л. 61.
236 Там же. Л. 158.
237 Там же. Л. 228.
238 Там же. Л. 262.

- 239 Там же. Л. 268.
- 240 Там же. Л. 269.
- 241 Там же. Л. 270.
- 242 Там же. Т. 57. Л. 220 (копия), 221 (подлинник).
- 243 Там же. Л. 219.
- 244 Там же.
- 245 Там же. Л. 214.
- 246 Там же. Л. 217.
- 247 Там же. Л. 199—199об.
- 248 Там же. Л. 221.
- 249 Там же. Т. 56. Л. 249—257об.
- 250 Там же. Л. 249.
- 251 Там же. Л. 249—249об.
- 252 Там же. Л. 249об.
- 253 Там же. Л. 292.
- 254 Там же. Л. 255.
- 255 Там же. Т. 57. Л. 204.
- 256 Там же. Л. 204 об.
- 257 Там же. Л. 199—199об.
- 258 См., например, сводку за то же 8 июля (Там же. Т. 48. Л. 84—84об.).
- 259 См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 847.
- 260 Буревоу К. Распад. 1918—1922. М., 1923.
- 261 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 133.
- 262 Там же.
- 263 Там же. Т. 57. Л. 272.
- 264 Там же. Т. 48. Л. 63, 174.
- 265 Там же. Т. 57. Л. 279.
- 266 Там же. Л. 273.
- 267 Там же. Т. 48. Л. 262, 262об.
- 268 Там же. Л. 22.
- 269 Там же. Л. 33.
- 270 Там же. Л. 217об.
- 271 Там же. Л. 75.
- 272 Там же. Л. 226 об.
- 273 Там же. Л. 228.
- 274 Там же. Т. 47. Л. 38.
- 275 Там же. Т. 48. Л. 232, 232 об.
- 276 Там же. Т. 46. Л. 160, 161.
- 277 Там же. Т. 57. Л. 241—241об.
- 278 Там же. Л. 241
- 279 Там же. Л. 242.
- 280 Там же.
- 281 Там же.
- 282 Там же. Л. 272.
- 283 Там же. Л. 244 —337.
- 284 Там же. Л. 272.
- 285 Чекистами тщательно проверялись все журналисты, обслуживавшие процесс (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 53). В самом начале этого тома имеется документ, пожививший начало процессу проверки — на списке 24-х сотрудников Бюро печати суда на получение служебных билетов пом. нач. СО ГПУ Дерibas поставил

резолуцию, в которой требовал: «1. Составить список на всю эту публику и навести на них справку и в учетно-регистрационном отделе, и в Регистрационно-статистическом, и в своих собственных отделениях. 2. На основании анкет и полученных справок оставить о личном составе заключение» (Там же. Л. 3). Так и было сделано (в деле содержатся собственноручно заполненные короткие анкеты). Озаботились чекисты и тем, чтобы взять под свой контроль многочисленный штат машинисток и стенографисток, обслуживающий процесс, о чем свидетельствует следующий пункт постановления «Особтройки» от 15 мая 1922 г.: «поручить т. Шиманкевичу влить в среду машинисток и стенографисток своего наблюдателя, дав последнему официальное назначение от Верхтриба в качестве старшего делопроизводителя, и несколько своих машинисток и стенографисток» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 22).

²⁸⁶ Там же. Т. 51. Л. 37.

²⁸⁷ Там же. Л. 41.

²⁸⁸ Там же. Л. 37.

²⁸⁹ Там же. Т. 51. Л. 26.

²⁹⁰ Там же. Л. 27.

²⁹¹ Там же. Л. 54.

²⁹² См. их воспроизведение в книге М. Янсена «Суд без суда».

²⁹³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 51. Л. 66.

²⁹⁴ Там же. Л. 149.

²⁹⁵ Там же. Т. 47. Л. 210.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. Л. 310.

³⁰¹ Там же. Л. 306.

³⁰² Там же. Л. 312.

³⁰³ Там же. Л. 313.

³⁰⁴ Там же. Л. 326, 326об.

³⁰⁵ Там же. Л. 332, 332об.

³⁰⁶ Там же. Л. 327.

³⁰⁷ Там же. Л. 348.

³⁰⁸ Там же. Л. 349.

³⁰⁹ Там же. Л. 314.

³¹⁰ Там же. Л. 331.

³¹¹ Там же. Л. 345. Из «Ведомости на выдачу дополнительных билетов родственникам» видно, что со стороны Ивановой-Ирановой Е. А. пропуск получила Шесневская Александра Ипполитовна, со стороны Львова М. И. — Сазонова Зоя Изотовна и Сазонова Любовь Александровна, со стороны Ефимова П. Т. — Журавлев Сергей Алексеевич, со стороны Горькова Г. — Богословская Ольга Ивановна, со стороны Берга Е. С. — Берг Анна Ефремовна, Берг Ревека Ефремовна, со стороны Веденяпина М. А. — Рахманова Евгения Эмилия, со стороны Д. Д. Донского — Филиппченко Елена Михайловна, со стороны Агапова В. В. — Агапов Иван Владимирович, со стороны С. В. Морозова — Морозова Анна Андреевна. Далее следовала подпись Шиманкевича и продолжение списка: со стороны М. Я. Гендельмана — Гендельман Яков Эммануилович, со стороны Л. Я. Герштейна — Егорова Лия Яковлевна, со стороны М. Я. Лихача — Кремьянский Семен Евграфович, со стороны Берга Ефима Самойловича (так в тексте. — К. М.) — Берг Ида, со стороны М. Я. Гендельмана — Гендельман Борис Яковлевич, со стороны М. А. Лихача — Соловьева-Файнберг Ольга Самуиловна, со стороны Тимофеева Евгения

Игнатъевича — Иков Владимир Константинович, Ракова Дмитрия Федоровича — Кашинцев Дмитрий Александрович, со стороны Ратнер-Элькинд Е. М. — Элькинд Лев Моисеевич, со стороны Гендельмана — Гендельман Лина Яковлевна, со стороны И. С. Дашевского — Зуева Екатерина Павловна, со стороны С. В. Морозова — Виноградова Мария Александровна, со стороны Н. И. — Артемьева Ольга Ивановна, со стороны Семенова — Гольдштейн Ефроим Моисеевич и Щепкин Владимир, со стороны Артемьева — Сутугина Серафима Петровна, со стороны Злобина — Злобина Елена Иосифовна (Там же. Л. 304—305 об.).

³¹² Дмитрий Дмитриевич Донской. С. 140.

³¹³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 49. Л. 7.

³¹⁴ «1. Гоц Сара Николаевна, жена, „Утка“. 2. Донская Надежда Михайловна, жена, „Мушка“. 3. Ючис Рахилия Бенедиановна, жена, „Киевлянка“, жена Иванова Николая. 4. Тимофеева Анастасия Павловна, жена, „Матроска“. 5. Ракова Анна Дмитриевна, жена, „Старуха“. 6. Хворостова Валентина Михайловна, дочь, „Клавочка“, дочь Веденяпина. 7. Грузинова Екатерина, жена, „Лавочка“, жена Веденяпина. 8. Гендельман Фаня Львовна, жена, „Жучка“. 9. Аверкиева Нина Александровна, жена, „Швейка“, жена Альтовского. 10. Либерова Дора Григорьевна, жена, „Цыганка“. 11. Берг Ревека Соломоновна, дочь, „Молодайка“, дочь Берга. 12. Рабинович Эммануил Николаевич, брат жены Гоца, „Длинный“. 13. Рабинович Берта Мартовна, сестра жены Гоца, „Ворона“. 14. Артемьева Мария Петровна, жена, „Серая“. 15. Лихач-Соловьева Дарья Гавриловна, жена, „Брюнетка“. 16. Кашин, свидетель, „Врун“, свидетель 1-й группы обвиняемых. 17. Муравьев Николай Константинович, защитник, „Верблюдина“. 18. Жданов Владимир Анатольевич, защитник, „Спасс“. 19. Тагер, защитник, „Ваш“. 20. Карякин Гаврил Львович, защитник, „Юрист“» (Там же. Л. 4).

³¹⁵ Там же. Л. 1—26.

³¹⁶ «1. Гоц Сарра Николаевна, 40, —, —, не служит, беспартийная, жена чл. ЦК ПСР, пользуется большой популярностью среди родственников с.-р., имеет большие связи с видными с.-р., выполняет различные поручения с.-р., как сидящих в тюрьме, так и находящихся на свободе, Армянский пер., д. 9, кв. 16, При ней находится двое детей 7 и 8 лет.
2. Гоц Гоца Ароновна, 24 лет, —, среднее, счетовод Главснабпродарм, беспарт., племянница чл. ЦК ПСР Гоца, выполняет часто технические различные поручения, Тоже.
3. Гоц Клара Ароновна, 29 лет, —, Высшее, врач Наркоздрава, беспарт., то же самое, то же.
4. Рабинович Эммануил Николаевич, —, —, —, —, брат жены Гоц и оказывает всякое содействие с.-р., проходящим по процессу, то же.
5. Рабинович Васса Мееровна, 33, —, высшее, врач, беспарт., жена Рабиновича, то же выполняет различные поручения, то же.
6. Соловьева Дарья Гавриловна, 36, мешанка, среднее, служит неизвестно где, с.-р., жена члена ЦК ПСР Лихач, до ее ареста в 1922 г., проживала нелегально. В настоящее время выполняет различные технические поручения видных с.-р., Теплый пер. д.5/36, кв. 6.
7. Донская Надежда Михайловна, —, —, —, —, беспарт., жена чл. ЦК ПСР Донского, активна, содействует нелегальной работе ПСР, Н. Басманная, д. 9, кв. 4.
8. Артемьева Мария Петровна, 32, мешан., высшее, —, 1907, жена члена ЦК ПСР Артемьева, активно работает с ПСР, ведет нелегальную работу, служит связью между с.-р. сидящими в тюрьме и находящимися на воле., М. Каховский пер., д. 6, кв. 10.
9. Аверкиева Нина Александровна, 29, мешанка, высшее, Горн. Совет ВСНХ, 1917, жена видного работника ПСР Альтовского, рядовой член партии, выполняет технические задания ПСР, Георгиевский пер., кв. 8.

10. Гендельман Фаня Львовна, 37, мешанка, среднее, домашняя хозяйка, беспарт., жена члена ЦК ПСР Гендельмана, служит связью между с.-р., сидящими в тюрьме и находящимися на воле, Моховая 10, кв.15.
11. Гендельман Самуил Яковлевич, 23, мешанин, среднее, студент Московского университета, беспарт., брат члена ЦК ПСР Гендельмана, оказывает всякое содействие в нелегальной работе ПСР, и в связи с процессом выполняет различные поручения привлеченных к суду, Тоже.
12. Гендельман Илья Михайлович, 17 лет, мешанин, среднее, учащийся, беспарт., сын чл. ЦК ПСР Гендельмана, выполняет различные технические поручения ПСР.
13. Либерова Дора Григорьевна, 28 лет, мешанка, высшее, библиотека НКПС, 1917, жена видного работника ПСР. Активно принимает участие в нелегальной работе ПСР, Настасьинский пер. 8, кв. 4.
14. Либерова Екатерина Васильевна, —, —, —, —, (о парт. пропуск), сестра видного работника ПСР Либерова, тоже самое, тоже.
15. Кохалкина Екатерина Романовна, 32 года, крестьян., домашнее, Архивариус Историко-Революционного Архива, беспарт., жена видного с.-р. Злобина, выполняет технические поручения членов ПСР, Трубниковский пер. 4, кв. 4.
16. Юцис Рахиль Венециановна (так в тексте. — *К. М.*), 23, мешан., среднее, учащаяся медфака, парт., жена члена ЦК ПСР Иванова, оказывает услуги в нелегальной работе ПСР, Арбат, 51, кв. 41.
17. Грузинова Екатерина, —, —, —, —, парт., жена чл. ЦК ПСР Веденяпина имеет связь в видными работниками ПСР, Большой Власьевский пер. 7, кв. 7.
18. Хворостова Валентина Михайловна, —, —, —, —, дочь члена ЦК ПСР Веденяпина выполняет различные технические поручения нелегальных работников ПСР, то же.
19. Берг Ида, —, —, —, —, парт., Жена видного с.-р. Берга поддерживает связь с активными работниками ПСР, Долгоруковская 4, кв. 1.
20. Берг Ревекка Ефремовна, —, —, —, —, дочь видного с.-р. Берга выполняет технические поручения членов ПСР, враждебно настроена против Советской власти, то же.
21. Тимофеева Анастасия Павловна, —, —, —, —, парт., жена члена ЦК ПСР Тимофеева выполняет различные поручения чл. ЦК ПСР служит связью между с.-р. сидящими в тюрьме и находящимися на свободе.
22. Закс Татьяна Романовна, —, —, —, —, неоднократно приходила на свидание к чл. ЦК ПСР Тимофееву, имеет связь с видными членами ПСР, Собачья площадка, дом 2, кв. 38.
23. Кремянский Семен Евграфович, —, —, —, —, один из родственников чл. ЦК ПСР Лихач выполняет самые конспиративные задания сидящих в тюрьме чл. ЦК ПСР, Большой Афанасьевский пер. дом 4, кв. 3.
24. Соловьева-Файеберг О. С., —, —, —, —, сестра жены члена ЦК ПСР Лихач, выполняет различные технические поручения членов ЦК ПСР, Теплый пер. д. 5/36, кв. 6.
25. Утгоф Екатерина Владимировна, —, —, —, —, сестра видного с.-р. Утгофа поддерживает связь с видными с.-р. и выполняет различные поручения, М. Бронная ул., дом 20, кв. 8.
26. Гольденвейзер Елена Владимировна, —, —, —, —, жена видного с.-р. Утгова. То же., Рогожская застава Старообрядческая ул. Дом младенца им. Кропоткина.
27. Злобин Сергей Владимирович, —, —, —, —, брат видного с.-р. Злобина выполняет поручения чл. ЦК ПСР, находящихся в тюрьме.
28. Злобина Елизавета Иосифовна, —, —, —, —, одна из родственниц видного с.-р. Злобина, который на процессе держит себя вызывающе.
29. Филиппченко Елена Михайловна, —, —, —, —, неоднократно приходила на свидание к чл. ЦК ПСР Донскому, а также поддерживает связь с видными с.-р., находящимися на свободе. Ново-Басманная, 9, кв. 4.

30. Сутугина Серафима Петровна, —, —, —, —, ходит на свидание к чл. ЦК ПСР Артемьеву и поддерживает связь с видными работниками ПСР, М. Каковинский пер., д. 6, кв.10.
31. Злобин Павел Степанович, —, —, —, —, —, —, Трубниковск., д. 4., кв. 4» (Там же).
- 317 Там же. Л. 36.
- 318 Там же. Т. 51. Л. 47.
- 319 «Во время процесса в зале сотрудники размещались среди публики. Приняты были под наблюдение Верблюдина, переводчик Либкнехта, защитник Жданов. Около 21 ч. к „Юродивому“ подошел объект, который спросил „Юродивого“, давно ли он приехал, на что последний ответил, приехал с разработки и даже еще не спал, а пошел прямо на процесс. Затем Юродивый спросил у объекта, приехал ли Иссинович, и получив от объекта ответ, что Иссинович приехал, спросил, чтобы объект приехал к нему, по адресу Сретенский бул., д. № 6, кв. 12, после окончания „Юродивый“ дождал какую-то старушку, по-видимому, жену, с которой на трамвае № 17 доехал до Сретенских ворот и пошел в д. № 6 подъезд № 2, по Сретенскому бульвару» (Там же. Л. 54). Далее в сводке сообщались приметы «Юродивого», женщины, бывшей с ним, и приметы «объекта». Заканчивалась сводка информацией о разъезде защитников: «После окончания процесса в 23 ч. 45 м. вышел защитник Жданов кличка „Спас“ и прошел к авто № 259, где у него какая-то дама спросила, куда он едет, он ответил сначала к Троицким воротам, а потом в „Люкс“. После этого „Спас“, какой-то тип, по-видимому, т. Луначарский и упомянутая дама, сели в указанный автомобиль и уехали, в виду темноты и большого скопления народа приметы описать не удалось. Переводчик Либкнехта кличка „Белка“ вышел в 23 часа 45 м. вместе с Либкнехтом и Розенфельдом, сели в автомобиль № 272 и поехали по направлению Моховой ул. спустя 10 м. после выхода Белки вышел Верблюдина и с ним 5 защитник (1-й группы обвиняемых) и прошли на Театральной пл. к трамвайной остановке, постояли там около 5 м., все время разговаривая о процессе, не стесняясь, несмотря на то, что кругом стояли ожидающие трамвая, критиковали ведение процесса и в особенности государственного обвинителя Крыленко, т. к. по-видимому, трамвай уже не ходил, то Верблюдина со всеми простился и с одним типом (тоже защитник обвин. 1-й группы), пошли по направлению 1 Дома Советов, остальные направились к Лубянской пл. На углу Воздвиженки [и] Моховой Верблюдина нанял извозчика № 1401, с типом поехали по направлению Храма Христа Спасителя, ввиду того, что поблизости не было извозчика, наблюдение пришлось прекратить» (Там же).
- 320 Там же.
- 321 Там же. Л. 93.
- 322 Там же. Л. 104.
- 323 Там же. Л. 111.
- 324 Там же. Л. 109.
- 325 Там же. Л. 111.
- 326 Там же. Л. 129.
- 327 Там же. Т. 42. Л. 56.
- 328 Там же. Т. 51. Л. 130.
- 329 Там же. Л. 132.
- 330 Там же. Т. 51. Л. 141.
- 331 Там же. Л. 149.
- 332 Там же. Т. 57. Л. 215.
- 333 Там же. Т. 51. Л. 155.
- 334 Там же. Л. 163.
- 335 Там же. Л. 169.
- 336 Там же.

- 337 Там же. Л. 170.
- 338 Там же. Л. 173.
- 339 Там же. Л. 177.
- 340 Там же. Л. 109.
- 341 Там же. Л. 149.
- 342 Там же. Л. 7.
- 343 См., например: там же. Л. 33, 111, 239.
- 344 Там же. Л. 94.
- 345 Там же. Л. 318.
- 346 Там же. Т. 49. Л. 340.
- 347 Там же.
- 348 Там же. Л. 320.
- 349 Там же. Л. 294.
- 350 Там же. Л. 398.
- 351 Там же. Л. 432.
- 352 Там же. Л. 433.
- 353 Там же. Л. 449.
- 354 Там же. Т. 49. Л. 503, 505.
- 355 См.: Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1971.
- 356 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 18—25, 30, 31, 35, 36.
- 357 Там же. Л. 18.
- 358 Там же. Л. 36.
- 359 Там же. Л. 26—29.
- 360 Там же. Л. 37—43об.
- 361 Там же. Л. 37—106.
- 362 Там же. Л. 101—106об.
- 363 Там же. Т. 46. Л. 116.
- 364 Там же. Л. 125.
- 365 Там же. Л. 131—141об.
- 366 Там же. Л. 125.
- 367 Там же. Л. 107—107об., 108—108об.
- 368 Там же. Л. 109.
- 369 Там же. Л. 111.
- 370 Там же. Л. 113—115.
- 371 Там же. Л. 125.
- 372 Там же. Т. 46. Л. 107—110.
- 373 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 463; ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 65. Л. 107.
- 374 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 22.
- 375 Там же. Л. 226, 22в.
- 376 Там же. Л. 160.
- 377 Там же. Л. 236—236об.
- 378 Там же. Л. 172.
- 379 Там же. Т. 46. Л. 107.
- 380 Там же. Л. 107.
- 381 Там же. Л. 108.
- 382 Там же. Л. 111.
- 383 Копию протокола см.: Там же. Т. 46. Л. 113.
- 384 Там же. Л. 113—115.
- 385 Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1. С. 159—165, 168—172.

- 386 Судебный процесс над социалистами-революционерами.
- 387 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 169.
- 388 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 565.
- 389 Там же. С. 566.
- 390 Там же. С. 567.
- 391 Там же. С. 93.
- 392 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 156.
- 393 Там же.
- 394 Там же.
- 395 Там же. Л. 157.
- 396 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 418—420, 489, 491.
- 397 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 150, 151.
- 398 Там же. Л. 149.
- 399 Там же.
- 400 Там же. Л. 152.
- 401 Там же.
- 402 Там же. Л. 153.
- 403 Там же.
- 404 Там же. Т. 41. Л. 8.
- 405 Там же. Л. 6—7.
- 406 Там же. Л. 13.
- 407 Там же. Л. 14.
- 408 Там же. Л. 8—9об.
- 409 Там же. Л. 7.
- 410 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 567.